

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://herzenalexander.ru/> Приятного чтения!

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен

ВЛАДИМИР-НА-КЛЯЗЬМЕ (1838-1839)

Не ждите от меня длинных повествований о внутренней жизни того времени... Страшные события, всякое горе все же легче кладутся на бумагу, чем воспоминания совершенно светлые и безоблачные... Будто можно рассказывать счастье? Дополните сами, чего недостает, догадайтесь сердцем - а я буду говорить о наружной стороне, об обстановке, редко, редко касаясь намеком или словом заповедных тайн своих.

("Былое и думы")

ГЛАВА XIX

Княгиня и княжна.

Когда мне было лет пять-шесть и я очень шалил, Вера Артамоновна говаривала: "Хорошо, хорошо, дайте срок, погодите, я все расскажу княгине, как только она приедет". Я тотчас умирался после этой угрозы и умолял ее не жаловаться.

Княгиня Марья Алексеевна Хованская, родная сестра моего отца, была строгая, угрюмая старуха, толстая, важная, с пятном на щеке, с поддельными пуклями под чепцом; она говорила прищуривая глаза и до конца жизни, то есть до восьмидесяти лет, употребляла немного румян и немного белил. Всякий раз, когда я ей попадался (306) на глаза, она притесняла меня; ее проповедям, ворчанью не было конца, она меня журила за все, за измятый воротничок, за пятно на курточке, за то, что я не так подошел к руке, заставляла подойти другой раз. Окончивши проповедь, она иногда говаривала моему отцу, бравши кончиками пальцев табак из крошечной золотой табакерки: "Ты бы мне, голубчик, отдал баловня-то твоего на выправку, он у меня в месяц сделался бы шелковый". Я знал, что меня не отдадут, а все-таки у меня делался зноб от этих слов.

С летами страх прошел, но дома княгини я не любил - я. в нем не мог дышать вольно, мне было у нее не по себе, и я, как пойманный заяц, беспокойно смотрел то в ту, то в другую сторону, чтоб дать стрелка.

Княгинин дом вовсе не походил на дом моего отца или Сенатора. Это был старинный, православный русский дом. Дом, в котором соблюдались посты, ходили к заутрени, ставили накануне, крещенья крест на дверях, делали удивительные блины на масленице, ели буженину с хреном, обедали ровно в два и ужинали в девятом часу. Западная зараза, коснувшаяся братьев и сбившая их несколько с родной колеи, не коснулась житья княгини; она, напротив, с неудовольствием посматривала, как "Ванюша и Левушка" испортились в этой Франции.

Княгиня жила во флигеле дома, занимаемого ее теткой, княжной Мещерской, девицей лет восьмидесяти.

Княжна была живою и чуть ли не единственною связью множества родственников во всех семи восходящих и нисходящих коленах. Около нее собирались в большие праздники все ближние; она мирила ссорившихся, сближала отдалявшихся, ее все уважали, и она заслуживала это. С ее смертью родственные семьи распались, потеряли свое средоточие, забыли друг друга.

Она окончила воспитание моего отца и его братьев; после смерти их родителей она заведовала их именем до совершеннолетия, она отправила их в гвардию на службу, она выдала замуж их сестер. Не знаю, насколько она была довольна плодом своего воспитания, образовавши, с помощью французского инженера, Вольтерова родственника, помещиков esprits forts¹, но уважение к себе вселить она умела, и племянники, не (307) очень расположенные к чувствам покорности и уважения, почитали старушку и часто слушались ее до конца ее жизни.

Дом княжны Анны Борисовны, уцелевший каким-то чудом во время пожара 1812, не был поправлен лет пятьдесят; штофные обои, вылинялые и почерневшие, покрывали стены; хрустальные люстры, как-то загорелые и сделавшиеся дымчатыми топазами от времени, дрожали и позванивали, мерцая и тускло блестя, когда кто-нибудь шел по комнате; тяжелая, из цельного красного дерева, мебель, с вычурными украшениями, потерявшими позолоту, печально стояла около стен; комоды с китайскими инкрустациями, столы с медными решеточками, фарфоровые куклы рококо - все

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru напоминало о другом веке, об иных нравах.

В передней сидели седые лакеи, важно и тихо занимаясь разными мелкими работами, а иногда читая вполслова молитвенник или псалтырь, которого листы были темнее переплета. У дверей стояли мальчики, но и они были скорее похожи на старых карликов, нежели на детей, никогда не смеялись и не подымали голоса.

Во внутренних комнатах царила мертвая тишина; только по временам раздавался печальный крик какаду, несчастный опыт его, картавя, повторить человеческое слово, костяной звук его клюва об жердочку, покрытую жестью, да противное хныканье небольшой обезьяны, старой, осунувшейся, чахоточной, жившей в зале на небольшом выступе изразцовой печи. Обезьяна эта, одетая дебардером², в широких красных шароварах, сообщала всей комнате особый запах, чрезвычайно неприятный. В другой зале висело множество фамильных портретов всех величин, форм, времен, возрастов и костюмов. Портрету эти имели для меня особый интерес именно по противоположности оригиналов с изображениями. Молодой человек лет двадцати, в светло-зеленом шитом кафтане, с пудреной головой, вежливо улыбающийся с холста, – это был мой отец. Девочка с растрепанными кудрями, с букетом роз, украшенная мушкой, неумолимо затянутая в какой-то граненый бокал, воткнутый в непомерные фижмы, была грозная княгиня... (308)

Чинность и тишина росли по мере приближения к кабинету. Старые горничные, в белых чепцах с широкой оборкой, ходили взад и вперед с какими-то чайничками так тихо, что их шагов не было слышно; иногда появлялся в дверях какой-нибудь седой слуга в длинном сертуке из толстого синего сукна, но и его шагов также не было слышно, даже свой доклад старшей горничной он делал, шевеля губами без всякого звука.

Небольшая ростом, высохнувшая, сморщившаяся, но вовсе не безобразная старушка обыкновенно сидела или, лучше, лежала на большом неуклюжем диване, обкладенная подушками. Ее едва можно было разглядеть; все было белое: капот, чепец, подушки, чехлы на диване. Бледно-восковое и кружевно-нежное лицо ее вместе с слабым голосом и белой одеждой придавали ей что-то отошедшее, еле-еле дышащее.

Большие английские столовые часы своим мерным, громким спондеем – тик-так – тик-так – тик-так... казалось, отмеривали ей последние четверть часа жизни.

Часу в первом являлась княгиня и важно усаживалась в глубокие кресла, ей было скучно в пустом флигеле своем. Она была вдова, и я еще помню ее мужа; он был небольшого роста, седенький старичок, пивший тайком от княгини настойки и наливки, – ничем не занимавшийся путным в доме и привыкший к безусловной покорности жене, против которой иногда возмущался на "ловах, особенно после наливок, но никогда на деле. Княгиня удивлялась потом, как сильно действует на князя Федора Сергеевича крошечная рюмка водки, которую он пил официально перед обедом, и оставляла его покойно играть целое утро с дроздами, соловьями и канарейками, кричавшими наперерыв во все птичье горло; он обучал одних органчиком, других собственным свистом; он сам ездил ранехонько в Охотный ряд менять птиц, продавать, прикупать; он был артистически доволен, когда случалось (да и то по его мнению), что он надул купца... и так продолжал свою полезную жизнь до тех пор, пока раз поутру, посвиставши своим канарейкам, он упал навзничь и через два часа умер.

Княгиня осталась одна. У нее были две дочери; она обеих выдала замуж, обе вышли не по любви, а только чтоб освободиться от родительского гнета матери. (309) Обе умерли после первых родов. Княгиня была действительно несчастная женщина, но несчастья скорее исказили ее нрав, нежели смягчили его. Она от ударов судьбы стала не кротче, не добрее, а жестче и угрюмее.

Теперь у нее оставались только братья и, главное, княжна. Княжна, с которой она почти не расставалась во всю жизнь, еще больше прильзила ее к себе после смерти мужа. Она не распоряжалась ничем в доме. Княгиня самодержавно управляла всем и притесняла старушку, под предлогом забот и внимания.

Около "стен, по разным углам постоянно сиживали всякие старухи, приживавшие у княжны или временно кочевавшие в ее доме. Полусвятые и полубродяги, несколько поврежденные и очень набожные, больные и чрезвычайно нечистые, эти старухи таскались из одного старинного дома в другой; в одном доме покармят, в другом подарят старую шаль, отсюда пришлют крупок и дровец, отсюда холста и капусты,

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru концы-то кой-как и сойдутся. Ими везде тяготились, везде их обходили, везде сажали на последнее место и везде принимали от скуки, пустоты, а пуще всего от любви к сплетням. При посторонних печальные фигуры эти обыкновенно молчали, с завистливой ненавистью поглядывали друг на друга... вздыхая, качали головой, крестились и бормотали себе под нос счет петель, молитвы, а может, и брань. Зато, оставшись наедине с благодетельницей и покровительницей, они вознаграждали себя за молчание самой предательской болтовней обо всех других благодетельницах, к которым их пускали, где их кормили и дарили.

Они беспрестанно просили что-нибудь у княжны и за ее подарки, делаемые часто тайком от княгини, которая не любила их баловать, приносили ей окаменелые просвиры и собственного изделия шерстяные и вязаные ненужности, которые княжна потом продавала в их же пользу, причем воля покупателя вовсе не бралась в соображение.

Сверх дня рождения, именин и других праздников, самый торжественный сбор родственников и близких в доме княжны был накануне Нового года. Княжна в этот день поднимала Иверскую Божию Матерь. С пением носили монахи и священники образ по всем комнатам. Княжна первая, крестясь, проходила под него, (310) за ней все гости, слуги, служанки, старики, дети. После этого все поздравляли ее с наступающим Новым годом и дарили ей всякие безделицы, как дарят детям. Она ими играла несколько дней, потом сама раздаривала.

Отец мой возил меня всякий год на эту языческую церемонию; все повторялось в том же порядке, только иных стариков и иных старушек не доставало, об них намеренно умалчивали, одна княжна говаривала: "А нашего-то Ильи Васильевича и нет, дай ему бог царство небесное!.. Кого-то в будущий год господь еще позовет?" - И сомнительно качала головой.

А спондей английских часов продолжал отмеривать дни, часы, минуты... и наконец домерил до роковой секунды; старушка раз, вставши, как-то дурно себя чувствовала; прошлась по комнатам - все нехорошо; кровь пошла у нее носом и очень обильно, она была слаба, устала, прилегла совсем одетая на своем диване, спокойно заснула... и не просыпалась. Ей было тогда за девяносто лет.

Дом и большую часть имения оставила она княгине, но внутренний смысл своей жизни не передала ей. Княгиня не умела продолжать изящную в своем роде роль прародительницы, патриархальной связи многих нитей. С кончиной княжны все приняло разом, как в гористых местах при заходе солнца, мрачный вид; длинные черные тени легли на все. Она заперла наглухо дом тетки и осталась жить во флигеле, двор порос травой, стены и рамы все больше и больше чернели; сени, на которых вечно спали какие-то желтоватые неуклюжие собаки, покривились.

Знакомые и родные редели, дом ее пустел, она огорчалась этим, но поправить не умела.

Уцелев одна из всей семьи, она стала бояться за свою ненужную жизнь и безжалостно отталкивала все - что могло физически или морально расстроить равновесие, обеспокоить, огорчить. Боясь прошедшего и воспоминаний, она удаляла все вещи, принадлежавшие дочерям, даже их портреты. То же было после княжны - какаду и обезьяна были сосланы в людскую, потом высланы из дома. Обезьяна доживала свой век в кучерской у Сенатора, задыхаясь от нежинских корешков и потешая фрейторов. (311)

Эгоизм самохранения страшно черствит старое сердце. Когда болезнь последней дочери ее приняла совершенно отчаянный характер, мать уговорили ехать домой, и она поехала. Дома она тотчас велела приготовить разные спирты и капустные листья (она их привязывала к голове) для того, чтоб иметь под рукой все, что надобно, когда придет страшная весть. Она не простилась ни с телом мужа, ни с телом дочери, она их не видала после смерти и не была на похоронах. Когда впоследствии умер Сенатор, ее любимый брат, она догадалась по нескольким словам племянника о том, что случилось, и просила его не объявлять ей печальной новости, ни подробности кончины. Как же не жить с этими мерами против собственного сердца - и такого сговорчивого сердца - до восьмого, девятого десятка в полном здоровье и с несокрушимым пищеварением.

Впрочем, напомним в защиту княгини, что это уродливое отдаление всего печального было гораздо больше в ходу у аристократических баловней прошлого века, чем

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru теперь. Знаменитый Кауниц строго запретил под старость, чтоб при нем говорили о чьей-нибудь смерти и об оспе, которой он очень боялся. Когда умер Иосиф II, секретарь, не зная, как доложить Кауницу, решился сказать: "Ныне царствующий император Леопольд". Кауниц понял и, бледный, опустился на кресла, не спросив ничего. Садовник его в разговорах миновал слово "прививка", чтоб не напомнить оспы. Наконец о смерти собственного сына он узнал случайно от испанского посланника. А над страусами, которые прячут голову под крыло от опасности, люди смеются!

Для хранения полного покоя своего княгиня учредила особую полицию и начальство над нею вверила искусным рукам.

Сверх кочующих старух, унаследованных от княжны, у княгини жила постоянная "компаньонка". Эту почетную должность занимала здоровая, краснощекая вдова какого-то звенигородского чиновника, надменная своим "благородством" и ассессорским чином покойника, сварливая и неугомонная женщина, которая никогда не могла простить Наполеону преждевременную смерть ее звенигородской коровы, погибшей в Отечественную войну 1812 года. Я помню, как она серьезно заботилась после (312) смерти Александра I, - какой ширины плерезы ей следует носить по рангу.

Женщина эта играла очень неважную роль, пока княжна была жива, но потом так ловко умела приладиться к капризам княгини и к ее тревожному беспокойству о себе, что вскоре заняла при ней точно то место, которое сама княгиня имела при тетке.

Обшитая своими чиновными плерезами, Марья Степановна каталась, как шар, по дому с утра до ночи, кричала, шумела, не давала покоя людям, жаловалась на них, делала следствия над горничными, давала тузы и драла за уши мальчишек, сводила счеты, бегала на кухню, бегала на конюшню, обмахивала мух, терла ноги, заставляла принимать лекарство. Домашние не имели больше доступа к барыне это был Аракчеев, Бирон, словом первый министр. Княгиня - чопорная и хотя по-старинному, но все же воспитанная, часто, особенно сначала, тяготилась звенигородской вдовой, ее крикливым голосом, ее рыночными манерами, но вверялась ей больше и больше и с восхищением видела, что Марья Степановна значительно уменьшила и без того не очень важные расходы по дому. Кому княгиня берегла деньги - трудно сказать, у нее не было никого близкого, кроме братьев, которые были вдвое богаче ее.

Со всем тем княгиня, в сущности, после смерти мужа и дочерей скучала и бывала рада, когда старая француженка, бывшая гувернантой при ее дочерях, приезжала к ней погостить недели на две или когда ее племянница из Корчевы навещала ее. Но все это было мимоходом, изредка, а скучное с глазу на глаз с компаньонкой не наполняло промежутков.

Занятие, игрушка и рассеяние нашлись очень естественно незадолго перед смертью княжны.

ГЛАВА XX

Сирота.

В половине 1825 года "Химик", принявший дела отца в большом беспорядке, отправил из Петербурга в Шацкое имение своих братьев и сестер; он давал им господский дом и содержание, предоставляя впоследствии (313) заняться их воспитанием и устроить их судьбу. Княгиня поехала на них взглянуть. Ребенок восьми лет поразил ее своим грустно-задумчивым видом; княгиня посадила его в карету, привезла домой и оставила у себя.

Мать была рада и отправилась с другими детьми в Тамбов.

Химик согласился - ему было все равно.

- Помни всю жизнь, - говорила маленькой девочке, когда они приехали домой, компаньонка, - помни, что княгиня - твоя благодетельница, и молись о продолжении ее дней. Что была бы ты без нее?

И вот в этом отжившем доме, над которым угрюмо тяготели две .неугомонные

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru старухи: одна, полная причуд и капризов, другая – ее беспокойная лазутчица, лишенная всякой деликатности, всякого такта, – явилось дитя, оторванное от всего близкого ему, чужое всему окружающему и взятое от скуки, как берут собачонок или как князь Федор Сергеевич держал канареек.

В длинном траурном шерстяном платье, бледная до синеватого отлива, девочка сидела у окна, когда меня привез через несколько дней отец мой к княгине. Она сидела молча, удивленная, испуганная, и глядела в окно, боясь смотреть на что-нибудь другое.

Княгиня подозвала ее и представила моему отцу. Всегда холодный и неприветливый, он равнодушно потрепал ее по плечу, заметил, что покойный брат сам не знал, что делал, побранил Химика и стал говорить о другом.

У девочки были слезы на глазах; она опять села к окну и опять стала смотреть в него.

Тяжелая жизнь начиналась для нее. Ни одного теплого слова, ни одного нежного взгляда, ни одной ласки; возле, около – посторонние, морщины, пожелтелые щеки, существа потухающие, хилые. Княгиня была постоянно строга, взыскательна, нетерпелива и держала себя слишком далеко от сироты, чтоб ей в голову пришло приютиться к ней, отогреться, утешиться в ее близости или поплакать. Гости не обращали на нее никакого внимания. Компаньонка сносила ее как каприз княгини, как вещь лишнюю, но которая ей вредить не может; она, особенно при посторонних, даже показывала, что покровительствует ребенку и ходатайствует перед княгиней о ней. (314)

Ребенок не привыкал и через год был столько же чужд, как в первый день, и еще печальнее. Сама княгиня удивлялась его "серioзности" и иной раз, видя, как она часы целые уныло сидит за маленькими пальцами, говорила ей: "Что ты не порезвишься, не пробежишь", девочка улыбалась, краснела, благодарила, но оставалась на своем месте.

И княгиня оставляла ее в покое, нисколько не заботясь, в сущности, о грусти ребенка и не делая ничего для его развлечения. Приходили праздники, другим детям дарили игрушки, другие дети рассказывали о гуляньях, об обновлениях. Сироте ничего не дарили. Княгиня думала, что довольно делает для нее, давая ей "ров; благо есть башмаки, на что еще куклы! Их в самом деле было не нужно она не умела играть, да и не с кем было.

Одно существо поняло положение сироты; за ней была приставлена старушка няня, она одна просто и наивно любила ребенка. Часто вечером, раздевая ее, она спрашивала: "Да что же это вы, моя барышня, такие печальные?" Девочка бросалась к ней на шею и горько плакала, и старушка, заливаясь слезами и качая головой, уходила с подсвечником в руке.

Так шли годы. Она не жаловалась, она не роптала, она только лет двенадцати хотела умереть. "Мне все казалось, – писала она, – что я попала ошибкой в эту жизнь и что скоро ворочусь домой – но где же был мой дом?.. уезжая из Петербурга, я видела большой сугроб снега на могиле моего отца; моя мать, оставляя меня в Москве, скрылась на широкой, бесконечной дороге... я горячо плакала и молила бога взять меня скорей до

"...Мое ребячество было самое печальное, горькое, сколько слез пролито, не видимых никем, сколько раз, бывало, ночью, не понимая еще, что такое молитва, я вставала украдкой (не смея и молиться не в назначенное время) и просила бога, чтоб меня кто-нибудь любил, ласкал. У меня не было той забавы или игрушки, которая бы заняла меня и утешила, потому что ежели и давали что-нибудь, то с упреком и с непременно прибавлением: "Ты этого не стоишь". Каждый лоскут, получаемый от них, был мною оплакан; потом я становилась выше этого, стремление к науке душило меня, и ничему больше не завидовала в других детях, как учению. Мно(315)гие меня хвалили, находили во мне способности и с состраданием говорили: "Если б приложить руки к этому ребенку!" – "Он дивил бы свет", – договаривала я мысленно, и щеки мои горели, я спешила идти куда-то, мне виднелись мои картины, мои ученики – а мне не давали клочка бумаги, карандаша... Стремление выйти в другой мир становилось – все сильнее и сильнее, и с тем вместе росло презрение к моей темнице и к ее жестоким часовам, я повторяла беспрерывно стихи Чернеца:

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Вот тайна: дней моих весною

Уж я все горе жизни знал.

Помнишь ли ты, мы как-то были у вас, давно, еще в том доме, ты меня опросил, читала ли я Козлова, и сказал из него именно то же самое место. Трепет пробежал по мне, я улыбнулась, насилу удерживая слезы".

Глубоко грустная нота постоянно звучала в ее груди; вполне она никогда не исключалась, а только иногда умолкала, поглощенная светлой минутой жизни.

Месяца за два до своей кончины, возвращаясь еще раз к своему детству, она писала:

"Кругом было старое, дурное, холодное, мертвое, ложное, мое воспитание началось с упреков и оскорблений, вследствие этого – отчуждение от всех людей, недоверчивость к их ласкам, отвращение от их участия, углубление в самое себя..."

Но для такого углубления в самого себя надобно было иметь не только страшную глубь души, в которой привольно нырять, но страшную силу независимости и самобытности. Жить своею жизнью в среде неприязненной и пошлой, гнетущей и безвыходной могут очень немногие. Иной раз дух не вынесет, иной раз тело сломится.

Сиротство и грубые прикосновения в самый нежный возраст оставили черную полосу на душе, рану, которая никогда не срасталась вполне.

"Я не помню, – пишет она в 1837, – когда бы я свободно и от души произнесла слово "маменька", к кому бы, беспечно забывая все, склонилась на грудь. С восьми лет чужая всем, я люблю мою мать... но мы не знаем друг друга".

Глядя на бледный цвет лица, на большие глаза, окаймленные темной полоской, двенадцатилетней девочки, на ее томную усталость и вечную грусть, многим каза(316)лось, что это одна из предназначенных, ранних жертв чахотки, жертв, с детства отмеченных перстом смерти, особым знамением красоты и преждевременной думы. "Может, – говорит она, – я и не вынесла бы этой борьбы, если б я не была спасена нашей встречей".

И я так поздно ее понял и разгадал!

До 1834 я все еще не умел оценить это богатое существование, развертывавшееся возле меня, несмотря на то что девять лет прошло с тех пор, как княгиня представляла ее моему отцу в длинном шерстяном платье. Объяснить это нетрудно. Она была дика – я рассеян; мне было жаль дитя, которое все так печально и одиноко сидело у окна, но мы видались очень не часто. Редко, и всякий раз поневоле, ездил я к княгине; еще реже привозила ее княгиня к нам. Визиты княгини производили к тому же почти всегда неприятные впечатления, она обыкновенно ссорилась из-за пустяков с моим отцом, и, не видавшись месяца два, они говорили друг другу колкости, прикрывая их нежными оборотами, в том роде, как леденцом покрывают противные лекарства. "Голубчик мой", – говорила княгиня, – "Голубушка моя", – отвечал мой отец, и ссора шла своим порядком. Мы всегда радовались, когда княгиня уезжала. Сверх того, не надобно забывать, что я тогда был совершенно увлечен политическими мечтами, науками, жил университетом и товариществом.

Но чем жила она, сверх своей грусти, в продолжение этих темных, длинных девяти годов, окруженная глупыми ханжами, надменными родственниками, скучными иеромонахами, толстыми попадьями, лицемерно покровительствуемая компаньонкой и не выпускаемая из дома далее печального двора, поросшего травой, и маленького палисадника за домом?

Из приведенных строк уже видно, что княгиня не особенно изубычивалась на воспитание ребенка, взятого ею. Нравственностью занималась она сама; это преподавание состояло из наружной выправки и из привития целой системы лицемерия. Ребенок должен был быть с утра зашнурован, причесан, навывтяжке; это можно бы было допустить в ту меру, в которую оно не вредно здоровью; но княгиня шнуровала вместе с талией и душу, подавляя всякое откровенное, чистосердечное

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
чувство, она требовала улыбку и веселый вид, когда ребенку было (317) грустно, ласковое слово, когда ему хотелось плакать, вид участия к предметам безразличным, словом – постоянной лжи.

Сначала бедную девочку ничему не учили под предлогом, что раннее учение бесполезно; потом, то есть года через три или четыре, наскучив замечаниями Сенатора и даже посторонних, княгиня решила устроить учение, имея в виду наименьшую трату денег.

Для этого она воспользовалась старушкой-гувернантой, которая считала себя обязанной княгине и иногда нуждалась в ней; таким образом французский язык доведен был до последней дешевизны – зато и преподавался а batons rompus.

Но и русский язык был доведен до того же; для него и для всего прочего был приглашен сын какой-то вдовы-попадьи, облагодетельствованной княгиней, разумеется, без особых трат: через ее ходатайство у митрополита двое сыновей попадьи были сделаны соборными священниками. Учитель был их старший брат, диакон бедного прихода, обремененный большой семьей; он гибнул от нищеты, был доволен всякой платой и не смел делать условий с благодетельницей братьев.

Что может быть жальче, недостаточнее такого воспитания, а между тем все пошло на дело, все принесло удивительные плоды: так мало нужно для развития, если только есть чему развиться.

Бедный, худой, высокий и плешивый диакон был один из тех восторженных мечтателей, которых не лечат ни лета, ни бедствия, напротив, бедствия их поддерживают в мистическом созерцании. Его вера, доходившая до фанатизма, была искренна и не лишена поэтического оттенка. Между им – отцом голодной семьи – и сиротой, кормимой чужим хлебом, тотчас образовалось взаимное понимание.

В доме княгини диакона принимали так, как следует принимать беззащитного и к тому же кроткого бедняка, – едва кивая ему головой, едва удостоивая его словом. Даже компаньонка считала необходимым обращаться с ним свысока; а он едва замечал и их самих и их прием, с любовью давал свои уроки, был тронут понятливостью ученицы и умел трогать ее самое до слез. (318) Этого княгиня не могла понять, журила ребенка за плаксивость и была очень недовольна, что диакон расстроивает нервы: "Уж это слишком как-то эдак, совсем не по-детски!"

А между тем слова старика открывали перед молодым существом иной мир, иначе симпатичный, нежели тот, в котором сама религия делалась чем-то кухонным, сводилась на соблюдение постов да на хождение ночью в церковь, где изуверство, развитое страхом, шло рядом с обманом, где все было ограничено, поддельно, условно и жало душу своей узкостью. Диакон дал ученице в руки евангелие – и она долго не выпускала его из рук. Евангелие была первая книга, которую она читала и перечитывала с своей единственной подругой Сашей, племянницей няни, молодой горничной княгини.

Я Сашу потом знал очень хорошо. Где и как умела она развиться, родившись между кучерской и кухней, не выходя из девичьей, я никогда не мог понять, но развита была она необыкновенно. Это была одна из тех неповинных жертв, которые гибнут незаметно и чаще, чем мы думаем, в людских, раздавленные крепостным состоянием. Они гибнут не только без всякого вознаграждения, сострадания, без светлого дня, без радостного воспоминания, но не зная, не подозревая сами, что в них гибнет и сколько в них умирает.

Барыня с досадой скажет: "Только начала было девчонка приучаться к службе, как вдруг слегла и умерла..." Ключница семидесяти лет проворчит: "Какие нынче слуги, хуже всякой барышни", и отправится на кутью и поминки. Мать поплачет, поплачет и начнет попивать: тем дело и кончено.

И мы идем возле, торопясь и не видя этих страшных повестей, совершающихся под нашими ногами, отделяваясь важным недосугом, несколькими рублями и ласковым словом. А тут вдруг, изумленные, слышим страшный стон, которым дает о себе весть на веки чекосломившаяся душа, и, как спросонья, спрашиваем, откуда взялась эта душа, эта сила?

Княгиня убила свою горничную – разумеется, нехотя и бессознательно, – она ее замучила по мелочи, сломила ее, гнувши целую жизнь, она истомила ее унижениями,

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru шероховатым, грубым прикосновением. Она несколько лет не позволяла ей идти замуж и разре(319)шила только тогда, когда разглядела чахотку на ее страдальческом лице.

Бедная Саша, бедная жертва гнусной, проклятой русской жизни, запятнанной крепостным состоянием, – смертью ты вышла на волю! И ты еще была несравненно счастливее других, в суровом плену княгинино дома ты встретила друга, и дружба той, которую ты так безмерно любила, проводила тебя заочно до могилы. Много слез стоила ты ей; незадолго до своей кончины она еще поминала тебя и благословляла память твою как единственный светлый образ, явившийся в ее детстве!

...Две молодые девушки (Саша была постарше) вставали рано по утрам, когда все в доме еще спало, читали евангелие и молились, выходя на двор, под чистым небом. Они молились о княгине, о компаньонке, просили бога раскрыть их души; выдумывали себе испытания, не ели целые недели мяса, мечтали о монастыре и о жизни за гробом.

Такой мистицизм идет к отроческим чертам, к тому возрасту, где все еще тайна, все религиозная мистерия, пробуждающаяся мысль еще неясно светит из-за утреннего тумана, а туман еще не рассеян ни опытом, ни страстью.

В тихие и кроткие минуты я любил слушать потом рассказы об этой детской молитве, которую начиналась одна широкая жизнь и оканчивалось одно несчастное существование. Образ сироты, оскорбленной грубым благодеянием, и рабы, оскорбленной безвыходностью своего положения – молящихся на одичалом дворе о своих притеснителях, – наполнял сердце каким-то умилением, и редкий покой сходил на душу.

Это чистое и грациозное явление, никем не оцененное из близких в бессмысленном доме княгини, нашло, сверх диакона и Саши, отзыв и горячее поклонение всей дворни. Простые люди эти видели в ней больше, чем добрую, ласковую барышню, они в ней угадали что-то высшее, перед чем они склонялись, они веровали в нее. Невесты из княгинино дома просили ее приколоть своими руками какую-нибудь ленту, когда шли к венцу. Одна молодая горничная, помнится, ее звали Еленой, – вдруг занемогла колотьем; открылась сильная (320) плёрези⁴, надежды спасти ее не было, послали за попом. Девушка, испуганная, спрашивала мать, все ли кончено; мать, рыдая, сказала ей, что бог ее скоро позовет. Тогда больная, припав к матери, с горькими слезами просила сходить за барышней, чтоб она пришла сама благословить ее образом на тот свет. Когда она пришла к ней, больная взяла ее руку, приложила к своему лбу и повторяла: "Молитесь обо мне, молитесь!" Молодая девушка, сама вся в слезах, начала вполслова молитву – больная отошла в продолжение этого времени. Все в комнате стояли кругом на коленях и крестились; она закрыла ей глаза, поцеловала холодеющий лоб и вышла⁵.

Одни сухие и недаровитые натуры не знают этого романтического периода; их столько же жаль, как те слабые и хилые существа, у которых мистицизм переживает молодость и остается навсегда. В наш век с реальными натурами этого и не бывает; но откуда могло проникнуть в дом княгини светское влияние девятнадцатого столетия – он был так хорошо законопачен?

Щель нашлась–таки.

Корчевская кухня иногда гостила у княгини, она любила "маленькую кухню", как любят детей, особенно несчастных, но не знала ее. С изумлением, почти с испугом разглядела она впоследствии эту необыкновенную натуру и, порывистая во всем, тотчас решила поправить свое невнимание. Она просила у меня Гюго, Бальзака или вообще что-нибудь новое. "Маленькая (321) кухня, – говорила она мне, – гениальное существо, нам следует ее вести вперед!"

"Большая кухня", – и при этом названии я не могу без улыбки вспомнить, что она была прекрошечная ростом, – сообщила разом своей ставленнице все бродившее в ее собственной душе, шиллеровские идеи и идеи Руссо, революционные мысли, взятые у меня, и мечты влюбленной девушки, взятые у самой себя. Потом она ей тайком давала французских романов, стихов, поэм. Это были большей частью книги, вышедшие после 1830 года. Они, при всех недостатках, сильно будили мысль и крестили огнем и духом юные сердца. В романах и повестях, в поэмах и песнях того времени, с ведома писателя или нет, везде сильно билась социальная артерия, везде обличались общественные раны, везде слышался стон сгнетенных голодом

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru невинных каторжников работы; тогда еще этого ропота и этого стога не боялись, как преступления.

Само собою разумеется, что "кузина" надавала книг без всякого разбора, без всяких объяснений, и я думаю, что в этом не было вреда; есть организации, которым никогда не нужна чужая помощь, опора, указка, которые всего лучше идут там, где нет решетки.

Вскоре прибавилось другое лицо, продолжавшее светское влияние корчевской кузины. Княгиня, наконец, решила взять гувернанту и, чтоб недорого платить, пригласила молодую русскую девушку, только что выпущенную из института.

Русские гувернанты у нас нипочем, по крайней мере так еще было в тридцатых годах, а между тем при всех недостатках они все же лучше большинства француженок из Швейцарии, бессрочноотпускных лореток и отставных актрис, которые с отчаянья бросаются на воспитание как на последнее средство доставать насущный хлеб, - средство, для которого не нужно ни таланта, ни молодости, ничего - кроме произношения "grrrra" и манер dune dame de comptoir, которые часто у нас по провинциям принимаются за "хорошие" манеры. Русские гувернанты выпускаются из институтов или из воспитательных домов, стало быть, все же имеют какое-то (322)нибудь правильное воспитание и не имеют того мещанского plit, которое вывозят иностранки.

Нынешних французских воспитательниц не надобно смешивать с теми, которые приезжали в Россию до 1812 года. Тогда и Франция была меньше мещанской и приезжавшие женщины принадлежали совсем другому слою. Долею это были дочери эмигрантов, разорившихся дворян, вдовы офицеров, часто их покинутые жены. Наполеон женил своих воинов в том роде, как наши помещики женят дворовых людей, - не очень заботясь о любви и наклонностях. Он хотел браками сблизить дворянство пороха с старым дворянством; он хотел оболванить своих Скалозубов женами. Привычные к слепому повиновению, они венчались беспрекословно, но вскоре бросали своих жен, находя их слишком чопорными для казарменных и бивачных вечеринок. Бедные женщины плелись в Англию, в Австрию, в Россию. К числу прежних гувернант принадлежала француженка, гащивавшая у княгини. Она говорила с улыбкой, отборным слогом и никогда не употребляла ни одного сильного выражения. Она вся состояла из хороших манер и никогда ни на минуту не забывалась. Я уверен, что она ночью в постеле больше преподавала, как следует спать, нежели спала.

Молодая институтка была девушка умная, бойкая, энергическая, с прибавкой пансионской восторженности и врожденного чувства благородства. Деятельная и пылкая, она внесла в существование ученицы-подруги больше жизни и движения.

Унылая, грустная дружба к увядающей Саше имела печальный, траурный отблеск. Она вместе с словами диакона и с отсутствием всякого развлечения удаляла молодую девушку от мира, от людей. Третье лицо, живое, веселое, молодое и с тем вместе сочувствовавшее всему мечтательному и романтическому было очень на месте; оно стягивало на землю, на действительную, истинную почву.

Сначала ученица приняла несколько наружных форм Эмилии; улыбка чаще стала показываться, разговор становился живее, но через год времени натуры двух девушек заняли места по удельному весу, Рассеянная, (323) милая Эмилия склонилась перед сильным существом и совершенно подчинилась ученице, видела ее глазами, думала ее мыслями, жила ее улыбкой, ее дружбой.

Перед окончанием курса я стал чаще ходить в дом княгини. Молодая девушка, казалось, радовалась, когда я приходил, иногда вспыхивал огонь на щеках, речь оживлялась, но тотчас потом она входила в свой обыкновенный, задумчивый покой, напоминая холодную красоту изваянья или "деву чужбины" Шиллера, останавливавшую всякую близость.

Это не было ни отчуждение, ни холодность, а внутренняя работа - чужая другим, она еще себе была чужою и больше предчувствовала, нежели знала, что в ней. В ее прекрасных чертах было что-то недоконченное, невысказавшееся, им недоставало одной искры, одного удара резцом, который должен был решить, назначено ли ей истомиться, завянуть на песчаной почве, не зная ни себя, ни жизни, или отразить зарево страсти, обняться ею и жить, - может, страдать, даже наверное страдать, но много жить.

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Печать жизни, выступившей на полудетском лице ее, я первый увидел накануне долгой разлуки.

Памятен мне этот взгляд, иначе освещенный, и все черты, вдруг изменившие значенье, будто проникнутые иною мыслию, иным огнем... будто тайна разгадана и внутренний туман рассеян. Это было в тюрьме. Десять раз прощались мы, и все еще не хотелось расстаться; наконец, моя мать, приезжавшая с Natalie в Крутицы, решительно встала, чтоб ехать. Молодая девушка вздрогнула, побледнела, крепко, не по своим силам, сжала мне руку и повторила, отворачиваясь, чтобы скрыть слезы: "Александр, не забывай же сестры". (324)

Жандарм проводил их и принялся ходить взад и вперед. Я бросился на постель и долго смотрел на дверь, на которой исчезло это светлое явление. "Нет, брат твой не забудет тебя", – думал я.

На другой день меня везли в Пермь, но прежде, нежели я буду говорить о разлуке, расскажу, что еще мне мешало перед тюрьмой лучше понять Natalie, больше сблизиться с нею. Я был влюблен!

Да, я был влюблен, и память об этой юношеской, чистой любви мне мила, как память весенней прогулки на берегу моря, среди цветов и песен. Это было сновидение, навеявшее много прекрасного и исчезнувшее, как обыкновенно сновидения исчезают!

Я говорил уже прежде, что мало женщин было во всем нашем кругу, особенно таких, с которыми бы я был близок; моя дружба, сначала пламенная, к корчевской кузине приняла мало-помалу ровный характер, после ее замужества мы видались реже, потом она уехала. Потребность чувства больше теплого, больше нежного, чем наша мужская дружба, неопределенно бродила в сердце. Все было готово, недоставало только "ее". В одном из знакомых нам домов была молодая девушка, с которой я скоро подружился, странный случай сблизил нас. Она была помолвлена, вдруг вышла какая-то ссора, жених оставил ее и уехал куда-то на другой край России. Она была в отчаянии, огорчена, оскорблена; с искренним и глубоким участием смотрел я, как горе разъедало ее; не смея заикнуться о причине, я старался рассеять ее, утешить, носил романы, сам их читал вслух, рассказывал целые повести и иногда не приготавливаясь вовсе к университетским лекциям, чтоб подольше посидеть с огорченной девушкой.

Мало-помалу слезы ее становились реже, улыбка светилась по временам из-за них; отчаянье ее превращалось в томную грусть; скоро ей сделалось страшно за прошедшее, она боролась с собой и отстаивала его против настоящего из сердечного point d'honneur, – как воин отстаивает знамя, понимая, что сражение потеряно. Я видел эти последние облака, едва задержанные у небосклона, и, сам увлеченный и с бьющимся сердцем – тихо-тихо вынимал из ее рук знамя, а когда она (325) перестала его удерживать – я был влюблен. Мы верили в нашу любовь. Она мне писала стихи, я писал ей в прозе целые диссертации, а потом мы вместе мечтали о будущем, о ссылке, о казематах, она была на все готова. Внешняя сторона жизни никогда не рисовалась светлой в наших фантазиях, обреченные на бой с чудовищною силою, успех нам казался почти невозможным. "Будь моей Гаетаной", – говорил я ей, читая "Изувеченного" Сантина, и воображал, как она проводит меня в сибирские рудники.

"Изувеченный" – это тот поэт, который написал пасквиль на Сикста V и выдал себя, когда папа дал слово не казнить виновного смертью. Сиксту велел ему отрубить руки и язык. Образ несчастного страдальца, задыхающегося от собственной полноты мыслей, которые теснятся в его голове, не находя выхода, не мог не нравиться нам тогда. Грустный и истомленный взгляд страдальца успокоивался только и останавливался с благодарностью и остатком веселья на девушке, которая любила его прежде и не изменила ему в несчастии, ее-то звали Гаетаной.

Этот первый опыт любви прошел скоро, но он был совершенно искренен. Может, даже эта любовь должна была пройти, иначе она лишилась бы своего лучшего, самого благоуханного достоинства, своего девятнадцатилетнего возраста, своей непорочной свежести. Когда же ландыши зимуют?

И неужели ты, моя Гаетана, не с той же ясной улыбкой вспоминаешь о нашей встрече, неужели, что-нибудь горькое примешивается к памяти обо мне через двадцать два года? Мне было бы это очень больно. И где ты? И как прожила жизнь?

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
я свою дожил и плетусь теперь под гору, сломленный и нравственно "изувеченный",
не ищу никакой Гаэтаны, перебираю старое и память о тебе встретил радостно...
Помнишь угловое окно против небольшого переулочка, в который мне надобно было
заворачивать, ты всегда подходила к нему, провожая меня, и как бы я огорчился,
если б ты не подошла или ушла бы прежде, нежели мне приходилось повернуть.

А встретить тебя в самом деле я не хотел бы. Ты в моем воображении осталась с
твоим юным лицом, с (326) твоими кудрями blond cendre10, останься такою, ведь и
ты, если вспоминаешь обо мне, то помнишь стройного юношу с искрящимся взглядом,
с огненной речью, так и помни и не знай, что взгляд потух, что я отяжелел, что
морщины прошли по лбу, что давно нет прежнего светлого и оживленного выражения в
лице, которое Огарев называл "выражением надежды", да нет и надежд.

Друг для друга мы должны быть такими, какими были тогда... ни Ахилл, ни Диана не
стареются... Не хочу встретиться с тобою, как Ларина с княжной Алиной:

Кузина, помнишь Грандисона?

Как? Грандисон?! А, Грандисон!

В Москве живет у Симеона,

Меня в сочельник навестил,

Недавно сына он женил.

...Последнее пламя потухавшей любви осветило на минуту тюремный свод, согрело
грудь прежними мечтами, и каждый пошел своим путем. Она уехала в Украину, я
собирался в ссылку. С тех пор не было вести об ней.

ГЛАВА XXI

Разлука.

Ах люди, люди злые,

Вы их разрознили...

Так оканчивалось мое первое письмо к Natalie, и замечательно, что, испуганный
словом "сердца", я его не написал, а написал в конце письма "Твой брат".

Как дорога мне была уже тогда моя сестра и как непрерывно в моем уме, видно из
того, что я писал к ней из Нижнего, из Казани и на другой день после приезда в
Пермь. Слово сестра выражало все сознание в нашей симпатии; оно мне бесконечно
нравилось и теперь нравится, употребляемое не как предел, а, напротив, как
смешение их, в нем соединены дружба, любовь, кровная связь, общее предание,
родная обстановка, (327) привычная неразрывность. Я никого не называл прежде
этим именем, и оно было мне так дорого, что я и впоследствии часто называл
Natalie так.

Прежде нежели я вполне понял наше отношение и, может, именно оттого, что не
понимал его вполне, меня ожидал иной искус, который мне не прошел такой светлой
полоской, как встреча с Гаэтаной, искус, смиривший меня и стоивший мне много
печали и внутренней тревоги.

Очень мало опытный в жизни и брошенный в мир, совершенно мне чуждый, после
девятимесячной тюрьмы, я жил сначала рассеянно, без оглядки, новый край, новая
обстановка рябили перед глазами. Мое общественное положение изменилось. В Перми,
в Вятке на меня смотрели совсем иначе, чем в Москве; там я был молодым
человеком, жившим в родительском доме, здесь, в этом болоте, я стал на свои
ноги, был принимаем за чиновника, хотя и не был вовсе им. Не трудно было мне
догадаться, что без большого труда я мог играть роль светского человека в
заволжских и закамских гостиных и быть львом в вятском обществе.

В Перми я не успел оглядеться, там только хозяйка дома, к которой я пришел
нанимать квартиру, спрашивала меня, нужен ли мне огород и держу ли я корову!
Вопрос, по которому я с ужасом вымерил мое падение с академических высот
студентской жизни! Но в Вятке я перезнакомился со всем светом, особенно с

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru молодым купечеством, которое там гораздо образованнее купечества внутренних губерний, хотя кутить любит не меньше. Сбитый канцелярией с моих занятий, я вел беспечною праздную жизнь; при особенной удобовпечатлимости или, лучше сказать, удободвижимости характера и отсутствии опытности можно было ждать ряд всякого рода столкновений.

В силу кокетливой страсти de l'approbativite¹¹ я старался нравиться направо и налево, без разбора кому, натягивал симпатии, дружился по десяти словам, сближался больше, чем нужно, сознавал свою ошибку через месяц или два, молчал из деликатности и таскал скучную цепь неистинных отношений до тех пор, пока она не обрывалась нелепой ссорой, в которой меня же обви(328)няли в капризной нетерпимости, в неблагодарности, в непостоянстве.

Я сначала жил в Вятке не один. Странное и комическое лицо, которое время от времени является на всех перепутьях моей жизни, при всех важных событиях ее, - лицо, которое тонет для того, чтоб меня познакомить с Огаревым, и машет фуляром с русской земли, когда я переезжаю таурогенскую границу, словом, К. И. Зонненберг жил со мною в Вятке; я забыл об этом, рассказывая мою ссылку.

Случилось это так: в то время, как меня отправляли в Пермь, Зонненберг собирался на ирбитскую ярмарку. Отец мой, любивший всегда усложнять простые дела, предложил Зонненбергу заехать в Пермь и там монтировать мой дом, за это он брал на себя путевые издержки.

В Перми Зонненберг ревностно принялся за дело, то есть за покупку ненужных вещей, всякой посуды, кастрюль, чашек, хрусталию, запасов; он сам ездил на Обву, чтоб приобрести ex ipso fonte¹² вятскую лошадь. Когда все было готово, меня перевели в Вятку. Мы распродали за полцены купленное добро и оставили Пермь. Зонненберг, добросовестно исполняя волю моего отца, счел необходимым ехать также и в Вятку "монтировать" мой дом. Отец мой так был доволен его преданностью и самоотвержением, что положил ему сто рублей жалованья в месяц, пока он будет у меня. Это было выгоднее и вернее Ирбита - и он не Торопился меня оставить.

В Вятке он уже купил не одну, а трех лошадей, из которых одна принадлежала ему самому, хотя тоже была куплена на деньги моего отца. Лошади эти подняли нас чрезвычайно в глазах вятского общества. Карл Иванович, мы уже говорили это, несмотря на свой пятидесятилетний возраст и на значительные недостатки в лице, был большой волокита и был приятно уверен, что всякая женщина и девушка, подходящая к нему, подвергается опасности мотылька, летающего возле зажженной свечи. Действие, произведенное лошадьми, Карл Иванович утратить не хотел и старался вывести из него пользу по эротической части. К тому же все (329) обстоятельства ему способствовали, у нас был балкон, выходящий на двор, за которым начинался сад. С десяти часов утра Зонненберг в казанских ичигах, в шитой золотом тибитейке и в кавказском бешмете, с огромным янтарным мундштуком, во рту, сидел на вахте, делая вид, будто читает. Тибитейка и янтарь - все это было направлено на трех барышень, живших в соседнем доме. Барышни, с своей стороны, занимались приезжими и с любопытством рассматривали восточную куклу, кутившую на балконе. Карл Иванович знал, когда и как тайком они подымали стору, находил, что дела его идут успешно - и нежно выпускал дым легкой струйкой по заветному направлению.

Вскоре сад представил нам возможность познакомиться с соседками. У нашего хозяина было три дома, сад был общий. Два дома были заняты, в одном жили мы и сам хозяин с своей мачехой - толстомяжкой вдовой, которая так матерински и с такой ревностью за ним присматривала, что он только украдкой от нее разговаривал с садовыми дамами. В другом жили барышни с своими родителями, третий стоял пустой. Карл Иванович через неделю был свой человек в дамском обществе нашего сада, он постоянно по несколько часов в день качал барышень на качелях, бегал за мантильями и зонтиками, словом, был aux petit soins¹³. Барышни с ним дурачились больше, чем с другими, именно потому, что его еще меньше можно было подозревать, чем жену Цезаря; при взгляде на него останавливалось всякое, самое отважное злоречие.

По вечерам ходил и я в сад по тому табунному чувству, по которому люди без всякого желанья делают то же, что другие. Туда, сверх жильцов, приходили их знакомые, главный предмет занятий и разговоров было волокитство и подсматривание друг за другом. Карл Иванович с неусыпностью Видока предался сентиментальному шпионству, знал, кто с кем чаще гуляет, кто на кого непросто смотрит. Я был

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru страшным камнем преткновения для всей тайной полиции нашего сада, дамы и мужчины удивлялись моей скрытности и при всех стараниях не могли открыть, за кем я ухаживаю, кто мне особенно нравится, что действительно было нелегко, я (330) решительно ни за кем не ухаживал, и все барышни мне не особенно нравились. Это, наконец, им надоело и оскорбило их, меня стали считать гордым, насмешником, и дружба барышень заметно стыла – хотя в одиночку каждая пробовала на мне самые опасные взгляды свои.

Среди всех этих обстоятельств одним утром Карл Иванович сообщил мне, что хозяйская кухарка с утра открыла ставни третьего дома и моет окна. Дом был занят каким-то приезжим семейством.

Сад занялся исключительно подробностями о новоприезжих. Незнакомая дама, усталая с дороги или еще не успевшая разобраться, как назло, не являлась к нам в вокзал. Ее старались увидеть в окно или в сенях, иным удавалось, другие тщетно караулили целые дни; ; видевшие находили ее бледной, томной, словом интересной и недурной. Барышни говорили, что она печальна и болезненна, молодой губернаторский чиновник, шалун и очень неглупый мальчик, один знал приезжих. Он служил прежде в одной губернии с ними, все пристали к нему с расспросами.

Разбитной чиновник, довольный, что знает, чего другие не знают, толковал без конца о достоинствах новоприезжих; он ее превозносил, называл ее столичной дамой.

– Она умна, – повторял он, – мила, образованна, на нашего брата и не посмотрит. Ах, боже мой, – прибавил он, вдруг обращаясь ко мне, – вот чудесная мысль, поддержите честь вятского общества, поволочитесь за ней... ну, знаете, вы из Москвы, в ссылке, верно, пишете стихи – это вам с неба подарок.

– Какой вы вздор порете, – сказал я ему смеясь, однако вспыхнул в лице мне захотелось ее видеть.

Через несколько дней я встретился с ней в саду, она в самом деле была очень интересная блондина; тот же господин, который говорил об ней, представил меня ей, я был взволнован и так же мало умел это скрыть, как мой патрон улыбку.

Самолюбивая застенчивость прошла, я познакомился с ней, – она была очень несчастна и, обманывая себя мнимым спокойствием, томилась и исходила в какой-то праздности сердца.

Р. была одна из тех скрытно-страстных женских натур, которые встречаются только между блондинами, (331) у них пламенное сердце маскировано кроткими и тихими чертами; они бледнеют от волнения, и глаза их не искрятся, а скорее тухнут, когда чувства выступают из берегов. Утомленный взор ее выбивался из сил, стремясь к чему-то, несытая грудь неровно подымалась. Во всем существе ее было что-то беспокойное, электрическое. Часто, гуляя по саду, она вдруг бледнела и, смущенная или встревоженная изнутри, отвечала рассеянно и торопилась домой; я именно в эти минуты любил смотреть на нее.

Внутреннюю жизнь ее я вскоре разглядел. Она не любила мужа и не могла его любить; ей было лет двадцать пять, ему за пятьдесят – с этим, может, она бы сладила, но различие образования, интересов, характеров было слишком резко.

Муж почти не выходил из комнаты; это был сухой, черствый старик, чиновник с притязанием на помещичество, раздражительный, как все больные и как почти все люди, потерявшие состояние. Ей было шестнадцать лет, когда ее отдали замуж, он имел достаток, но впоследствии все проиграл в карты и принужден был жить службой. Года за два до перевода в Вятку он начал хиреть, какая-то рана на ноге развилась в костюеду, старик сделался угрюм и тяжел, боялся своей болезни и смотрел взглядом тревожной и беспомощной подозрительности на свою жену. Она грустно и самоотверженно ходила за ним, но это было исполнение долга. Дети не могли удовлетворить всему – чего-то просило незанятое сердце.

Раз вечером, говоря о том о сем, я сказал, что мне бы очень хотелось послать моей кузине портрет, но что я не мог найти в Вятке человека, который бы умел взять карандаш в руки.

– Дайте я попробую, – сказала соседка, – я когда-то довольно удачно делала

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
портреты черным карандашом.

- Очень рад. Когда же?
- Завтра перед обедом, если хотите.
- Разумеется. Я приду в час.

Все это было при муже; он не сказал ни слова.

На другой день утром я получил от соседки записку; это была первая записка от нее. Она очень вежливо и осторожно уведомляла меня, что муж ее недоволен тем, (332) что она мне предложила сделать портрет, просила снисхождения к капризам больного, говорила, что его надобно щадить, и в заключение предлагала сделать портрет в другой день, не говоря об этом мужу, чтоб его не беспокоить.

Я горячо, может, через край горячо, благодарил ее, тайное делание портрета не принял, но тем не меньше эти две записки сблизили нас много. Отношения ее к мужу, до которых я никогда бы не коснулся, были высказаны. Между мною и ею невольно составлялось тайное соглашение, лига против него.

Вечером я пришел к ним, - ни слова о портрете. Если б муж был умнее, он должен бы был догадаться о том, что было; но он не был умнее. Я взглядом поблагодарил ее, она улыбкой отвечала мне.

Вскоре они переехали в другую часть города. Первый раз, когда я пришел к ним, я застал соседку одну в едва меблированной зале; она сидела за фортепьяно, глаза у нее были сильно заплаканы. Я просил ее продолжать; но музыка не шла, она ошибалась, руки дрожали, цвет лица менялся.

- Как здесь душно! - сказала она, быстро вставая из-за фортепьяно.

Я молча взял ее руку, слабую, горячую руку; голова ее, как отяжелевший венчик, страдательно повинувшись какой-то силе, склонилась на мою грудь, она прижала свой лоб и мгновенно исчезла.

На другой день я получил от нее записку, несколько испуганную, старавшуюся бросить какую-то дымку на вчерашнее; она писала о страшном нервном состоянии, в котором она была, когда я взшел, о том, что она едва помнит, что было, извинялась - но легкий вуаль этих слов не мог уж скрыть страсть, ярко просвечивавшую между строк.

Я отправился к ним. В этот день мужу было легче, хотя на новой квартире он уже не вставал с постели; я был монтирован¹⁴, дурачился, сыпал остротами, рассказывал всякий вздор, морил больного со смеху и, разумеется, все это для того, чтоб заглушить ее и мое смущение. Сверх того, я чувствовал, что смех этот увлекает и пьянит ее. (333)

...Прошли недели две. Мужу было все хуже и хуже, в половину десятого он просил гостей удаляться, слабость, худоба и боль возрастали. Одним вечером, часов в девять, я простился с больным. Р. пошла меня проводить. В гостиной полный месяц стлал по полу три косые бледно-фиолетовые полосы. Я открыл окно, воздух был чист и свеж, меня так им и обдало.

- Какой вечер! - сказал я. - И как мне не хочется идти.

Она подошла к окну.

- Побудьте немного здесь.
- Невозможно, я в это время переменяю повязку.
- Приходите после, я вас подожду. Она молчала, я взял ее руку.
- Ну приходите же. Я вас прошу... Придете?
- Право, нельзя, я сначала надеваю блузу.

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

- Приходите в блузе, я вас утром заставал несколько раз в блузе.

- А если вас кто-нибудь увидит?

- Кто? Человек ваш пьян, отпустите его спать, а ваша Дарья... верно, любит вас больше, чем вашего мужа - да она и со мной приятельница. Да и что же за беда? Помилуйте, ведь теперь десятый час, - вы хотели мне что-нибудь поручить, просили подождать... ,

- Без свечей...

- Велите принести. А впрочем, эта ночь стоит дня. Она еще сомневалась.

- Приди же - приди! - шептал я ей на ухо, первый раз так обращаясь к ней. Она вздрогнула.

- Приду - но только на минуту.

...Я ждал ее больше получаса... Все было тихо в доме, я мог слышать оханье и кашель старика, его медленный говор, передвиганье какого-то стола... Хмельной слуга приготавливал, посвистывая, на залавке в передней свою постель, выругался и через минуту захрапел... Тяжелая ступня горничной, выходящей из спальни, была последним звуком... Потом тишина, стон больного и опять тишина... вдруг шелест, скрипнул пол, легкие шаги - и белая блуза мелькнула в дверях...

Ее волнение было так сильно, что она сначала не могла произнести ни одного слова, ее губы были (334) холодны, ее руки - как лед. Я чувствовал, как страшно билось ее сердце.

- Я исполнила твое желание, - сказала она, наконец. - Теперь пусти меня... Прощай... ради бога прощай, пооди и ты домой, - прибавила она печально умоляющим голосом.

Я обнял ее и крепко, крепко прижал ее к груди,

- Друг мой... иди же!

Это было невозможно... Troppo tardi...15 Оставить ее в минуту, когда у нее, у меня так билось сердце, - это было бы сверх человеческих сил и очень глупо... Я не пошел - она осталась... Месяц прокладывал свои полосы в другую сторону. Она сидела у окна и горько плакала... Я целовал ее влажные глаза, утирал их прядями косы, упавшей на бледно-матовое плечо, которое вбирало в себя месячный свет, терявшийся без отражения в нежно-тусклом отливке.

Мне было жаль оставить ее в слезах, я ей болтал полусшепотом какой-то бред... Она взглянула на меня, и в ее глазах мелькнуло из-за слез столько счастья, что я улыбнулся. Она как будто поняла мою мысль, закрыла лицо обеими руками и встала... Теперь было в самом деле пора, я отнял ее руки, расцеловал их, ее - и вышел.

Тихо выпустила меня горничная, мимо которой я прошел, не смея взглянуть ей в лицо. Отяжелевший месяц садился огромным красным ядром - заря занималась. Было очень свежо, ветер дул мне прямо в лицо - я вдыхал его больше и больше, мне надобно было освежиться. Когда я подходил к дому - взошло солнце, и добрые люди, встречавшиеся со мной, удивлялись, что я так рано встал "воспользоваться хорошей погодой".

С месяц продолжался этот запой любви; потом будто сердце устало, истошилось - на меня стали находить минуты тоски; я их тщательно скрывал, старался им не верить, удивлялся тому, что происходило во мне, - а любовь стыла себе да стыла.

Меня стало теснить присутствие старика, мне было с ним неловко, противно. Не то чтоб я чувствовал себя неправым перед граждански-церковным собственником (335) женщины, которая его не могла любить и которую он любить был не в силах, но моя двойная роль казалась мне унижительной: лицемерие и двоедушье - два преступления, наиболее чуждые мне. Пока распахнувшаяся страсть брала верх, я не думал ни о чем; но когда она стала несколько холоднее, явилось раздумье.

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Одним утром Матвей взмолился ко мне в спальню с вестью, что старик Р. "приказал долго жить". Мною овладело какое-то странное чувство при этой вести, я повернулся на другой бок и не торопился одеваться, мне не хотелось видеть мертвеца. Взошел Витберг, совсем готовый. "Как? – говорил он, – вы еще в постеле! разве вы не слышали, что случилось? чай, бедная Р. одна, пойдете проведать, одевайтесь скорее". Я оделся – мы пошли.

Мы застали Р. в обмороке или в каком-то нервном летаргическом сне. Это не было притворством; смерть мужа напомнила ей ее беспомощное положение; она оставалась одна с детьми в чужом городе, без денег, без близких людей. Сверх того, у ней бывали и прежде при сильных потрясениях эти нервные ошеломления, продолжавшиеся по нескольку часов. Бледная как смерть, с холодным лицом и с закрытыми глазами, лежала она в этих случаях, изредка захлебываясь воздухом и без дыханья в промежутках.

Ни одна женщина не приехала помочь ей, показать участие, посмотреть за детьми, за домом. Витберг остался с нею; пророк-чиновник и я взялись за хлопоты.

Старик, исхудалый и почерневший, лежал в мундире на столе, насупив брови, будто сердился на меня; мы положили его в гроб, а через два дня опустили в могилу. С похорон мы воротились в дом покойника; дети в черных платьицах, обшитых плерезами, жались в углу, больше удивленные и испуганные, чем огорченные; они шептались между собой и ходили на цыпочках. Не говоря ни одного слова, сидела Р., положив голову на руку, как будто что-то обдумывая.

В этой гостиной, на этом диване я ждал ее, прислушиваясь к стону больного и к брани пьяного слуги. Теперь все было так черно... Мрачно и смутно вспоминались мне, в похоронной обстановке, в запахе ладана – слова, минуты, на которых я все же не мог не останавливаться без нежности. (336)

Печаль ее улеглась мало-помалу, она тверже смотрела на свое положение; потом мало-помалу и другие мысли прояснили ее озабоченное и унылое лицо. Ее взор останавливался с какой-то взволнованной пытливостью на мне, будто она ждала чего-то – вопроса... ответа...

Я молчал – и она, испуганная, встревоженная, стала сомневаться.

Тут я понял, что муж, в сущности, был для меня извинением в своих глазах, – любовь откипела во мне. Я не был равнодушен к ней, далеко нет, но это было не то, чего ей надобно было. Меня занимал теперь иной порядок мыслей, и этот страстный порыв словно для того обнял меня, чтоб уяснить мне самому иное чувство. Одно могу сказать я в свое оправдание – я был искренен в моем увлечении.

В то время как я терял голову и не знал, что делать, пока я ждал с малодушной слабостью случайной перемены от времени, от обстоятельств, – время и обстоятельства еще больше усложнили положение.

Тюфяев, видя беспомощное состояние вдовы, молодой, красивой собой и брошенной без всякой опоры в дальнем, ей чуждом городе, как настоящий "отец губернии", обратил на нее самую нежную заботливость. Сначала мы все думали, что действительно он принимает в ней участие. Но вскоре Р. с ужасом заметила, что его внимание совсем не просто. Два-три развратных губернатора воспитали вятских дам, и Тюфяев, привыкший к ним, не откладывая в долгий ящик, прямо стал говорить ей о своей любви. Р., разумеется, отвечала ему холодным презрением и насмешкой на его старческие любезности. Тюфяев не считал себя побитым и продолжал наглое ухаживанье. Видя, впрочем, что дело мало подвигается, он дал ей почувствовать, что судьба ее детей в его руках и что без него она их не поместит на казенный счет, а что он, с своей стороны, хлопотать не будет, если она не переменит с ним своего холодного обращения. Оскорбленная женщина вскочила уязвленным зверем.

– Извольте вон идти, и чтоб нога ваша не смела переступить моего порога! сказала она ему, указывая дверь. (337)

– Фу, какие вы сердитые! – сказал Тюфяев, обращая дело в шутку.

– Петр, Петр! – закричала она в переднюю, и испуганный Тюфяев, боясь огласки,

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
задыхаясь от бешенства, пристыженный и униженный, бросился в свою карету.

Вечером Р. рассказала все случившееся Витбергу и мне. Витберг тотчас понял, что обратившийся в бегство и оскорбленный волокита не оставит в покое бедную женщину, – характер Тюфяева был довольно известен всем нам. Витберг решил, что бы то ни стало спасти ее.

Гонения начались скоро. Представление о детях было написано так, что отказ был неминуем. Хозяин дома, лавочники требовали с особенной настойчивостью уплаты. Бог знает, что можно было еще ожидать; шутить с человеком, уморившим Петровского в сумасшедшем доме, не следовало.

Витберг, обремененный огромной семьей, задавленный бедностью, не задумался ни на минуту и предложил Р. переехать с детьми к нему, на другой или третий день после приезда в Вятку его жены. У него Р. была спасена, такова была нравственная сила этого сосланного. Его непреклонной воли, его благородного вида, его смелой речи, его презрительной улыбки боялся сам вятский Шемяка.

Я жил в особом отделении того же дома и имел общий стол с Витбергом; и вот, мы очутились под одной крышей – именно тогда, когда должны были бы быть разделены морями.

В этой близости она поняла, что былого не воротишь.

Зачем она встретила именно со мной, неустоявшимся тогда? Она могла быть счастливой, она была достойна счастья. Печальное прошедшее ушло, новая жизнь любви, гармонии была так возможна для нее! Бедная, бедная Р.! Виноват ли я, что это облако любви, так непреодолимо набежавшее на меня, дохнуло так горячо, опьянило, увлекло и разнеслось потом?

...Сбитый с толку, предчувствуя несчастья, недовольный собою, я жил в каком-то тревожном состоянии; снова кутил, искал рассеяния в шуме, досадовал за то, что находил его, досадовал за то, что не находил, и ждал, как чистую струю воздуха среди пыльного жара, несколько строк из Москвы от Natalie, надо всем этим (338) брожением страстей всходил светлее и светлее кроткий образ ребенка-женщины. Порыв любви к Р. уяснил мне мое собственное сердце, раскрыл его тайну.

Увлекаясь больше и больше моей симпатией к отсутствующей кузине, я не давал себе именно отчета в чувстве, связывавшем меня с ней. Я к нему привык и не следил за тем, изменилось оно или нет.

Мои письма становились все тревожнее; с одной стороны, я глубоко чувствовал не только свою вину перед Р., но новую вину лжи, которую брал на себя молчанием. Мне казалось, что я пал, недостойн иной любви... а любовь росла и росла.

Имя сестры начинало теснить меня, теперь мне недостаточно было дружбы, это тихое чувство казалось холодным. Любовь ее видна из каждой строки ее писем, но мне уж и этого мало, мне нужно не только любовь, но и самое слово, и вот я пишу: "Я сделаю тебе странный вопрос: веришь ли ты, что чувство, которое ты имеешь ко мне, – одна дружба? Веришь ли ты, что чувство, которое я имею к тебе, – одна дружба? – Я не верю".

"Ты что-то смущен, – отвечает она, – я узнала, что твое письмо испугало тебя больше, чем меня. Успокойся, друг мой, оно не переменяло во мне решительно ничего, оно уже не могло заставить меня любить тебя ни больше, ни меньше".

Но слово было произнесено; "туман исчез, – пишет она, – опять светло и ясно".

Она радостно, безоблачно отдавалась названному чувству, письма ее – одна отроческая песнь любви, подымающаяся от детского лепета до могучего лиризма.

"Может, ты сидишь теперь, – пишет она, – в кабинете, не пишешь, не читаешь, а задумчиво куришь сигару и взор углублен в неопределенную даль, и нет ответа на приветствие взошедшего. Где же твои думы? Куда стремится взор? Не давай ответа – пусть придут ко мне".

"...Будем детьми, назначим час, в который нам обоим непременно быть на воздухе, час, в который мы будем уверены, что нас ничего не делит, кроме одной дали. В

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
восемь часов вечера и тебе, верно, свободно. А то я давеча вышла было на крыльцо
– да тотчас возвратилась, думая, что ты был в комнате". (339)

"...Глядя на твои письма, на портрет, думая о моих письмах, о браслете, мне захотелось перешагнуть лет за сто и посмотреть, какая будет их участь. Вещи, которые были для нас святыней, которые лечили наше тело и душу, с которыми мы беседовали и которые нам заменяли несколько друг друга в разлуке; все эти орудия, которыми мы оборонялись от людей, от ударов рока, от самих себя, что будут они после нас? Останется ли в них сила их, их душа? разбудят ли, согреют ли они чье сердце, расскажут ли – нашу повесть, наши страдания, нашу любовь, будет ли им в награду хоть одна слеза? Как грустно становится, когда вообразу, что портрет твой, наконец, будет висеть безвестным в чьем-нибудь кабинете или, может, какой-нибудь ребенок, играя им, разобьет стекло и сотрет черты".

Не таковы мои письма¹⁶, середь полной, восторженной любви пробиваются горькие звуки досады на себя, раскаяния, немой укор Р. гложет сердце, мутит светлое чувство, я казался себе лгуном, а ведь я не лгал.

Как же мне было признаться, как сказать Р. в январе, что я ошибся в августе, говоря ей о своей любви. Как она могла поверить в истину моего рассказа – новая любовь была бы понятнее, измена – проще. Как мог дальний образ отсутствующей вступить в борьбу с настоящим, как могла струя другой любви пройти через этот горн и выйти больше сознанной и сильной – все это я сам не понимал, а чувствовал, что все это правда.

Наконец сама Р., с неуловимой ловкостью ящерицы, ускользала от серьезных объяснений, она чуяла опасность, искала отгадки и в то же время отдаляла правду. Точно она предвидела, что мои слова раскроют (340) страшные истины, после которых все будет кончено, и она обрывала речь там, где она становилась опасною.

Сначала она осмотрелась кругом, несколько дней она находила себе соперницу в молодой, милой, живой немке, которую я любил, как дитя, с которой мне было легко именно потому, что ни ей не приходило в голову кокетничать со мной, ни мне с ней. Через неделю она увидела, что Паулина вовсе не опасна. Но я не могу идти дальше, не сказав несколько слов о ней.

В вятской аптеке приказа общественного призрения был аптекарь немец, и в этом нет ничего удивительного, но удивительно было то, что его гезель был русский, а назывался Болман. Вот с ним – то я и познакомился; он был женат на дочери какого-то вятского чиновника, у которой была самая длинная, густая и красивая коса из всех виденных мною. Самого аптекаря, Фердинанда Рулковиуса, не было налицо, и мы с Болманом пили разные "шипучки" и художественные "желудочные" настойки фармацевта. Аптекарь был в Ревеле; там он познакомился с какой-то молодой девушкой и предложил ей руку, девушка, едва знавшая его, шла за него очертя голову, как следует девушке вообще и немке в особенности, она даже не имела понятия, в какую дичь он ее везет. Но когда после свадьбы пришлось собираться, страх и отчаяние овладели ею. Чтоб утешить новобрачную, аптекарь пригласил ехать с ними в Вятку молодую девушку лет семнадцати, дальнюю родственницу его жены, она, еще более очертя голову и уже совсем не зная, что такое "Вятка", согласилась. Обе немки не говорили ни слова, по-русски, в Вятке не было четырех человек, говоривших по-немецки. Даже учитель немецкого языка в гимназии не знал его; это меня до того удивило, что я решился его спросить, как же он преподает. "По грамматике, – отвечал он, – и по диалогам". Он объяснял при этом, что он собственно учитель математики, но покамест, за недостатком вакансии, преподает немецкий язык, и что, впрочем, он получает половинный оклад¹⁷. Немки пропадали со (341) скуки и, увидевши человека, который если не хорошо, то понятно мог объясняться по-немецки, пришли в совершенный восторг, запоили меня кофеем и еще какой-то "калтешале"¹⁸, рассказали мне все свои тайны, желания и надежды и через два дня называли меня другом и еще больше потчевали сладкими мучнистыми яствами с корицей. Обе были довольно образованны, то есть знали на память Шиллера, поигрывали на фортепьяно и пели немецкие романсы. Этим сходство, впрочем, между ними и оканчивается. Аптекарьша была белокурая, лимфатическая, высокая, очень недурная собой, но вялая и сонная женщина, она была чрезвычайно добра, да и трудно было, при такой комплекции быть злою. Убедившись однажды, что ее муж – муж ее, она тихонько и ровненько любила его, занималась кухней и бельем, читала в свободные минуты романы и в свое время благополучно родила аптекарю дочь, белобрысую и золотушную.

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Подруга ее, небольшого роста, смуглая брюнетка, крепкая здоровьем, с большими черными глазами и с самобытным видом, была коренастая, народная красота; в ее движениях и словах видна была большая энергия, и когда, бывало, аптекарь, существо скучное и скупое, делал не очень вежливые замечания своей жене и та их слушала с улыбкой на губах и слезой на реснице, Паулина краснела в лице и так взглядывала на расхोдившегося фармацевта, что тот мгновенно усмирался, делал вид, что очень занят, и уходил в лабораторию мешать и толочь всякую дрянь для восстановления здоровья вятских чиновников.

Мне нравилась наивная девушка, которая за себя постоять умела, и не знаю, как это случилось, но ей первой рассказал я о моей любви, ей переводил письма. Тот только знает цену этой сердечной болтовни, кто жила долго, годы целые с людьми совершенно посторонними. Я редко говорю о чувствах, но бывают минуты, в которые потребность высказаться становится невыносимой, даже теперь. А тогда мне было двадцать четыре года, и я только что понял мою любовь. Я мог переносить разлуку, перенес бы и молчание, но, встретившись с другим ребенком-женщиной, в котором все (342) было так непритворно просто, я не мог удержаться, чтоб не разболтать ей мою тайну. Да и как же она была мне благодарна за то, и сколько добра сделала она мне.

Всегда серьезная беседа Витберга иной раз утомляла меня, мучимый моим тяжелым отношением к Р., я не мог быть при ней свободен. Часто вечером уходил я к Паулине, читал ей пустые повести, слушал ее звонкий смех, слушал, как она нарочно для меня пела – "Das Madchen aus der Fremde"¹⁹, под которой я и она понимали другую деву чужбины, и облака рассеивались, на душе мне становилось искренно весело, безмятежно спокойно, и я с миром уходил домой, когда аптекарь, окончив последнюю микстуру и намазав последний пластырь, приходил надоедать мне вздорными политическими расспросами – не прежде, впрочем, как выпивши его "лекарственной" и закусивши герингсалатом²⁰, приготовленным беленькими ручками der Frau Apothekerin²¹.

.....
.....

...Р. страдала, я с жалкой слабостью ждал от времени случайных разрешений и длил полужошь. Тысячу раз хотел я идти к Р., броситься к ее ногам, рассказать все, вынести ее гнев, ее презрение... но я боялся не негодования – я бы ему был рад – боялся слез. Много дурного надобно испытать, чтоб уметь вынести женские слезы, чтоб уметь сомневаться, пока они, еще теплые, текут по воспаленной щеке. К тому же ее слезы были бы искренние.

Так прошло много времени. Начали носиться слухи о близком окончании ссылки, не так уже казался далеким день, в который я брошусь в повозку и полечу в Москву, знакомые лица мерещились, и между ними, перед ними заветные черты; но едва я отдавался этим мечтам, как мне представлялась с другой стороны повозки бледная, печальная фигура Р., с заплаканными глазами, с взглядом, выражающим боль и упрек, и радость моя мутилась, мне становилось жаль, смертельно жаль ее. (343)

Долее оставаться в ложном положении я не мог и решился, собрав все силы, вынырнуть из него. Я написал ей полную исповедь. Горячо, откровенно рассказал ей всю правду. На другой день она не выходила и сказала больно. Все, что может вынести преступник, боящийся, что его уличат, все вынес я в этот день; ее нервное оцепенение возвратилось – я не смел ее навестить.

Мне надобно – было большее покаянье; я заперся с Витбергом в кабинет и рассказал ему весь роман мой. Сначала он удивился, потом выслушал меня не как судья, а как друг, не мучил расспросами, не читал задним числом морали, а принялся со мной искать средств смягчить удар – он один и мог это сделать. Он горячо любил тех, кого любил. Я боялся его ригоризма, но дружба ко мне и к Р. решительно взяла верх. Да, на его руки я мог оставить несчастную женщину, которой безотрадное существование я доломал; в нем она находила сильную нравственную опору и авторитет. Р. уважала его, как отца.

Утром Матвей подал мне записку. Я почти не спал всю ночь, с волнением распечатал я ее дрожащей рукой. Она писала кротко, благородно и глубоко печально; цветы моего красноречия не скрыли аспика²², в ее примирительных словах слышался затаенный стон слабой груди, крик боли, подавленный чрезвычайным усилием. Она

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru благословляла меня на новую жизнь, желала нам счастья, называла Natalie сестрой и протягивала нам руку на забвение прошедшего и на будущую дружбу – как будто она была виновата!

Рыдая, перечитывал я ее письмо. Qual cour tra-distil23

Я встретился впоследствии с нею; дружески подала она мне руку, но нам было неловко, каждый чего-то не договаривал, каждый старался кой-чего не касаться.

Год тому назад я услышал о ее кончине.

Уехав из Вятки, меня долго мучило воспоминание об Р. Мирясь с собой, я принялся писать повесть, героиней которой была Р. Я представил барича екатерининских времен, покинувшего женщину, любившую его, (344) и женившегося на другой. Она чахнет и умирает. Весть о ее смерти тяжело падает на него, он сделался мрачен, задумчив и, наконец, сошел с ума. Его жена, идеал кротости и самоотвержения, испытывав все, везет его, в одну из тихих минут, в Девичий монастырь и бросается с ним на колени перед могилой несчастной женщины, прося прощения и заступничества. Из окон монастыря достигают слова молитвы, тихие женские голоса поют об отпущении – барич выздоравливает. Повесть вышла плохо. Когда я писал ее, Р. не собиралась в Москву, и один человек, догадывавшийся о том, что что-то было между мной и Р., был "вечный немец" К. И. Зонненберг. После кончины моей матери в 1851 от него не было ни одной вестки. В 1860 один турист, рассказывая мне о своем знакомстве с восьмидесятилетним Карлом Ивановичем, показал его письмо. В Р. S. он извещал его о кончине Р. и о том, что мой брат ее похоронил в Новодевичьем монастыре!

Само собой разумеется, что повесть им обоим была неизвестна.

ГЛАВА XXII

В Москве без меня.

Мирная жизнь моя во Владимире скоро была возмущена вестями из Москвы, которые теперь приходили со всех сторон. Они сильно огорчали меня. Для того чтоб сделать их понятными, надобно воротиться к 1834 году.

На другой день после моего взятия в 1834 году были именины княгини, потому-то Natalie, расставаясь со мной на кладбище, сказала мне: "До завтра". Она ждала меня; съехалось несколько человек родных, вдруг является мой двоюродный брат и рассказывает со всеми подробностями историю моего ареста. Новость эта, совершенно неожиданная, поразила ее, она встала, чтобы выйти в другую комнату, и, сделав два шага, упала без чувств на пол. Княгиня все видела и все поняла; она решилась противодействовать всеми средствами возникающей любви.

Для чего? (345)

Не знаю. В последнее время, то есть после окончания моего курса, она была очень хорошо расположена ко мне; но мой арест, слухи о нашем вольном образе мыслей, об измене православной церкви при вступлении в сен-симонскую "секту" разгневали ее; она с тех пор меня иначе не называла, как "государственным преступником" или "несчастливым сыном брата Ивана". Весь авторитет Сенатора был нужен, чтоб она решилась отпустить Natalie в Крутицы проститься со мной.

По счастью, меня ссылали, времени перед княгиней было много. "Да и где это Пермь, Вятка – верно, он там себе свернет шею или ему свернут ее, а главное, там он ее забудет".

Но, как назло княгине, у меня память была хороша. Переписка со мной, долго скрываемая от княгини, была наконец открыта, и она строжайше запретила людям и горничным доставлять письма молодой девушке или отправлять ее письма на почту. Года через два стали поговаривать о моем возвращении. "Эдак, пожалуй, каким-нибудь добрым утром несчастный сын брата отворит дверь и взойдет, чего тут долго думать да откладывать, – мы ее выдадим замуж и спасем от государственного преступника, человека без религии и правил".

Прежде княгиня, вздыхая, говорила о бедной сироте, о том, что у нее почти ничего нет, что ей нельзя долго разбирать, что ей бы хотелось как-нибудь пристроить ее

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru при себе. Она действительно с своими приживалками устроила кой-как судьбу одной дальней родственницы без состояния, отдав ее замуж за какого-то подьячего. Добрая, милая девушка, очень развитая, пошла замуж, желая успокоить свою мать; года через два она умерла, но подьячий остался жив и из благодарности продолжал заниматься хождением по делам ее сиятельства. Теперь, совсем напротив, сирота вовсе не бедная невеста, княгиня собирается ее выдать, как родную дочь, дает одними деньгами сто тысяч рублей и оставляет, сверх того, какое-то наследство. На таких условиях можно всегда найти женихов не только в Москве, но где угодно, особенно имея компаньонку, княжеский титул и кочующих старух. (346) Шепот, переговоры, слухи и горничные довели до несчастной жертвы такой попечительности намерения княгини. Она сказала компаньонке, что решительно не примет ничего предложения. Тогда началось непрерывное, оскорбительное, лишенное пощады и всякой деликатности гонение; гонение ежеминутное, мелкое, цепляющееся за каждый шаг, за каждое слово.

"...Представь себе дурную погоду, страшную стужу, ветер, дождь, пасмурное, какое-то без выражения небо, прегадку маленькую комнату, из которой, кажется, сейчас вынесли покойника, а тут эти дети без цели, даже без удовольствия, шумят, кричат, ломают и марают все близкое; да хорошо бы еще, если б только можно было глядеть на этих детей, а когда заставляют быть в их среде", - пишет она в одном письме из деревни, куда княгиня уезжала летом, и продолжает: "У нас сидят три старухи, и все три рассказывают, как их покойники были в параличе, как они за ними ходили - а и без того холодно".

Теперь к этой среде прибавилось систематическое преследование и уже не от одной княгини, но и от жалких старух, мучивших непрерывно Natalie, уговаривая ее идти замуж и браня меня; большей частью она умалчивала в письмах о ряде неприятностей, выносимых ею, но иной раз горечь, унижение и скука брали верх. "Не знаю, - пишет она, - можно ли выдумать еще что-нибудь к моему угнетению, неужели у них станет настолько ума? Знаешь ли ты, что даже выход в другую комнату мне запрещен, даже перемена места в той же комнате. Я давно не играла на фортепьяно, подали огонь, иду в залу, авось-либо смилосердятся, нет, воротили, заставили вязать; пожалуй - только сяду у другого стола, подле них мне невыносимо - можно ли хоть сто? Нет, непременно сядь тут, рядом с попадьей, слушай, смотри, говори - а они только и говорят о филарете да пересушивают тебя. На минуту мне стало досадно, я покраснела, и вдруг тяжелое чувство грусти сдавило грудь, но не оттого, что я должна быть их рабою, нет... мне смертельно стало жаль их".

Начинается формальное сватовство.

"У нас была одна дама, которая любит меня и которую я за это не люблю... хлопочет что есть мочи (347) пристроить меня и до того рассердила меня, что я пропела ей вслед:

Гробовой скорей покроюсь пеленой,
Чем без милого узорчатой фатой".

Через несколько дней, 26 октября 1837 года, она пишет: "Что я вытерпела сегодня, друг мой, ты не можешь себе представить. Меня нарядили и повезли к С., которая с детства была ко мне милостива через меру, к ним каждый вторник ездит полковник З. играть в карты. Вообрази мое положение: с одной стороны, старухи за карточным столом, с другой - разные безобразные фигуры и он. Разговор, лица - все это так чуждо, странно, противно, так безжизненно, пошло, я сама была больше похожа на изваяние, чем на живое существо; все происходящее казалось мне тяжким, удушливым сном, я, как ребенок, непрерывно просила ехать домой, меня не слушали. Внимание хозяина и гостя задавило меня, он даже написал мелом до половины мой вензель; боже мой, моих сил недостает, ни на кого не могу опереться из тех, которые могли быть опорой; одна - на краю пропасти, и целая толпа употребляет все усилия, чтоб столкнуть меня, иногда я устаю, силы слабеют, и нет тебя вблизи, и вдали тебя не видно; но одно воспоминание - и душа встрепенулась, готова снова на бой в доспехах любви".

Между тем полковник понравился всем, Сенатор его ласкал, отец мой находил, что "лучше жениха нельзя ждать и желать не должно". "Даже, - пишет Natalie, его превосходительство Д. П. (Голохвастов) доволен ям". Княгиня не говорила прямо Natalie, но прибавляла притеснения и торопила дело. Natalie пробовала

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru прикидываться при нем совершенной "дурочкой", думая, что отстрашает его. Нисколько – он продолжает ездить чаще и чаще.

"Вчера, – пишет она, – была у меня Эмилия, вот что она сказала: "Если б я услышала, что ты умерла, я бы с радостью перекрестилась и поблагодарила бы бога". Она права во многом, но не совсем, душа ее, живущая одним горем, поняла вполне страдания моей души, но блаженство, которым наполняет ее любовь, едва ли ей доступно". (348)

Но и княгиня не унывала. "Желая очистить свою совесть, княгиня призвала какого-то священника, знакомого с З., и спрашивала его, не грех ли будет отдать меня насильно? Священник сказал, что это будет даже богоугодно пристроить сироту. Я пошлю за своим духовником, – прибавляет Natalie, – и открою ему все".

30 октября. "Вот платье, вот наряд к завтраму, а там образ, кольца, хлопоты, приготовления – и ни слова мне. Приглашены Насакины и другие. Они готовят мне сюрприз, – и я готовлю им сюрприз".

Вечер. "Теперь происходит совещание. Лев Алексеевич (Сенатор) здесь. Ты уговариваешь меня, – не нужно друг мой, я умею отворачиваться от этих ужасных, гнусных сцен, куда меня тянут на цепи. Твой образ сияет надо мной, за меня нечего бояться, и самая грусть и самое горе так святы и так сильно и крепко обняли душу, что, отрывая их, сделаешь еще большее, раны откроются".

Однако как ни скрывали и ни маскировали дела, полковник не мог не увидеть .решительного отвращения невесты; он стал реже ездить, сказался больным, заикнулся даже о прибавке приданого, это очень рассердило, но княгиня прошла и через это унижение, она давала еще свою подмосковную. Этой уступки, кажется, и он не ждал, потому что после нее он совсем скрылся.

Месяца два прошло тихо. Вдруг разнеслась весть о моем переводе во Владимир. Тогда княгиня сделала последний отчаянный опыт сватовства. У одной из ее знакомых был сын, офицер, только что возвратившийся с Кавказа; он был молод, образован и весьма порядочный человек. Княгиня, откинув спесь, сама предложила его сестре "посондировать" брата, не хочет ли он посвататься. Он поддался на внушения сестры. Молодой девушке не хотелось еще раз играть тут же отвратительную и скучную роль, она, видя, что дело принимает серьезный оборот, написала ему письмо, прямо, открыто и просто говорила ему, что любит другого, доверялась его чести и просила не прибавлять ей новых страданий.

Офицер очень деликатно устранился. Княгиня была поражена, оскорблена и решила узнать, в чем дело. Сестра офицера, с которой говорила сама Natalie и (349) которая дала слово брату ничего не передавать княгине, рассказала все компаньонке. Разумеется, та тотчас же донесла.

Княгиня чуть не задохнулась от негодованья. Не зная, что делать, она приказала молодой девушке идти к себе наверх и не казаться ей на глаза; недовольная этим, она велела запереть ее дверь и посадила двух горничных для караула. Потом она написала к своим братьям и одному из –племянников записки и просила их собраться для совета, говоря, что она так расстроена и огорчена, что не может ума приложить к несчастному делу, ее постигшему. Отец мой отказался, говоря, что у него своих забот много, что вовсе не нужно придавать случившемуся такой важности и что он плохой судья в делах сердечных. Сенатор и Д. П. Голохвастов явились на другой день вечером, по зову.

Долго толковали они, ни в чем не согласились и наконец потребовали арестанта. Молодая девушка взошла; но это была не та молчаливая, застенчивая сирота, которую они знали. Непоколебимая твердость и безвозвратное решение были видны в спокойном и гордом выражении лица; это было не дитя, а женщина, которая шла защищать свою любовь – мою любовь.

Вид "подсудимой" смешал ареопаг. Им было неловко; наконец Дмитрий Павлович, *lorateur de la famille*²⁴, изложил пространно причину их съезда, горесть княгини, ее сердечное желание устроить судьбу своей воспитанницы и странное противудействие со стороны той, в пользу которой все делается. Сенатор подтверждал головой и указательным пальцем слова племянника. Княгиня молчала, сидела отвернувшись и нюхала соль.

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
"Подсудимая" все выслушала и простодушно спросила, чего от нее требуют?

- Мы весьма далеки от того, чтоб что-нибудь требовать, - заметил племянник, - мы здесь по воле тетушки, для того, чтоб дать вам искренний совет. Вам представляется партия, превосходная во всех отношениях.

- Я не могу ее принять. (350)

- Какая же причина на это?

- Вы ее знаете.

Оратор семейства немного покраснел, понюхал табаку и, щуря глаза, продолжал:

- Тут есть очень многое, против чего можно бы возражать, - я обращаю ваше внимание на шаткость ваших надежд. Вы так давно не видались с нашим несчастным Alexandrom, он так молод, горяч - уверены ли вы?..

- Уверена. Да и какие бы намерения его ни были, я не могу переменить своих.

Племянник исчерпал свою латынь; он встал, говоря:

- Дай бог, дай бог, чтоб вы не раскаялись! Я очень боюсь за ваше будущее.

Сенатор морщился; к нему-то и обратилась теперь несчастная девушка.

- Вы, - сказала она ему, - показывали мне всегда участие, вас я умоляю, спасите меня, сделайте что хотите, но избавьте меня от этой жизни. Я ничего никому не сделала, ничего не прошу, ничего не предпринимаю, я только отказываюсь обмануть человека и погубить себя, выходя за него замуж. Что я за это терплю, нельзя себе представить, мне больно, что я должна это высказать в присутствии княгини, но выносить оскорбления, обидные слова, намеки ее приятельницы выше моих сил. Я не могу, я не должна позволить, чтоб во мне был оскорблен... .

Нервы взяли свое, и слезы градом полились из ее глаз; Сенатор вскочил и, взволнованный, ходил по комнате.

В это время компаньонка, кипевшая от злобы, не выдержала и сказала, обращаясь к княгине:

- Какова наша скромница-то - вот вам и благодарность!

- О ком она говорит? - закричал Сенатор.- А? Как это вы, сестрица, позволяете, чтоб эта, черт знает кто такая, при вас так говорила о дочери вашего брата? Да и вообще, зачем эта шваль здесь? Вы ее тоже позвали на совет? Что она вам родственница, что ли?

- Голубчик мой, - отвечала испуганная княгиня, - ты знаешь, что она мне и как она за мной ходит. (351)

- Да, да, это прекрасно, ну и пусть подает лекарство и что нужно; не о том речь, - я вас, ma soeur²⁵, спрашиваю, зачем она здесь, когда говорят о семейном деле, да еще голос подымает? Можно думать после этого, что она делает одна, а потом жалуетесь.-Эй, карету!

Компаньонка, расплаканная и раскрасневшаяся, выбежала вон.

- Зачем вы так балуете ее? - продолжал расходившийся Сенатор. - Она все воображает, что в шинке в Звенигороде сидит; как вам это не гадко?

- Перестань, мой друг, пожалуйста, у меня нервы так расстроены - ох!.. Ты можешь идти наверх и там остаться, - прибавила она, обращаясь к племяннице.

- Пора и бастильи все эти уничтожить. Все это вздор и ни к чему не ведет, - заметил Сенатор и схватил шляпу.

Уезжая, он взшел наверх; взволнованная всем происшедшим, Natalie сидела на креслах закрывши лицо и горько плакала. Старик потрепал ее по плечу и сказал:

- Успокойся, успокойся, все перемелется. Ты постарайся, чтоб сестра перестала сердиться на тебя, она женщина больная, надобно ей уступить, она ведь все ж добра тебе желает; ну, а насильно тебя замуж не отдадут, за это я тебе отвечаю.

- Лучше в монастырь, в пансион, в Тамбов к брату, в Петербург, чем дольше выносить . эту жизнь! - отвечала она.

- Ну, полно, полно! старайся успокоить сестру, а дуру эту я отучу от грубостей.

Сенатор, проходя по зале, встретил компаньонку. "Прошу не забываться!" закричал он на нее, грозя пальцем. Она, рыдая, пошла в спальню, где княгиня уже лежала в постели и четыре горничные терли ей руки и ноги, мочили виски уксусом и капали гофманские капли на сахар.

Тем семейный совет и кончился.

Ясное дело, что положение молодой девушки не могло перемениться к лучшему. Компаньонка стала (352) осторожнее, но, питая теперь личную ненависть и желая на ней выместить обиду и унижение, она отравляла ей жизнь мелкими, косвенными средствами; само собою разумеется, что княгиня участвовала в этом неблагородном преследовании беззащитной девушки.

Надобно было положить этому конец. Я решился выступить прямо на сцену и написал моему отцу длинное, спокойное, искреннее письмо. Я говорил ему о моей любви и, предвидя его ответ, прибавлял, что я вовсе его не тороплю, что я даю ему время взглядеться, мимолетное это чувство или нет, и прошу его об одном, чтоб он и Сенатор взошли в положение несчастной девушки, чтоб они вспомнили, что они имеют на нее столько же права, сколько и сама княгиня.

Отец мой на это отвечал, что он в чужие дела терпеть не может мешаться, что до него не касается, что княгиня делает у себя в доме; он мне советовал оставить пустые мысли, "порожденные праздностью и скукой ссылки", и лучше приготовляться к путешествию в чужие края. Мы часто говаривали с ним в былые годы о поездке за границу, он знал, как страстно я желал, но находил бездну препятствий и всегда оканчивал одним: "Ты прежде закрой мне глаза, потом дорога открыта на все четыре стороны". В ссылке я потерял всякую надежду на скорое путешествие, знал, как трудно будет получить дозволение, и, сверх того, мне казалось неделикатно, после насильственной разлуки, настаивать на добровольную. Я помнил слезу, дрожавшую на старых веках, когда я отправлялся в Пермь... и вдруг мой отец берет инициативу и предлагает мне ехать!

Я был откровенен, писал, щадя старика, просил так мало, - он мне отвечал иронией и уловкой. "Он ничего не хочет сделать для меня, - говорил я сам себе, - он, как Гизо, проповедует la non-intervention²⁶; хорошо, так я сделаю сам, и теперь - аминь уступкам". Я ни разу прежде не думал об устройстве будущего; я верил, знал, что оно мое, что оно наше, и предоставлял подробности случаю; нам было довольно сознания любви, желания не шли дальше минутного свидания. Письмо моего отца заставило меня схватить будущее в мои руки. Ждать (353) было нечего - cosa fatta capo ha!²⁷ Отец мой не очень сентиментален, а княгиня

Пускай себе поплачет...

Ей ничего не значит!

В это время гостили во Владимире мой брат и Кетчер. Мы с Кетчером проводили целые ночи напролет, говоря, вспоминая, смеясь сквозь слез и до слез. Он был первый из наших, которого я увидел после отъезда из Москвы. От него я узнал хронику нашего круга, в чем перемены и какие вопросы занимают, какие лица прибыли, где те, которые оставили Москву, и проч. Переговоривши все, я рассказал о моих намерениях. Рассуждая, что и как следует сделать, Кетчер заключил предложением, нелепость которого я оценил потом. Желая исчерпать все мирные пути, он хотел съездить к моему отцу, которого едва знал, и серьезно с ним поговорить. Я согласился.

Кетчер, конечно, был способнее на все хорошее и на все худое, чем на дипломатические переговоры, особенно с моим отцом. Он имел в высшей степени все то, что должно было окончательно испортить дело. Он одним появлением своим

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru наводил уныние и тревогу на всякого консерватора. Высокий ростом, с волосами странно разбросанными, без всякого единства прически, с резким лицом, напоминающим ряд членов Конвента 93 года, а всего более Мара, с тем же большим ртом, с той же резкой чертой пренебрежения на губах и с тем же грустно и озлобленно печальным выражением; к этому следует прибавить очки, шляпу с широкими полями, чрезвычайную раздражительность, громкий голос, непривычку себя сдерживать и способность, по мере негодования, поднимать брови все выше и выше. Кетчер был похож на Ларавинье в превосходном романе Ж. Санд "Орас", с примесью чего-то патфайндерского, робинзоновского. и еще чего-то чисто московского. Открытая, благородная натура с детства поставила его в прямую ссору с окружающим миром; он не скрывал это враждебное отношение и привык к нему. Несколькими годами старше нас, он беспрерывно бранился с нами и был всем недоволен, делал выговоры, (354) ссорился и покрывал все это добродушием ребенка. Слова его были грубы, но чувства нежны, и мы бездну прощали ему.

Представьте же именно его, этого последнего могикана, с лицом Мара, "друга народа", отправляющегося увещевать моего отца. Много раз потом я заставлял Кетчера пересказывать их свидание, моего воображения недоставало, чтоб представить все оригинальное этого дипломатического вмешательства. Оно пришлось так невзначай, что старик не нашелся сначала, стал объяснять все глубокие соображения, почему он против моего брака, и потом уже, спохватившись, переменил тон и спросил Кетчера, с какой он стати пришел к нему говорить о деле, до него вовсе не касающемся. Разговор принял характер желчевой. Дипломат, видя, что дело становится хуже, попробовал пугнуть старика моим здоровьем; но это уже было поздно, и свидание окончилось, как следовало ожидать, рядом язвительных колкостей со стороны моего отца и грубых выражений со стороны Кетчера.

Кетчер писал мне: "От старика ничего не жди". Этого-то и надо было. Но что было делать, как начать? Пока я обдумывал по десяти разных проектов в день и не решался, который предпочесть, брат мой собрался ехать в Москву.

Это было 1 марта 1838 года.

ГЛАВА XXIII

Третье марта и девятое мая 1838 года.

Утром я писал письма, когда я кончил, мы сели обедать. Я не ел, мы молчали, мне было невыносимо тяжело, - это было часу в пятом, в семь должны были прийти лошади. - Завтра после обеда он будет в Москве, а я... - и с каждой минутой пульс у меня бился сильнее.

- Послушайте, - сказал я наконец брату, глядя в тарелку, - доведите меня до Москвы?

Брат мой опустил вилку и смотрел на меня неуверенный, послышалось ему или нет. (355)

- Провезите меня через заставу как вашего слугу, больше мне ничего не нужно, согласны?

- Да я, - пожалуй, только знаешь, чтоб тебе потом...

Это уж было поздно, его "пожалуй" было у меня в крови, в мозгу. Мысль, едва мелькнувшая за минуту, была теперь неисторгаема.

- Что тут толковать, мало ли что может случиться - итак, вы берете меня?

- Отчего же - я, право, готов - только... Я вскочил из-за стола.

- Вы едете? - спросил Матвей, желая что-то сказать.

- Еду, - отвечал я так, что он ничего не прибавил. - Я послезавтра возвращусь, коли кто придет, скажи, что у меня болит голова и что я сплю, вечером зажги свечи и засим дай мне белья и сак.

Бубенчики позванивали на дворе.

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

- Вы готовы?

- Готов. Итак, в добрый час.

На другой день, в обеденную пору бубенчики перестали позванивать, мы были у подъезда Кетчера. Я велел его вызвать. Неделю тому назад, когда он меня оставил во Владимире, о моем приезде не было даже предположения, а потому он так удивился, увидя меня, что сначала не сказал ни слова, а потом покотился со смеху, но вскоре принял озабоченный вид и повел меня к себе. Когда мы были в его комнате, он, тщательно запирая дверь на ключ, спросил меня:

- Что случилось?

- Ничего.

- Да ты зачем?

- Я не мог остаться во Владимире, я хочу видеть Natalie - вот и все, а ты должен это устроить, и сию же минуту, потому что завтра я должен быть дома.

Кетчер смотрел мне в глаза и сильно поднял брови.

- Какая глупость, это черт знает что такое, без нужды, ничего не приготовивши, ехать. Что ты, писал, назначил время?

- Ничего не писал.

- Помилуй, братец, да что же мы с тобой сделаем? Это из рук вон, это белая горячка!

- В том-то все дело, что, не теряя ни минуты, надобно придумать, как и что. (356)

- Ты глуп, - сказал положительно Кетчер, забирая еще выше бровями, - я был бы очень рад, чрезвычайно рад, если б ничего не удалось, был бы урок тебе.

- И довольно продолжительный, если попадусь. Слушай, когда будет темно, мы поедем к дому княгини, ты вызовешь кого-нибудь на улицу, из людей, я тебе скажу кого, - ну, потом увидим, что делать. Ладно, что ли?

- Ну, делать нечего, пойдем, а уж как бы мне хотелось, чтоб не удалось! Что же вчера не написал? - и Кетчер, важно нахлобучив на себя свою шляпу с длинными полями, набросил черный плащ на красной подкладке.

- Ах ты, проклятый ворчун! - сказал я ему, выходя, и Кетчер, от души смеясь, повторял: "Да разве это не курам на смех, не написал и приехал, - это из рук вон".

У Кетчера нельзя было оставаться, он жил ужасно далеко и в этот день у его матери были гости. Он отправился со мной к одному гусарскому офицеру. Кетчер его знал за благородного человека, он не был замешан в политические дела и, следовательно, вне полицейского надзора. Офицер с длинными усами сидел за обедом, когда мы пришли; Кетчер рассказал ему, в чем дело, офицер в ответ налил мне стакан красного вина и поблагодарил за доверие, потом отправился со мной в свою спальню, украшенную седлами и чепраками, так что можно было думать, что он спит верхом.

- Вот вам комната, - сказал он, - вас никто здесь не беспокоит.

Потом он позвал денщика, гусара же, и велел ему ни под каким предлогом никого не пускать в эту комнату. Я снова очутился под охраной солдата, с той разницей, что в Крутицах жандарм меня караулил от всего мира, а тут гусар караулил весь мир от меня.

Когда совсем смерклось, мы отправились с Кетчером. Сильно билось сердце, когда я снова увидел знакомые, родные улицы, места, дома, которых я не видал около четырех лет... Кузнецкий мост, Тверской бульвар... вот и дом Огарева, ему нахлобучили какой-то огромный герб, он чужой уж; в нижнем этаже, где мы так юно

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru жили, жил портной... вот Поварская – дух занимается, в мезонине, в угловом окне, горит свечка, это ее комната, (357) она пишет ко мне, она думает обо мне, свеча так весело горит, так мне горит.

Пока мы придумывали, как лучше вызвать кого-нибудь, нам навстречу бежит один из молодых официантов княгини.

– Аркадий, – сказал я, поравнявшись. Он меня не узнал. – Что с тобой, сказал я, – своих не узнаешь?

– Да это вы-с? – вскрикнул он. Я приложил палец к губам и сказал:

– Хочешь ли ты мне сослужить дружескую службу, доставь немедленно, через Сашу или Костеньку, как можно скорей, вот эту записочку, понимаешь? Мы будем ждать ответ в переулке за углом, и ни полслова никому о том, что ты меня видел в Москве.

– Будьте покойны, все обделаем вмиг, – отвечал Аркадий и пустился рысью домой.

Около получаса ходили мы взад и вперед по переулку, прежде чем вышла, торопясь и оглядываясь, небольшая худенькая старушка, та самая бойкая горничная, которая в 1812 году у французских солдат просила для меня "манже"; с детства мы звали ее Костенькой. Старушка взяла меня обеими руками за лицо и расцеловала.

– Так-то ты и прилетел, – говорила она, – ах ты, буйная голова, и когда ты это уймешься, беспутный ты мой, и барышню так испугал, что чуть в обморок не упала.

– Что же записочка, есть у вас?

– Есть, есть, ишь –какой нетерпеливый! – и она мне подала лоскуток бумаги.

Дрожащей рукой, карандашом были написаны несколько слов: "Боже мой, неужели это правда – ты здесь, завтра в шестом часу утра я буду тебя ждать, не верю, не верю! Неужели это не сон?"

Гусар снова меня отдал на сохранение денщику. В пять часов с половиной я стоял, прислонившись к фонарному столбу, и ждал Кетчера, взошедшего в калитку княгининого дома. Я и не попробую передать того, что происходило во мне, пока я ждал у столба; такие мгновения остаются потому личной тайной, что они немы;

Кетчер махал мне рукой. Я взошел в калитку, мальчик, который успел вырасти, провожал меня, знакомо улыбаясь. И вот я в передней, в которую некогда входил зевая, а теперь готов был пасть на колена и це(358)ловать каждую доску пола. Аркадий привел меня в гостиную и вышел. Я, утомленный, бросился на диван, сердце билось так сильно, что мне было больно, и, сверх того, мне было страшно. Я растягиваю рассказ, чтоб дольше остаться с этими воспоминаниями, хотя и вижу, что слово их плохо берет.

Она взошла, вся в белом, ослепительно прекрасна; три года разлуки и вынесенная борьба окончили черты и выражение.

– Это ты, – сказала она своим тихим, кротким голосом.

Мы сели на диван и молчали.

Выражение счастья в ее глазах доходило до страдания. Должно быть, чувство радости, доведенное до высшей степени, смешивается с выражением боли, потому что и она мне сказала: "Какой у тебя измученный вид".

Я держал ее руку, на другую она облокотилась, и нам нечего было друг другу сказать... короткие фразы, два-три воспоминания, слова из писем, пустые замечания об Аркадии, о гусаре, о Костеньке.

Потом взошла нянюшка, говоря, что пора, и я встал, не возражая, и она меня не останавливала... такая полнота была в душе. Больше, меньше, короче, дольше, еще – все это исчезало перед полнотой настоящего...

Когда мы были за заставой, Кетчер спросил:

- Что же у вас, решено что-нибудь?

- Ничего.

- Да ты говорил с ней?

- Об этом ни слова.

- Она согласна?

- Я не спрашивал, - разумеется, согласна.

- Ты, ей-богу, поступаешь, как дитя или как сумасшедший,- заметил Кетчер, повышая брови и пожимая с негодованием плечами.

- Я ей напишу, потом тебе, а теперь прощай! Ну-тка по всем по трем!

На дворе была оттепель, рыхлый снег местами чернел, бесконечная белая поляна лежала с обеих сторон, деревеньки мелькали с своим дымом, потом взошел месяц и иначе осветил все; я был один с ямщиком и все смотрел и все был там с нею, и дорога, и месяц, и поляны как-то смешивались с княгининой гостиной. И странно, я помнил каждое слово нянюшки, Аркадия, даже (359) горничной, проводившей меня до ворот, но что я говорил с нею, что она мне говорила, не помнил!

Два месяца прошли в непрерывных хлопотах, надобно было занять денег, достать метрическое свидетельство; оказалось, что княгиня его взяла. Один из друзей достал всеми неправдами другое из консистории - платя, кланяясь, потчуя кварталных и писарей.

Когда все было готово, мы поехали, то есть я и Матвей.

На рассвете 8 мая мы были на последней ямской станции перед Москвой. Ямщики пошли за лошадьми. Погода была душная, дождь капал, казалось, будет гроза, я не вышел из кибитки и торопил ямщика. Кто-то странным голосом, тонким, плаксивым, протяжным, говорил возле. Я обернулся и увидел девочку лет шестнадцати, бледную, худую, в лохмотьях и с распущенными волосами, она просила милостыню. Я дал ей мелкую серебряную монету; она захохотала, увидя ее, но, вместо того, чтоб идти прочь, влезла на облучок кибитки, повернулась ко мне и стала бормотать полусвязные речи, глядя мне прямо в лицо; ее взгляд был мутен, жалок, пряди волос падали на лицо. Болезненное лицо ее, непонятная болтовня вместе с утренним освещением наводили на меня какую-то нервную робость.

- Это у нас так, юродивая, то есть дурочка,-заметил ямщик. - И куда ты лезешь, вот стягну, так узнаешь! Ей-богу, стягну, озорница эдакая!

- Что ты брбнишься, что я те сдела - вот барин-то серебряной пяточок дал, а что я тебе сдела?

- Ну, дал, так и убирайся к своим чертям в лес.

- Возьми меня с собой, - прибавила девочка, жалобно глядя на меня, - ну, право, возьми...

- В Москве показывать за деньги: чудо, мол, юдо, рак морской, - заметил ямщик, - ну, слезай, что ли, трогаем.

Девочка не думала идти, а все жалобно смотрела; я просил ямщика не обижать ее, он взял ее тихо в охапку и поставил на землю. Она расплакалась, и я готов был плакать с нею.

Зачем это существо попало мне именно в этот день, именно при въезде в Москву? Я вспомнил "Безумную" Козлова, и ее он встретил под Москвой. (360)

Мы поехали, воздух был полон электричества, неприятно тяжел и тепел. Синяя туча, опускавшаяся серыми ключьями до земли, медленно тащилась ими по полям, и вдруг зигзаг молнии прорезал ее своими уступами вкось - ударил гром и Дождь полился ливнем. Мы были верстах в десяти от Рогожской заставы, да еще Москвой

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru приходилось с час ехать до Девичьего поля. Мы приехали к Астраковым, где меня должен был ожидать Кетчер, решительно без сухой нитки на теле.

Кетчера не было налицо. Он был у изголовья умирающей женщины, Е. Д. Левашовой. Женщина эта принадлежала к тем удивительным явлениям русской жизни, которые мирят с нею, которых все существование – подвиг, никому не ведомый, кроме небольшого круга друзей. Сколько слез утерла она, сколько внесла утешений не в одну разбитую душу, сколько юных существований поддержала она и сколько сама страдала "Она изошла любовью", – сказал мне Чаадаев, один из ближайших друзей ее, посвятивший ей свое знаменитое письмо о России.

Кетчер не мог ее оставить и писал, что около девяти часов приедет. Меня встревожила эта весть. Человек, объятый сильной страстью, – страшный эгоист; я в отсутствии Кетчера видел одну задержку... когда же пробило девять часов, раздался благовест к поздней обедне и прошло еще четверть часа, мною овладело лихорадочное беспокойство и малодушное отчаяние... Половина десятого – нет, он не будет; больной, верно, хуже, что мне делать? Остаться в Москве не могу, одно неосторожное слово горничной, нянюшки в доме княгини откроет все. Ехать назад было возможно, но я чувствовал, что у меня не было силы ехать назад.

В три четверти десятого явился Кетчер в соломенной шляпе, с измятым лицом человека, не спавшего целую ночь. Я бросился к нему и, обнимая его, осыпал упреками. Кетчер, нахмурившись, посмотрел на меня и спросил:

– Разве получаса не достаточно, чтобы дойти от Астраковых до Поварской? Мы бы тут болтали с тобой целый час, ну, оно как ни приятно, а я из-за этого не решился прежде, чем было нужно, оставить умирающую – женщину. Левашова, прибавил он, – посылает (361) вам свое приветствие, она благословила меня на успех своей умирающей рукой и дала мне на случай нужды теплую шаль.

Привет умирающей был для меня необыкновенно дорог. Теплая шаль была очень нужна ночью, и я не успел ее поблагодарить, ни пожать ее руки... она вскоре скончалась.

Кетчери Астраков отправились. Кетчер должен был ехать за заставу с Natalie, Астраков – воротиться, чтобы сказать мне, все ли успешно и что делать. Я остался ждать с его милой, прекрасной женой; она сама недавно вышла замуж; страстная, огненная натура, она принимала самое горячее участие в нашем деле; она старалась с притворной веселостью уверить меня, что все пойдет превосходно, а сама была до того снедаема беспокойством, что беспрестанно менялась в лице. Мы с ней сели у окна, разговор не шел; мы были похожи на детей, посаженных за вину в пустую комнату. Так прошли часа два.

В мире нет ничего разрушительнее, невыносимее, как бездействие и ожидание в такие минуты. Друзья делают большую ошибку, снимая с плеч главного пациента всю ношу. Выдумать надобно занятия для него, если их нет, задавить физической работой, рассеять недосугом, хлопотами.

Наконец взшел Астраков, мы бросились к нему.

– Все идет чудесно, они при мне ускакали! – кричал он нам со двора. Ступай сейчас за Рогожскую заставу, там у мостика увидишь лошадей недалеко Перова трактира. С богом. Да перемени на полдороге извозчика, чтоб последний не знал, откуда ты.

Я пустился, как из лука стрела... Вот и мостик недалеко от Перова; никого нет, да и по другую сторону мостик, и тоже никого нет. Я доехал до Измайловского зверинца, – никого; я отпустил извозчика и пошел пешком. Ходя взад и вперед, я наконец увидел на другой дороге какой-то экипаж; молодой красивый кучер стоял возле.

– Не проезжал ли здесь, – спросил я его, – барин высокий, в соломенной шляпе и не один – с барышней?

– Я никого не видал, – отвечал нехотя кучер.

– Да ты с кем здесь?

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
– С господами. (362)

– Как их зовут?

– А вам на что?

– Экой ты, братец, какой, не было бы дела, так и не спрашивал бы.

Кучер посмотрел на меня испытующим взглядом и улыбнулся, вид мой, казалось, его лучше расположил в мою пользу.

– Коли дело есть, так имя сами должны знать, кого вам надо?

– Экой ты кремень какой, ну, надобно мне барина, которого Кетчером зовут.

Кучер еще улыбнулся и, указывая пальцем на кладбище, сказал;

– Вот вдали-то, видите, чернеет, это самый он и есть, и барышня с ним, шляпки-то не взяли, так уже господин Кетчер свою дали, благо соломенная.

И в этот раз мы встречались на кладбище!

...Она с легким криком бросилась мне на шею.

– И навсегда! – сказала она.

– Навсегда! – повторил я.

Кетчер был тронут, слезы дрожали на его глазах, он взял наши руки и дрожащим голосом сказал:

– Друзья, будьте счастливы!

Мы обняли его. Это было наше действительное бракосочетание!

Мы были больше часу в особой комнате Перова трактира, а коляска с Матвеем еще не приезжала! Кетчер хмурился. Нам и в голову не шла возможность несчастья, нам так хорошо было тут втроем и так дома, как будто мы и всё вместе были. Перед окнами была роща, снизу слышалась музыка и раздавался цыганский хор; день после грозы был прекрасный.

Полицейской погони со стороны княгини я не боялся, как Кетчер; я знал, что она из спеси не замешает квартального в семейное дело. Сверх того, она ничего не предпринимала без Сенатора, ни Сенатор – без моего отца; отец мой никогда не согласился бы на то, чтоб полиция остановила меня в Москве или под Москвой, то есть чтоб меня отправили в Бобруйск или в Сибирь за нарушение высочайшей воли. Опасность могла только быть со стороны тайной полиции, но все было сделано так быстро, что ей трудно было знать; да если она что-нибудь и проведала, то кому же придет в голову, чтоб (363) человек, тайно возвратившийся из ссылки, который увозит свою невесту, спокойно сидел в Перовом трактире, где народ толчется с утра до ночи.

Явился, наконец, и Матвей с коляской.

– Еще бокал, – командовал Кетчер, – и в путь!

И вот мы одни, то есть вдвоем, несемся по Владимирской дороге.

В Бунькове, пока меняли лошадей, мы взошли на постоялый двор. Старушка хозяйка пришла спросить, не надо ли чего подать, и, добродушно глядя на нас, сказала:

– Какая хозяйшка-то у тебя молоденькая да пригожая, – и оба-то вы, господь с вами, – парочка.

Мы покраснели до ушей, не смели взглянуть друг на друга и спросили чаю, чтоб скрыть смущение. На другой день часу в шестом мы приехали во Владимир. Время терять было нечего; я бросился, оставив у одного старого семейного чиновника невесту, узнать, все ли готово. Но кому же было готовить во Владимире?

Везде не без добрых людей. Во Владимире стоял тогда Сибирский уланский полк; я мало был знаком с офицерами, но, встречаясь довольно часто с одним из них в публичной библиотеке, я стал с ним кланяться; он был очень учтив и мил. С месяца спустя он признался мне, что знал меня и мою историю 1834 года, рассказал, что он сам из студентов Московского университета. Уезжая из Владимира и отыскивая, кому поручить разные хлопоты, я подумал об офицере, поехал к нему и прямо рассказал, в чем дело. Он, искренно тронутый моей доверенностью, пожал мне руку, все обещал и все исполнил.

Офицер ожидал меня во всей форме, с белыми отворотами, с кивером без чехла, с лядункой через плечо, со всякими шнурками. Он сообщил мне, что архиерей разрешил священнику венчать, но велел предварительно показать метрическое свидетельство. Я отдал офицеру свидетельство, а сам отправился к другому молодому человеку, тоже из Московского университета. Он служил свои два губернских года, по новому положению, в канцелярии губернатора и пропадал от скуки.

- Хотите быть шафером?

- У кого? (364)

- У меня.

- Как, у вас?

- Да, да, у меня!

- Очень рад! Когда?

- Сейчас.

Он думал, что я шучу, но когда я ему наскоро сказал, в чем дело, он вспрыгнул от радости. - Быть шафером на тайной свадьбе, хлопотать, может попасть под следствие, и все это в маленьком городе без всяких рассеяний. Он тотчас обещал достать для меня карету, четверку лошадей и бросился к комоду смотреть, есть ли чистый белый жилет.

Ехавши от него, я встретил моего улана: он вез на коленях священника. Представьте себе пестрого, разнаряженного офицера на маленьких дрожках с дородным попом, украшенным большой, расчесанной бородой, в шелковой рясе, которая цеплялась за все ненужности уланской сбруи. Одна эта сцена могла бы обратить на себя внимание не только улицы, идущей от владимирских Золотых ворот, но и парижских бульваров или самой Режент-стрит. А улан и не подумал об этом, да и я подумал уже после. Священник ходил по домам с молебном, - это был николин день, и мой кавалерист насилу где-то его поймал и взял в реквизицию. Мы поехали к архиерею.

Для того чтоб понять, в чем дело, надобно рассказать, как вообще архиерей мог быть замешан в него. За день до моего отъезда священник, согласившийся венчать, вдруг объявил, что без разрешения архиерея он венчать не станет, что он что-то слышал, что он боится. Сколько мы ни ораторствовали с уланом священник уперся и стоял на своем. Улан предложил попробовать их полкового попа. Священник этот, бритый, стриженный, в длинном, долгополом сертуке, в сапогах сверх штанов, смиренно куривший из солдатской трубочки, хотя и был тронут некоторыми подробностями нашего предложения, ко венчать отказался, говоря, и притом на каком-то польско-белорусском наречии, что им строго-настрога заказано венчать "цивильных".

- А нам еще строже запрещено быть свидетелями и шаферами без позволения, заметил ему офицер, - а ведь вот я иду же. (365)

- Инное дело, пред Иезусом инное дело.

- Смелым владеет бог, - сказал я улану, - я еду сейчас к архиерею. Да кстати, зачем же вы не спросите позволения?

- Не нужно. Полковник скажет жене, а та разболтает. Да еще, пожалуй, он не позволит.

Владимирский архиерей Парфений был умный, суровый и грубый старик; , распорядительный и своеобразный, он равно мог быть губернатором или генералом, да еще, я думаю, генералом он был бы больше на месте, чем монахом; но случилось иначе, и он управлял своей епархией, как управлял бы дивизией на Кавказе. Я в нем вообще замечал гораздо больше свойств администратора, чем живого мертвеца. Он, впрочем, был больше человек крутой, чем злой; как все деловые люди, он понимал вопросы быстро, резко и бесился, когда ему толковали вздор или не понимали его. С такими людьми вообще гораздо легче объясняться, чем с людьми мягкими, но слабыми и нерешительными. По обыкновению всех губернских городов, я после приезда во Владимир зашел раз после обедни к архиерею. Он радушно меня принял, благословил и потчевал, семгой; потом пригласил когда-нибудь приехать посидеть вечером, потолковать, говоря, что у него слабеют глаза и он читать по вечерам не может. Я был раза два-три; он говорил о литературе, знал все новые русские книги, читал журналы, итак, мы с ним были как нельзя лучше. Тем не менее не без страха постучался я в его архипастырскую дверь.

День был жаркий. Преосвященный Парфений принял меня в саду. Он сидел под большой тенистой липой, сняв клобук и распустив свои седые волосы. Перед ним стоял без шляпы, на самом солнце, статный плешивый протопоп и читал вслух какую-то бумагу; лицо его было багрово, и крупные капли пота выступали на лбу, он щурился от ослепительной белизны бумаги, освещенной солнцем, - и ни он не смел подвинуться, ни архиерей ему не говорил, чтоб он отошел.

- Садитесь, - сказал он мне, благословляя, - мы сейчас кончим, это наши консисторские делишки. Читай, - прибавил он протопопу, и тот, обтершись синим платком и откашлянув в сторону, снова принялся за чтение. (366)

- Что скажите нового? - спросил меня Парфений, отдавая перо протопопу, который воспользовался сей верной оказией, чтоб поцеловать руку.

Я рассказал ему об отказе священника.

- У вас есть свидетельства?

Я показал губернаторское разрешение.

- Только-то?

- Только. Парфений улыбнулся.

- А со стороны невесты?

- Есть метрическое свидетельство, его привезут в день свадьбы.

- Когда свадьба?

- Через два дня.

- Что же, вы нашли дом?

- Нет еще.

- Ну, вот видите, - сказал мне Парфений, кладя палец за губу и растягивая себе рот, зацепивши им за щеку, одна из его любимых игрушек. - Вы человек умный и начитанный, ну, а старого воробья на мякине вам не провести. У вас тут что-то неладно; так вы, коли уже пожаловали ко мне, лучше расскажите мне ваше дело по совести, как на духу. Ну, я тогда прямо вам и скажу, что можно и чего нельзя, во всяком случае совет дам не к худу.

Мне казалось мое дело так чисто и право, что я рассказал ему все, разумеется не вступая в ненужные подробности. Старик слушал внимательно и часто смотрел мне в глаза. Оказалось, что он давнишний знакомый с княгиней и долею мог, стало быть, сам поверить истину моего рассказа.

- Понимаю, понимаю, - сказал он, когда я кончил. - Ну, дайте-ка я напишу от себя письмо к княгине.

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
– Будьте уверены, что все мирные средства ни к чему не поведут, капризы, ожесточение – все это зашло слишком далеко. Я вашему преосвященству все рассказал, так, как вы желали, теперь я прибавлю, если вы мне откажете в помощи, я буду принужден тайком, воровски, за деньги сделать то, что делаю теперь без шума, но прямо и открыто. Могу уверить вас в одном; ни тюрьма, ни новая ссылка меня не остановят. (367)

– Видишь, – сказал Парфений, вставая и потягиваясь, – пряткий какой, тебе все еще мало Перми-то, не укатали крутые горы. Что, я разве говорю, что запрещаю? Венчайся себе, пожалуй, противозаконного ничего нет; но лучше бы было семейно да кротко. Пришлите-ка ко мне вашего попа, уломаю его как-нибудь; ну, только одно помните: без документов со стороны невесты и не пробуйте. Так "ни тюрьма, ни ссылка" – ишь какие нынче, подумаешь, люди стали! Ну, господь с вами, в добрый час, а с княгиней-то вы меня поссорите.

Итак, в наш заговор, сверх улана, вступил высокопреосвященный Парфений, архиепископ владимирский и суздальский.

Когда я предварительно просил у губернатора дозволение, я вовсе не представлял моего брака тайным, это было вернейшее средство, чтоб никто не говорил, и чего же было естественнее приезда моей невесты во Владимир, когда я был лишен права из него выехать. Тоже естественно было и то, что в таком случае мы желали венчаться как можно скромнее.

Когда мы с священником приехали 9 мая к архиерею, нам послушник его объявил, что он с утра уехал в свой загородный дом и до ночи не будет. Был уже восьмой час вечера, после десяти венчать нельзя, следующий день была суббота. Что делать? Священник трусил. Мы взошли к иеромонаху, духовнику архиерея; монах пил чай с ромом и был в самом благодушном настроении. Я рассказал ему дело, он мне налил чашку чая и настоятельно требовал, чтоб я прибавил рому; потом он вынул огромные серебряные очки, прочитал свидетельство, повернул его, посмотрел с той стороны, где ничего не было написано, сложил и, отдавая священнику, сказал: "В наисовершеннейшем порядке". Священник все еще мялся. Я говорил отцу иеромонаху, что если я сегодня не обвенчаюсь, мне будет страшное расстройство.

– Что откладывать, – сказал иеромонах, – я доложу преосвященнейшему; повенчайте, отец Иоанн, повенчайте – во имя отца и сына и святого духа аминь!

Попу нечего было говорить, он поехал писать обыск, я поскакал за Natalie.

...Когда мы выезжали из Золотых ворот вдвоем, без чужих, солнце, до тех пор закрытое облаками, ослепительно осветило нас последними ярко-красными лучами, (368) да так торжественно и радостно, что мы сказали в одно слово: "Вот наши провозжатые!" Я помню ее улыбку при этих словах и пожатье руки.

Маленькая ямская церковь, верстах в трех от города, была пуста, не было ни певчих, ни зажженных паникадил. Человек пять простых уланов взошли мимоходом и вышли. Старый дьячок пел тихим и слабым голосом, Матвей со слезами радости смотрел на нас, молодые шаферы стояли за нами с тяжелыми венцами, которыми перевенчали всех владимирских ямщиков. Дьячок подавал дрожащей рукой серебряный ковш единения... в церкви становилось темно, только несколько местных свеч горело. Все это было или казалось нам необыкновенно изящно именно своей простотой. Архиерей проехал мимо и, увидя отворенные двери в церкви, остановился и послал спросить, что делается; священник, несколько побледневший, сам вышел к нему и через минуту возвратился с веселым видом и сказал нам:

– Высокопреосвященнейший посылает вам свое архипастырское благословение и велел сказать, что он молится о вас.

Когда мы ехали домой, весть о таинственном браке разнеслась по городу, дамы ждали на балконах, окна были открыты, я опустил стекла в карете и несколько досадовал, что сумерки мешали мне показать "молодую".

Дома мы выпили с шаферами и Матвеем две бутылки вина, шаферы посидели минут двадцать, и мы остались одни, и нам опять, как в Перове, это казалось так естественно, так просто, само собою понятно, что мы совсем не удивлялись, а потом месяцы целые не могли надивиться тому же.

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
У нас было три комнаты, мы сели в гостиной за небольшим столиком и, забывая усталость последних дней, проговорили часть ночи...

Толпа чужих на брачном пире мне всегда казалась чем-то грубым, неприличным, почти циничским; к чему это преждевременное снятие покрывала с любви, это посвящение людей посторонних, хладнокровных – в семейную тайну. Как должны оскорблять бедную девушку, выставленную всенародно в качестве невесты, все эти битые приветствия, тертые пошлости, тупые намеки... ни одно деликатное чувство не пощажено, роскошь брач(369)ного ложа, прелесть ночной одежды выставлены не только на удивление гостям, но всем празднующимся. А потом, первые дни начинающейся новой жизни, в которых дорога каждая минута, в которые следовало бы бежать куда-нибудь вдаль, в уединение, проводятся за бесконечными обедами, за утомительными балами, в толпе, точно на смех.

На другой день утром мы нашли в зале два куста роз и огромный букет. Милая, добрая Юлия Федоровна (жена губернатора), принимавшая горячее участие в нашем романе, прислала их. Я обнял и расцеловал губернаторского лакея, и потом мы поехали к ней самой. Так как приданое "молодой" состояло из двух платьев, одного дорожного и другого венчального, то она и отправилась в венчальном.

От Юлии Федоровны мы заехали к архиерею, старик сам повел нас в сад, сам нарезал букет цветов, рассказал Natalie, как я его страшил своей собственной гибелью, и в заключение советовал заниматься хозяйством.

- Умеете ли вы солить огурцы? – спросил он Natalie.

- Умею, – отвечала она, смеясь.

- Ох, плохо верится. А ведь это необходимо.

Вечером я написал письмо к моему отцу. Я просил его не сердиться на конченное дело и, "так как бог соединил нас", простить меня и присовокупить свое благословение. Отец мой обыкновенно писал мне несколько строк раз в неделю, он не ускорил ни одним днем ответа и не отдалил его, даже начало письма было, как всегда. "Письмо твое от 10 мая я третьего дня в пять часов с половиною получил и из него не без огорчения узнал, что бог тебя соединил с Наташей. Я волею божией ни в чем не перечу и слепо покоряюсь искушениям, которые он ниспосылает на меня. Но так как деньги мои, а ты не считаешь нужным сообразоваться с моей волей, то и объявляю тебе, что я к твоему прежнему окладу, тысяче рублей серебром в год, не прибавлю ни копейки".

Как мы смеялись от чистого сердца этому разделу духовной и светской власти!

А куда как надобно было прибавить! Деньги, которые я занял, выходили. У нас не было ничего, да ведь решительно ничего, ни одежды, ни белья, ни посуды. Мы сидели под арестом в маленькой квартире, потому (370) что не в чем было выйти. Матвей, из экономических видов, сделал отчаянный опыт превратиться в повара, но, кроме бифстека и котлет, он не умел ничего делать и потому держался больше вещей по натуре готовых, ветчины, соленой рыбы, молока, яиц, сыру и каких-то пряников с мятой, необычайно твердых и не первой молодости. Обед был – для нас – бесконечным источником смеха, иногда молоко подавалось сначала, это значило суп; иногда после всего, вместо десерта. За этими спартанскими трапезами мы вспоминали, улыбаясь, длинную процессию священнодействия обеденного стола у княгини и у моего отца, где полдюжина официантов бегала из угла в угол с чашками и блюдами, прикрывая торжественной *mise en scene*²⁸, в сущности, очень незатейливый обед.

Так бедствовали мы и пробивались с год времени. Химик прислал десять тысяч ассигнациями, из них больше шести надобно было отдать долгу, остальные сделали большую помощь. Наконец, и отцу моему надоело брать нас, как крепость, голодом, он, не прибавляя к окладу, стал присылать денежные подарки, несмотря на то что я ни разу не заикнулся о деньгах после его знаменитого *distinguo!*²⁹

Я принялся искать другую квартиру. За Лыбедью отдавался внаймы запущенный большой барский дом с садом. Он принадлежал вдове какого-то князя, проигравшегося в карты, и отдавался особенно дешево оттого, что был далек, неудобен, а главное, оттого, что княгиня выговаривала небольшую часть его, ничем не отделенную, для своего сына, баловня лет тринадцати, и для его прислуги.,

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Никто не соглашался на это чересполосное владение; я тотчас согласился, меня прельстила высота комнат, размер окон и большой тенистый сад. Но именно эта высота и эти размеры пресмешно противуречили совершенному отсутствию всякой движимой собственности, всех вещей первой необходимости. Ключница княгини, добрая старушка, очень равнодушная к Матвею, снабжала нас на свой страх то скатертью, то чашками, то простынями, то вилками и ножами. (371)

Какие светлые, безмятежные дни проводили мы в маленькой квартире в три комнаты у Золотых ворот и в огромном доме княгини!.. В нем была большая зала, едва меблированная, иногда нас брало такое ребячество, что мы бегали по ней, прыгали по стульям, зажигали свечи во всех канделябрах, прибитых к стене, и, осветив залу а гіогно30, читали стихи. Матвей и горничная, молодая гречанка, участвовали во всем и дурачились не меньше нас.. Порядок "не торжествовал" в нашем доме.

И со всем этим ребячеством жизнь наша была полна глубокой серьезности. Зброшенныe в маленьком городке, тихом и мирном, мы вполне были отданы друг другу. Изредка приходила весть о ком-нибудь из друзей, несколько слов горячей симпатии – и потом опять одни, совершенно одни. Но в этом одиночестве грудь наша не была замкнута счастьем, а, напротив, была больше, чем когда-либо, раскрыта всем интересам; мы много жили тогда и во все стороны, думали и читали, отдавались всему и снова сосредоточивались на нашей любви; мы сверяли наши думы и мечты и с удивлением видели, как бесконечно шло наше сочувствие, как во всех тончайших, пропадающих изгибах и разветвлениях чувств и мыслей, вкусов и антипатий все было родное, созвучное. Только в том и была разница, что Natalie вносилa в наш союз элемент тихий, кроткий, грациозный, элемент молодой девушки со всей поэзией любящей женщины, а я – живую деятельность, мое *semper in motu*³¹, беспредельную любовь да, сверх того, путаницу серьезных идей, смеха, опасных мыслей и кучу несбыточных проектов.

"...Мои желанія остановились. Мне было довольно, – я жил в настоящем, ничего не ждал от завтрашнего дня, беззаботно верил, что он и не возьмет ничего. Личная жизнь не могла больше дать, это был предел; всякое изменение должно было с какой-нибудь стороны уменьшить его.

Весною приехал Огарев из своей ссылки на –несколько дней. Он был тогда во всей силе своего развития; вскоре приходилось и ему пройти скорбным испытанием; минутами он будто чувствовал, что беда возле, (372) но еще мог отворачиваться и принимать за мечту занесенную руку судьбы. Я и сам думал тогда, что эти тучи разнесутся; беззаботность свойственна всему молодому и не лишенному сил, в ней выражается доверие к жизни, к себе. Чувство полного обладания своей судьбой усыпляет нас... а темные силы, а черные люди влекут, не говоря ни слова, на край пропасти.

И хорошо, что человек или не подозревает, или умеет не видеть, забыть. Полного счастья нет с тревогой; полное счастье покойно, как море во время летней тишины. Тревога дает свое болезненное, лихорадочное упоение, которое нравится, как ожидание карты, но это далеко от чувства гармонического, бесконечного мира. А потому, сон или нет, но я ужасно высоко ценю это доверие к жизни, пока жизнь не возразила на него, не разбудила... мрут же китайцы из-за грубого упоения опиумом..."

Так оканчивал я эту главу в 1853 году, так окончу ее и теперь.

ГЛАВА XXIV

13 июня 1839 года.

Раз, длинным зимним вечером в конце 1838, сидели мы, как всегда, одни, читали и не читали, говорили и молчали и молча продолжали говорить. На дворе сильно морозило, и в комнате было совсем не тепло. Наташа чувствовала себя нездоровой и лежала на диване, покрывшись мантильей, я сидел возле на полу; чтение не налаживалось, она была рассеянна, думала о другом, ее что-то занимало, она менялась в лице.

– Александр, – сказала она, – у меня есть тайна, поди сюда поближе, я тебе скажу на ухо, или нет – отгадай.

Я отгадал, но потребовал, чтоб она сказала ее, мне хотелось, слышать от нее эту

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
новость; она сказала мне, и мы взглянули друг на друга в каком-то волнении и с
слезами на глазах.

...Как человеческая грудь богата на ощущение счастья, на радость, лишь бы люди
умели им отдаваться, (373) не развлекаясь пустяками. Настоящему мешает
обыкновенно внешняя тревога, пустые заботы, раздражительная строптивость, весь
этот сор, который к полудню жизни наносит суета суетств и глупое устройство
нашего обихода. Мы тратим, пропускаем сквозь пальцы лучшие минуты, как будто их
и невесть сколько в запасе. Мы обыкновенно думаем о завтрашнем дне, о будущем
годе в то время, как надобно обеими руками уцепиться за чашу, налитую через
край, которую протягивает сама жизнь, не прошенная, с обычной щедростью своей, -
и пить и пить, пока чаша не перешла в другие руки. Природа долго потчевать и
предлагать не любит.

Что, кажется, можно было бы прибавить к нашему счастью, а между тем весть о
будущем младенце раскрыла новые, совсем неведанные нами области сердца, упоений,
тревог и надежд.

Несколько испуганная и встревоженная любовь становится нежнее, заботливее
ухаживает, из эгоизма двух она делается не только эгоизмом трех, но
самоотвержением двух для третьего; семья начинается с детей. Новый элемент
вступает в жизнь, какое-то таинственное лицо стучится в нее, гость, который есть
и которого нет, но который уже необходим, которого страстно ждут. Кто он? никто
не знает, но кто бы он ни был, он счастливый незнакомец, с какой любовью его
встречают у порога жизни!

А тут мучительное беспокойство - родится ли он живым, или нет? Столько
несчастливых случаев. Доктор улыбается на вопросы - "он ничего не смыслит или не
хочет говорить"; от посторонних все еще скрыто; не у кого спросить - да и
совестно.

Но вот младенец подает знаки жизни; я не знаю выше и религиознее чувства, как
то, которое наполняет душу при осязании первых движений будущей жизни, рвущейся
наружу, расправляющей свои не готовые мышцы, это первое рукоположение, которым
отец благословляет на бытие грядущего пришельца и уступает ему долю своей жизни.

"Моя жена, - сказал мне раз один французский буржуа, - моя жена, - он осмотрелся
и, .видя, что ни дам, ни детей нет, прибавил вполслуха: беременна".

Действительно, путаница всех нравственных понятий такова, что беременность
считается чем-то неприличным; (374) требуя от человека безусловного уважения к
матери, какова бы она ни была, завешивают тайну рождения не из чувства уважения,
внутренней скромности - а из при-, личия. Все это - идеальное распутство,
монашеский разврат, проклятое заклятие плоти; все это - несчастный дуализм, в
котором нас тянут, как магдебургские полушария, в две разные стороны, Жан
Деруан, несмотря на свой социализм, намекает в "Almanach des femmes"³², что со
временем дети будут родиться иначе. Как иначе? - Так, как ангелы рождаются. - Ну,
оно и ясно.

Честь и слава нашему. учителю, старому реалисту Гёте: он осмелился рядом с
непорочными девами романтизма поставить беременную женщину и не побоялся своими
могучими стихами изваять изменившуюся форму будущей матери, сравнивая ее с
гибкими членами будущей женщины.

Действительно, женщина, несущая вместе с памятью былого упоенья весь крест
любви, все бремя ее, жертвующая красотой, временем, страданием, питающая своей
грудью, - один из самых изящных и трогательных образов.

В римских элегиях, в "Ткачихе", в Гретхен и ее отчаянной молитве Гёте выразил
все торжественное, чем природа окружает созревающий плод, и все тернии, которыми
венчает общество этот сосуд будущего.

Бедные матери, скрывающие, как позор, следы любви, как грубо и безжалостно гонит
их мир и гонит в то время, когда женщине так нужен покой и привет, дико отравляя
ей те незаменимые минуты полноты, в которые жизнь, слабея, склоняется под
избытком счастья...

...С ужасом открывается мало-помалу тайна, несчастная мать сперва старается

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru убедиться, что ей только показалось, но вскоре сомнение невозможно; отчаянием и слезами сопровождает она всякое движение младенца, она хотела бы остановить тайную работу жизни, вести ее назад, она ждет несчастья, как милосердия, как прощения, а неотвратимая природа идет своим путем, – она здорова, молода!

Заставить, чтоб мать желала смерти своего ребенка, а иногда и больше сделать из нее его палача, а потом ее казнить нашим палачом или покрыть ее позором, (375) если сердце женщины возьмет верх, – какое умное и нравственное устройство!

И кто взвесил, кто подумал о том, что и что было в этом сердце, пока мать переходила страшную тропу от любви до страха, от страха до отчаяния, от отчаяния до преступления, до безумия, потому что детоубийство есть физиологическая нелепость. Ведь были же и у нее минуты забвения, в которые она страстно любила своего будущего малютку, и тем больше, что его существование была тайна между ними двумя; было же время, в которое она мечтала об его маленькой ножке, об его молочной улыбке, целовала его во сне, находила в нем сходство с кем-то, который был ей так дорог...

"Да чувствуют ли они это? конечно, есть несчастные жертвы... но... но другие, но вообще?"

Мудрено, кажется, пасть далее этих летучих мышей, шныряющих в ночное время среди тумана и слякоти по лондонским улицам, этих жертв неразвития, бедности и голода, которыми общество обороняет честных женщин от излишней страстности их поклонников... конечно, в них всего труднее предположить след материнских чувств. Не правда ли?

Позвольте же мне рассказать вам небольшое происшествие, случившееся со мною. Года три тому назад я встретился с одной красивой и молодой девушкой. Она принадлежала к почетному гражданству разврата, то есть не "делала" демократически "тротуар", а буржуазно жила на содержании у какого-то купца. Это было на публичном бале; приятель, бывший со мною, знал ее и пригласил выпить с нами на хорах бутылку вина; она, разумеется, приняла приглашение. Это было существо веселое, беззаботное и, наверное, как Лаура в "Каменном госте" Пушкина, никогда не заботившаяся о том, что там, где-то далеко, в Париже, холодно, слушая, как сторож в Мадриде кричит "ясно"... Допивши последний бокал, она снова бросилась в тяжелый вихрь английских танцев, и я потерял ее из виду.

Нынешней зимой, в ненастный вечер, я пробирался через улицу под аркаду в Пель-Мель, спасаясь от усилившегося дождя; под фонарем за аркой стояла, вероятно ожидая добычи и дрожа от холода, бедно одетая женщина. Черты ее показались мне знакомыми, она (376) взглянула на меня, отвернулась и хотела спрятаться, но я успел узнать ее.

– Что с вами сделалось? – спросил я ее с участием.

Яркий пурпур покрывал ее исхудалые щеки, стыд ли это был, или чахотка, не знаю, только, казалось, не румяны; она в два года с половиной состарелась на десять.

– Я была долго больна и очень несчастна, – она с видом сильной горести указала мне взглядом на свое изношенное платье.

– Да где же ваш друг?

– Убит в Крыму.

– Да ведь он был какой-то купец? Она смешалась и вместо ответа сказала:

– Я и теперь еще очень больна, да к тому же работы совсем нет. А что, я очень переменялась? – спросила она вдруг, с смущением глядя на меня.

– Очень, тогда вы были похожи на девочку, а теперь я готов держать пари, что у вас есть свои дети. Она побагровела и с каким-то ужасом спросила:

– Отчего же вы это узнали?

– Да, видите, узнал. Теперь расскажите-ка мне, что с вами в самом деле было?

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
– Ничего, ну только вы правы, – у меня есть маленький... если б вы знали, – и при этих словах лицо ее оживилось, – какой славный, как он хорош, даже соседи, все, удивляются ему. А тот-то женился на богатой и уехал на материк. Малютка родился после. Он-то и причина моему положению. Сначала были деньги, я всего накупила ему в самых больших магазинных, а тут пошло хуже да хуже, я все снесла "на крючок"; мне советовали отдать малютку в деревню; оно, точно, было бы лучше – да не могу; я посмотрю на него, посмотрю – нет, лучше вместе умирать; хотела места искать, с ребенком не берут. Я воротилась к матери, она ничего, добрая, простила меня, любит маленького, ласкает его; да вот пятый месяц как отнялись ноги; что доктору переплатили и в аптеку, а тут, сами знаете, нынешний год уголь, хлеб – все дорого: приходится умирать с голоду. Вот я, – она приостановилась, – ведь, конечно, лучше б броситься в Темзу, чем... да малютку-то жаль, на кого же я его оставляю, ведь уж он очень, очень мил!

Я дал ей что-то и, сверх того, вынул шиллинг и сказал: (377)

– А на это купите что-нибудь вашему малютке.

Она с радостью взяла монету, подержала ее в руке и, вдруг отдавая мне ее назад, прибавила с печальной улыбкой:

– Уж если вы так добры, купите ему тут где-нибудь в лавке сами что-нибудь, игрушку какую-нибудь – ведь этому бедному малютке, с тех пор как он родился,; никто еще не подарил ничего.

Я с умилением взглянул на эту потерянную женщину и дружески пожал ей руку.

Охотники до реабилитации всех этих дам с камелиями и с жемчугами лучше бы сделали, если б оставили в покое бархатные мебели и будуары рококо и взглянули бы поближе на несчастный, зябнувший, голодный разврат, – разврат роковой, который насильно влечет свою жертву по пути гибели и не дает ни опомниться, ни раскаяться. Ветшники чаще в уличных канавах находят драгоценные камни, чем подбирая блестяшки мишурного платья.

Это мне напомнило бедного умного переводчика "Фауста", Жерар-де-Нерваля, который застрелился в прошлом году. Он в последнее время дней по пяти, по шести не бывал дома. Открыли, наконец, что он проводит время в самых черных харчевнях возле застав, вроде Поль Нике, что он там перезнакомился с ворами и со всякой сволочью, поит их, играет с ними в карты и иногда спит под их защитой. Его прежние приятели стали его уговаривать, стыдить. Нерваль, добродушно защищаясь, раз сказал им: "Послушайте, друзья мои, у вас страшные предрассудки; уверяю вас, что общество этих людей вовсе не хуже всех остальных, в которых я бывал". Его подозревали в сумасшествии; после этого, я думаю, подозрение перешло в достоверность!

Роковой день приближался, все становилось страшнее и страшнее. Я смотрел на доктора и на таинственное лицо бабушки с подобострастием. Ни Наташа, ни я, ни наша молодая горничная не смыслили ничего; по счастью, к нам из Москвы приехала, по просьбе моего отца, на это время одна пожилая дама, умная, практическая и распорядительная. Прасковья Андреевна, видя нашу беспомощность, взяла .самодержавно бразды правления, я повиновался, как негр. (378)

Раз ночью слышу, чья-то рука коснулась меня, открываю глаза, Прасковья Андреевна стоит передо мной в ночном чепце и кофте, со свечой в руках, она велит послать за доктором и за бабушкой. Я обмер, точно будто эта новость была для меня совсем неожиданна. Так бы, кажется, выпил опиума, повернулся бы на другой бок и проспал бы опасность... но делать было нечего, я оделся дрожащими руками и бросился будить Матвея.

Десять раз выбегал я в сени из спальни, чтоб прислушаться, не едет ли издали экипаж: все было тихо, едва-едва утренний ветер шелестил в саду, в теплом июньском воздухе; птицы начинали петь, алая заря слегка подкрашивала лист, и я снова торопился в спальню, теребил добрую Прасковью Андреевну глупыми вопросами, судорожно жал руки Наташе, не знал, что делать, дрожал и был в жару... но вот дрожки простучали по мосту через Лыбедь, – слава богу, вовремя!

В одиннадцать часов утра я вздрогнул, как от сильного электрического удара, громкий крик новорожденного коснулся моего уха, "Мальчик!" – кричала мне

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Прасковья Андреевна, идучи к корыту, – я хотел было взять младенца с подушки, но не мог, так дрожали у меня руки. Мысль об опасности (которая часто тут только начинается), сжимавшая грудь, разом исчезла, буйная радость овладела сердцем, будто в нем звон во все колокола, праздников праздник! Наташа улыбалась мне, улыбалась малютке, плакала, смеялась, и только прерывающееся, спазматическое дыхание, слабые глаза и смертная бледность напоминали о недавнем мучении, о вынесенной борьбе.

Потом я оставил комнату, я не мог больше вынести, взошел к себе и бросился на диван, совершенно обессиленный, и с полчаса пролежал без определенной мысли, без определенного чувства, в какой-то боли счастья.

Это измученно-восторженное лицо, эту радость, летающую вместе с началом смерти около юного чела родильницы, я узнал потом в Фан-Дейковой мадонне в римской галерее Корсики. Младенец только что родился, его подносят к матери, изнеможенная, без кровинки в лице, слабая и томная, она улыбнулась и остановила на малютке взгляд усталый и исполненный бесконечной любви. (379)

Надобно признаться, дева-родильница совсем не идет в холостую религию христианства. С нею невольно врывается жизнь, любовь, кротость – в вечные похороны, в страшный суд и в другие ужасы церковной теодицеи.

Оттого-то протестантизм и вытолкнул одну богородицу из своих сараев богослужения, из своих фабрик слова божия. Она действительно мешает христианскому чину, она не может отделаться от своей земной природы, она греет холодную церковь и, несмотря ни на что, остается женщиной, матерью. Естественными родами мстит она за неестественное зачатие и вырывает благословение своему чреву из уст монашеских, проклинающих все телесное.

Бонарроти и Рафаил поняли все это кистью.

В "Страшном суде" Сикстинской капеллы, в этой Варфоломеевской ночи на том свете, мы видим сына божия, идущего предводительствовать казнями; он уже поднял руку... он даст знак и пойдут пытки, мученья, раздастся страшная труба, затрещит всемирное аутодафе; но – женщина-мать, трепещущая и всех скорбящая, прижалась в ужасе к нему и умоляет его о грешниках; глядя на нее, может, он смягчится, забудет свое жесткое "женщина, что тебе до меня?" и не подаст знака.

Сикстинская мадонна – это Миньона после родов; она испугана небывалой судьбой, потеряна...

Was hat man dir, du armes Kind, getan?33

Внутренний мир ее разрушен, ее уверили, что ее сын – сын божий, что она богородица; она смотрит с какой-то нервной восторженностью, с магнетическим ясновидением, она будто говорит: "Возьмите его, он не мой". Но в то же время прижимает его к себе так, что, если б можно, она убежала бы с ним куда-нибудь вдаль и стала бы просто ласкать, кормить грудью не спасителя мира, а своего сына. И все это оттого, что она женщина-мать и вовсе не сестра всем Изидам, Реям и прочим богам женского пола.

Оттого-то ей и было так легко победить холодную Афродиту, эту Нинону Ленкло Олимпа, о детях которой никто не заботится; Мария с ребенком на руках, с кротко потупленными на него глазами, окруженная нимбом жен(380)ственности и святостью звания матери, ближе нашему сердцу, нежели ее златовласая соперница.

Мне кажется, что Пий IX и конклав очень последовательно объявили неестественное или, по их, незапятнанное зачатие богородицы. Мария, рожденная, как мы с вами, естественно заступает за людей, сочувствует нам; в ней прокралось живое примирение плоти и духа в религию. Если и она не по-людски родилась, между ней и нами нет ничего общего, ей не будет нас жаль, плоть еще раз проклята; церковь еще нужнее для спасения.

Жаль, что папа опоздал лет тысячу, это уж такая судьба Пия IX. Troppo tardi, Santo Padre, siete sempre e sempre – troppo tardi!34 (381)

Когда я писал эту часть "Былого и дум", у меня не было нашей прежней переписки. Я ее получил в 1856 году. Мне пришлось, перечитывая ее, поправить два-три места

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru – не больше. Память тут мне не изменила. Хотелось бы мне приложить несколько писем Natalie – и с тем вместе какой-то страх останавливает меня, и я не решил вопрос, следует ли еще дальше разоблачать жизнь и не встретят ли строки, дорогие мне, холодную улыбку?

В бумагах Natalie я нашёл свои записки, писанные долею до тюрьмы, долею из Крутиц. Несколько из них я прилагаю к этой части. Может, они не покажутся лишними для людей, любящих следить за всходами личных судеб, может, они прочтут их с тем нервным любопытством, с которым мы смотрим в микроскоп на живое развитие организма.

135

15 августа 1832.

Любезнейшая Наталья Александровна! Сегодня день вашего рождения, с величайшим желанием хотелось бы мне поздравить вас лично, но, ей-богу, нет никакой возможности. Я виноват, что давно не был, но обстоятельства совершенно не позволили мне по желанию расположить временем. Надеюсь, что вы (382) простите мне, и желаю вам полного развития всех ваших талантов и всего запаса счастья, которым наделяет судьба души чистые.

Преданный вам А. Г.

2

5. или 6 июля 1833

Напрасно, Наталья Александровна, напрасно вы думаете, что я ограничусь одним письмом, – вот вам и другое. Чрезвычайно приятно писать к особам, с которыми есть сочувствие, их так мало, так мало, что и дести бумаги не изведешь в год.

Я кандидат, это правда, но золотую медаль дали не мне. Мне серебряная медаль – одна из трех!.

А. Г.

P. S. Сегодня акт, но я не был, ибо не хочу быть вторым при получении награды.

3

(В начале 1834.)

Natalie! Мы ждем вас с нетерпением к нам. М. надеется, что, несмотря на вчерашние угрозы Е. И., и Эмилия Михайловна наверное будет к нам. Итак, до свиданья.

Весь ваш А. Г.

4

10 декабря 1834, Крутицкие казармы.

Сейчас написал я к полковнику письмо, в котором просил о пропуске тебе, ответа еще нет. У вас это труднее будет обделать, я полагаюсь на маменьку. Тебе счастье насчет меня, ты была последний из моих друзей, которого я видел перед взятием (мы расстались с твердой надеждой увидеться скоро, в десятом часу, а в два я уже сидел в части), и ты первая опять меня увидишь. Зная тебя, я знаю, что это доставит тебе удовольствие, будь уверена, что и мне также. Ты для меня родная сестра.

О себе много мне нечего говорить, я обжился, привык быть колодником; самое грозное для меня это разлука с Огаревым, он мне необходим. Я его ни разу не видал – (383) то есть порядочно; но однажды я сидел один в горнице (в комиссии), допрос кончился, из моего окна видны были освещенные сени; подали дрожки, я бросился инстинктивно к окну, отворил форточку и видел, как сели плац-адъютант и с ним Огарев, дрожки укатились, и ему нельзя было меня заметить. Неужели нам суждена гибель, немая, глухая, о которой никто не узнает? Зачем же природа дала

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
нам души, стремящиеся к деятельности, к славе? неужели это насмешка? Но нет,
здесь в душе горит вера – сильная, живая. Есть провидение! Я читаю с восторгом
четыре-миней, – вот примеры самоотвержения, вот были люди!,

Ответ получил, он не весел – позволение пропустить не дают.

Прощай, помни и люби твоего брата.

5

31 декабря 1834.

Никогда не возьму я на себя той ответственности, которую ты мне даешь, никогда!
У тебя есть много своего, зачем же ты так отдаешься в волю мою? Я хочу, чтоб ты
сделала из себя то, что можешь из себя сделать, с своей стороны я берусь
способствовать этому развитию, отнимать преграды.

Что касается до твоего положения, оно не так дурно для твоего развития, как ты
воображаешь. Ты имеешь большой шаг над многими; ты, когда начала понимать себя,
очутилась одна, одна во всем свете. Другие знали любовь отца и нежность матери,
– у тебя их не было. Никто не хотел тобою заняться, ты была оставлена себе. Что
же может быть лучше для развития? Благодарю судьбу, что тобою никто не
занимался, они тебя навяли бы чужого, они согнули бы ребяческую душу, – теперь
это поздно.

6

8 февраля 1835, Крутицкие казармы.

У тебя, говорят, мысль идти в монастырь; не жди от меня улыбки при этой мысли, я
понимаю ее, но ее надобно взвесить очень и очень. Неужели мысль любви не
вол(384)новала твою грудь? Монастырь – отчаяние; теперь нет монастырей для
молитвы. Разве ты сомневаешься, что встретишь человека, который тебя будет
любить, которого ты будешь любить? Я с радостью сожму его руку и твою. Он будет
счастлив. Ежели же этот он не явится – иди в монастырь, это в миллион раз лучше
пошлого замужества.

я понимаю *le ton d'exaltation*³⁶ твоих записок – ты влюблена! Если ты мне
напишешь, что любишь серьезно, я умолкну, – тут оканчивается власть брата. Но
слова эти мне надобно, чтоб ты сказала. Знаешь ли ты, что такое обыкновенные
люди? они, правда, могут составить счастье, – но твое ли счастье, Наташа? ты
слишком мало ценишь себя! Лучше в монастырь, чем в толпу. Помни одно, что я
говорю это, потому что я твой брат, потому что я горд за тебя и тобою!

От Огарева получил еще письмо, вот выписка:

"L'autre jour donc je repassais dans ma memoire toute ma vie. Un bonheur, qui ne
ma jamais trahi, cest ton amitie. De toutes mes passions une seule, qui est
restee intacte, cest mon amitie pour toi, car mon amitie est une passion"³⁷.

...В заключение еще слово. Если он тебя любит, что же тут мудреного? что же бы
он был, если б не любил, видя тень внимания? Но я умоляю тебя, не говори ему с
своей любви – долго, долго.

Прощай, твой брат Александр.

7

(Февраль 1835 г.), Крутицкие казармы.

Каких чудес на свете не видится, *Natalie* я, прежде чем получил последнюю твою
записку, отвечал тебе на все вопросы. Я слышал, ты больна, грустна. Береги себя,
пей с твердостью не столько горькую, сколько от(385)вратительную чашу, которую
наполняют тебе благодетельные люди.

И вслед за тем на другом листочке:

(Март 1835 г.)

Наташа, друг мой, сестра, ради бога не унывай, презирай этих гнусных эгоистов, ты слишком снисходительна к ним, презирай их всех – они мерзавцы! ужасная была для меня минута, когда я читал твою записку к Emilie. Боже, в каком я положении, ну, что я могу сделать для тебя? Клянусь, что ни один брат не любит более сестру, как я тебя, – но что я могу сделать?

Я получил твою записку и доволен тобою. Забудь его, коли так, это был опыт, а ежели б любовь в самом деле, то она не так бы выразилась.

8

2 апреля (1835 г.). Крутицкие казармы.

По клочкам изодрано мое сердце, во все время тюрьмы я не был до того задавлен, стеснен, как теперь. Не ссылака этому причиной. Что мне Пермь или Москва, и Москва – Пермь! Слушай все до конца.

31 марта потребовали нас слушать сентенцию. Торжественный, дивный день. Там соединили двадцать человек, которые должны прямо оттуда быть разбросаны одни по казематам крепостей, другие – по дальним городам – все они провели девять месяцев в неволе. Шумно, весело сидели эти люди в большой зале. Когда я пришел, Соколовский, с усами и бородою, бросился мне на шею, а тут Сатин; уже долго после меня привезли Огарева, все высыпало встретить его. Со слезами и улыбкой обнялись мы. Все воскресло в моей душе, я жил, я был юноша, я жал всем руку, – словом, это одна из счастливейших минут жизни, ни одной мрачной мысли. Наконец, нам прочли приговор³⁸.

...Все было хорошо, но вчерашний день, – да будет он проклят! – сломил меня до последней жилы. Со мною содержится Оболенский. Когда нам прочли сентен⁽³⁸⁶⁾цию, я спросил дозволения у Цынского нам видеться, – мне, позволили. Возвратившись, я отправился к нему; между тем об этом дозволении забыли сказать полковнику. На другой день мерзавец офицер С. донес полковнику, и я, таким образом, замешал трех лучших офицеров, которые мне делали бог знает сколько одолжений; все они имели выговор и все наказаны и теперь должны, не сменяясь, дежурить три недели (а тут Святая). Васильева (жандарма) высекли розгами – и все через меня. Я грыз себе пальцы, плакал, бесился, и первая мысль, пришедшая мне в голову, было мщение. Я рассказал про офицера вещи, которые могут погубить его (он заезжал куда-то с арестантом), и вспомнил, что он бедный человек и отец семи детей; но должно ль щадить фискала, разве он щадил других?

9

10 апреля 1835, 9 часов.

За несколько часов до отъезда я еще пишу и пишу к тебе – к тебе будет последний звук отъезжающего. Тяжело чувство разлуки, и разлуки невольной, но такова судьба, которой я отдался; она влечет меня, и я покоряюсь. Когда ж мы увидимся? Где? все это темно, но ярко воспоминание твоей дружбы, изгнанник никогда не забудет свою прелестную сестру.

Может быть... но окончить нельзя, за мной пришли – итак, прощай надолго, но, ей-богу, не навсегда, я не могу думать сего.

Все это писано при жандармах.

На этой записке видны следы слез, и слово "может быть" подчеркнуто два раза ею. Natalie эту записку носила с собой несколько месяцев. (387)

ПРИЛОЖЕНИЯ

БРАТЬЯМ ПО РУСИ

Под сими строками покоится прах сорокалетней жизни, окончившейся прежде смерти.

Братья, примите память ее с миром!

Наконец, смятение и тревога, окружавшие меня, вызванные мною, утихают; людей

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru становится меньше около меня, и так как нам не по дороге, я более и более остаюсь один.

Я не еду из Лондона. Некуда и незачем... Сюда прибило и бросило волнами, так безжалостно ломавшими, крутившими меня и все мне близкое... Здесь и приостановлюсь, чтоб "перевести дух и сколько-нибудь прийти в себя.

Не знаю, успею ли я, смогу ли воспользоваться этим временем, чтоб рассказать вам страшную историю последних лет моей жизни. Сделаю опыт.

Каждое слово об этом времени тяжело потрясает душу, снимает ее, как редкие и густые звуки погребального колокола, и между тем я хочу говорить об нем - не для того, чтоб от него отделаться, от моего прошедшего, чтоб покончить с ним, - нет, я им не поступлюсь ни за что на свете: у меня нет ничего, кроме его. Я благословил свои страдания, я примирился с ними; и я торжественно бы вышел из ряда испытаний, и не один, если б смерть не переехала мне дорогу. За пределами былого у меня нет ничего своего, личного. Я живу в нем, я живу, смертью, минувшим, - так иноки, постригаясь, теряли свою личность и жили созерцанием былого, исповедью совершившегося, молитвой об усопших, об их светлом (388) воскресении. Прошедшее живо во мне, я его продолжаю, я не хочу его заключить, а хочу говорить, потому что я один могу свидетельствовать об нем.

Исповедь моя нужна мне, вам она нужна, она нужна памяти, святой для меня, близкой для вас, она нужна моим детям.

Мы расстались с вами, любезные друзья, 21 января 1847 года.

Я был тогда во всей силе развития, моя предшествовавшая жизнь дала мне такие залогов и такие испытания, что я смело шел от вас с опрометчивой самонадеянностью, с надменным доверием к жизни. Я торопился оторваться от маленькой кучки людей, тесно сжившихся, близко подошедших друг к другу, связанных глубокой любовью и общим горем. Меня манила иная жизнь, даль, ширь, открытая борьба и вольная речь. Беспокойный дух мой искал арены, независимости; мне хотелось попробовать свои силы на свободе, порвавши все путы, связывавшие на Руси каждый шаг, каждое движение.

Я нашел все, чего искал, - да, сверх того, гибель, утрату всех благ и всех упований, удары из-за угла, лукавое предательство, святотатство, не останавливающееся ни перед чем, посягающее на все, и нравственное растление, о котором вы не имеете понятия...

Пятнадцать лет тому назад, будучи в ссылке, в одну из изящнейших самых поэтических эпох моей жизни, зимой или весной 1838 года, написал я легко, живо, шутя воспоминания из моей первой юности. Два отрывка, искаженные цензурой, были напечатаны. Остальное погубило; я сам долею сжег рукопись перед второю ссылкой, боясь, что она попадет в руки полиции и компрометирует моих друзей.

Между теми записками и этими строками прошла и совершилась целая жизнь, две жизни, с ужасным богатством счастья и бедствий. Тогда все дышало надеждой, все рвалось вперед, теперь одни воспоминания, один взгляд назад, - взгляд вперед переходит пределы жизни, он обращен на детей. Я иду спиной, как эти дан-товские тени, со свернутой головой, которым

il veder dinanzi era toltto39. (389)

Пятнадцать лет было довольно не только чтоб развить силы, чтоб исполнить самые смелые мечты, самые несбыточные надежды, с удивительной роскошью и полнотой, но и для того, чтоб сокрушить их, низвергая все, как карточный дом... частное и общее.

Продолжать "Записки молодого человека" я не хочу, да если б и хотел, не могу. Улыбка и излишняя развязность не идут к похоронам. Люди невольно понижают голос и становятся задумчивы в комнате, где стоит гроб незнакомого даже им покойника"

А. Герцен

2 ноября 1852, Лондон. 2 Barrow Hill Place, Primrose Road.

I

К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

<ПРЕДИСЛОВИЕ>

В октябре месяце нынешнего года Герст и Блякет издали английский перевод моих "Записок". Успех был полнейший; не только все .свободомыслящие журналы и ревью поместили большие отрывки с самыми лестными отзывами (с особенной благодарностью вспоминаю я о статьях "The Athenaeum", "The Critic" и "Weekly Times"), но даже тайнобрачный орган пальмерстоновского и бонапартовского союза "Morning Post" забранил меня и советовал закрыть русскую типографию, если я хочу пользоваться уважением (кого? – их, – нисколько не хочу) "

Этот успех вместе с разбором немецкого перевода в нью-йоркских и немецких журналах решил мое сомнение – печатать или нет часть, предшествующую "Тюрьме и ссылке". В этой части мне приходилось больше говорить о себе, нежели в напечатанных, и не только о себе, но и о семейных делах. Это вещь трудная, не сама по себе, а потому, что по дороге невольно наталкиваешься на предрассудки, окружающие забором семейный очаг. Я не коснулся грубо ни одного воспоминания, не оскорбил ни одного истинного чувства, но я не хотел пожертвовать интересом, который имеет жизнь, искренно рассказанная, целомудренной лжи и коварному умалчиванию, (390)

Не знаю, стоит ли говорить о гнусных нападках, которым меня подвергла неосторожная проделка издателей, но чтоб не подумали, что я умолчал о них, скажу несколько слов. Издатели переводов, не имевшие никакого сношения со мной, смело поставили слово "Сибирь" в заглавии, Я протестовал. Это не помешало одному журналу напасть на меня. Я отвечал, рассказав дело. Он продолжал клевету – я не мог нагнуться до ответа. По счастью, я знаю, что в России не только между нашими друзьями, но между нашими врагами не найдется ни один человек, который бы заподозрил меня в намеренном обмане а Ia Varnum или подумал бы, что ссылка на чернильную работу была для меня добровольной службой.

И -р.

КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

ВВЕДЕНИЕ <К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ "ТЮРЬМЫ И ССЫЛКИ">

В конце 1852 года я жил в одном из лондонских захолустьев, близ Примроз-Гилля, отделенный от всего мира далью, туманом и своей волей.

В Лондоне не было ни одного близкого мне человека. Были люди, которых я уважал, которые уважали меня, но близкого никого. Все подходившие, отходившие, встречавшиеся занимались одними общими интересами, делами всего человечества, по крайней мере делами целого народа, знакомства их были, так сказать, безличные. Месяцы проходили – и ни одного слова о том, о чем хотелось говорить.

...А между тем я тогда едва начинал приходить в себя, оправляться после ряда страшных событий, несчастий, ошибок. История последних годов моей жизни представлялась мне яснее и яснее, и я с ужасом видел, что ни один человек, кроме меня, не знает ее и что с моей смертью умрет и истина.

Я решился писать; но одно воспоминание вызывало сотни других, все старое, полузабытое воскресало – отроческие мечты, юношеские надежды, удаль молодости, (391) тюрьма и ссылка⁴⁰ – эти ранние несчастья, не оставившие никакой горечи на душе, пронесшиеся, как вешние грозы, освежая и укрепляя своими ударами молодую жизнь.

Я не имел сил отогнать эти тени, – пусть они светлыми сенями, думалось мне, встречаются в книге, как было на самом деле.

И я стал писать с начала; пока я писал две первые части, прошли несколько месяцев поспокойнее...

Цепкая живучесть человека всего более видна в невероятной силе рассеяния и себяоглушения. Сегодня пусто, вчера страшно, завтра безразлично; человек

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
рассеивается, перебирая давно прошедшее, играя на собственном кладбище...

Лондон, 1 мая 1854 г.

Перевод

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для того, чтобы написать свои воспоминания, вовсе не нужно быть великим человеком или выдавшим виды авантюристом, прославленным художником или государственным деятелем. Вполне достаточно быть просто человеком, у которого есть что рассказать и который может и хочет это сделать.

Жизнь обыкновенного человека тоже может вызвать интерес – если и не по отношению к личности, то по отношению к стране и эпохе, в которую эта личность жила. Мы любим проникать во внутренний мир другого человека, нам нравится коснуться самой чувствительной струны в чужом сердце и наблюдать его тайные содрогания, мы стремимся познать его сокровенные тайны, чтобы сравнить, подтвердить, находить оправдание, утешение, доказательство сходства.

Мемуары, конечно, могут быть скучными, и жизнь, в них рассказанная, бедной и незначительной. Тогда не читать их – и это будет самым страшным приговором для книги. И в данном случае не может существовать (392) никакого специального руководства для писания мемуаров. Мемуары Бенвенуто Челлини интересны не потому, что он был великим художником, а потому, что он затрагивает в них в высшей степени интересные вопросы.

"Право на те или иные слова" – это устаревшее выражение, относящееся к эпохе деградации интеллектуальной жизни, ко времени поэтов-лауреатов, докторов в шапочках, привилегированных философов, патентованных ученых мужей и других фарисеев академического мира. В те времена писательское искусство считалось таинством, доступным пониманию немногих избранных. "Официозный писатель" не только на бумаге, но и в жизни говорил напыщенным языком, выбирал самые неестественные обороты речи и пользовался наиболее редко употребляемыми словами, – словом, он то и дело проповедовал или воспевал.

Что касается нас, то мы говорим совершенно понятным языком. Мы понимаем писательское искусство как такое дело, которым может заняться любой человек. Для этого не надо быть профессионалом, так как это самая обычная работа. Здесь по крайней мере нельзя подвергнуть сомнению "право на труд".

То, что не всякое произведение может найти читателей, – вопрос другого порядка.

Год назад, в Лондоне, я опубликовал на русском языке часть своих мемуаров под заглавием "Тюрьма и ссылка". Эта работа появилась тогда, когда война уже началась и когда связь с Россией стала более затруднительной. Потому я и не ожидал большого успеха. Но случилось иначе. В сентябре месяце "Revue des Deux Mondes" поместил пространные выдержки из моей книги с крайне лестным отзывом обо мне самом (хотя я не разделяю мнения рецензента). В январе появились другие выдержки (соответственно переведенные с русского языка), напечатанные в лондонском "Athenaeum". В то же время Гофман и Кампе опубликовали в Гамбурге немецкий перевод этой работы.

Это побудило меня издать еще один том.

В другом месте я скажу, какой глубокий интерес для меня лично представляют эти мемуары и с какой целью я начал их писать. Теперь я довольствуюсь лишь констатацией того факта, что в настоящее время нет такой страны, в которой мемуары были бы более полезны, чем (393) в России. Мы – благодаря цензуре очень мало привыкли к гласности.; Она пугает, удивляет и оскорбляет нас. Пора, наконец, имперским комедиантам из петербургской полиции узнать, что рано или поздно, но об их действиях, тайну которых так хорошо хранят тюрьмы, кандалы и могилы, станет всем известно и их позорные деяния будут разоблачены перед всем миром.

КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ <"ТЮРЬМЫ И ССЫЛКИ">

Когда Н. Трюбнер просил у меня дозволения сделать второе издание моих сочинений,
Страница 45

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
изданных в Лондоне, я потому исключил "Тюрьму и ссылку", что думал в скором
времени начать полное издание моих воспоминаний под заглавием "Былое и думы"*

Но, несмотря на то, что скоро сказывается сказка, да не скоро делается дело, я
увидел, что мой рассказ еще не так близок к полному изданию, как я думал. Между
тем требования на "Тюрьму и ссылку" повторяются чаще и чаще. Книжка эта имеет
свою относительную целость, свое единство, и я согласился на предложение Г.
Трюбнера.

Перечитывая ее, я добавил две-три подробности (мою встречу с Цехановичем и
историю владимирского старосты...), но текст оставлен без значительных поправок.
Я не разделяю шутя высказанного мнения Гейне, который говорил, что он очень
доволен тем, что долго не печатал своих записок, потому что события доставляли
ему случай проверить и исправить сказанное.

И -р.

21 апреля 1858. Путчей, близ Лондона.

К ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

<ПРЕДИСЛОВИЕ>

Отрывок, печатаемый теперь, следует прямо за той частью, которая была особо
издана под заглавием "Тюрьма и ссылка"; она была написана тогда же (1853), но я
многое прибавил и дополнил.

Странная судьба моих "Записок": я хотел напечатать одну часть их, вместо того
напечатал три и теперь еще печатаю четвертую. (394)

Один парижский рецензент, разбирая, впрочем, очень благосклонно ("La presse", 13
oct. 1856) третий томик немецкого перевода моих "Записок", изданных Гофманом и
Кампе в Гамбурге, в котором я рассказываю о моем детстве, прибавляет шутя, что я
повествую свою жизнь, как эпическую поэму: начал *in medias res*⁴¹ и потом
возвратился к детству.

Это эпическое кокетство - совершенная случайность, и если кто-нибудь виноват в
нем, то совсем не я, а скорее мои рецензенты и в том числе сам критик "Прессы".
Если б они отрывки из моих "Записок" приняли строже, холоднее и, что еще хуже,
пропустили бы их без всякого внимания, я долго не решился бы печатать еще и
долго обдумывал бы, в каком порядке печатать.

Прием, сделанный им, увлек меня, и мне стало труднее не печатать, нежели
печатать.

Я знаю, что большая часть успеха их принадлежит не мне, а предмету. Западные
люди были рады еще раз заглянуть за кулисы русской жизни. Но, может, в
сочувствии к моему рассказу доля принадлежит простой правде его. Эта награда
была бы мне очень дорога, ее только я и желал.

Часть, печатаемая теперь, интимнее прежних; именно потому она имеет меньше
интереса, меньше фактов; но мне было гораздо труднее ее писать... К ней я
приступил с особенным страхом былого и печатаю ее с внутренним трепетом, не
давая себе отчета зачем...

...Может быть, кому-нибудь из тех, которым была занимательна внешняя сторона
моей жизни, будет занимательна и внутренняя. Ведь мы уже теперь старые
знакомые...

И -р. Лондон, 21 ноября 1856.

Примечания к частям 1 -3

Н. П. Огареву

Впервые опубликовано в т. I "Былого и дум" (Лондон, 1861) на отдельной странице.

Стр. 25. Одной уже нет. - Имеется в виду Наталья Александровна Герцен.

<Предисловие>

Впервые опубликовано в "Полярной звезде" на 1861 г. (кн. VI) стр. 215-219.

Стр. 28. ...письма, писанные мелким шрифтом. - Имеются в виду письма от Н. А. Захарьиной.

...каких-нибудь четырех месяцев. - Период от 2 января (прибытие Герцена во Владимир) до начала мая (9 мая А. И. Герцен и Н. А. Захарьина обвенчались во Владимире) 1838 г.

Три тетрадки были написаны. - Речь идет о "Записках одного молодого человека".

...напечатал две тетрадки в "Отечественных записках" (первую и третью). "Записки одного молодого человека" были опубликованы в "Отечественных записках" за 1840 г. (кн. XII) и 1841 г. (кн. VIII).

Стр. 29. ...перечитывая... одному из друзей юности. - То есть Н. М. Сатину.

Стр. 30. ...наше ребячье Грютли на Воробьевых горах. - По преданию, на лугу Грютли, расположенном в швейцарском кантоне Ури, в 1307 г. представители кантонов Ури, Швица и Унтер-вальдена поклялись бороться за освобождение отечества. Союз трех кантонов положил начало существованию самостоятельного швейцарского государства. Герцен сравнивает эту легендарную (399) клятву с клятвой, данной им и Н. П. Огаревым на Воробьевых горах в Москве (см. гл. IV части I "Былого и дум").

...было не тридцать три года тому назад, а много - три! - О дате клятвы на Воробьевых горах см. в примеч. к стр. 94.

Таков остался наш союз... - Цитируются заключительные строки из стихотворения Н. П. Огарева "Искандеру" ("Я ехал по полю пустому").

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Главы I-VII впервые опубликованы в "Полярной звезде" на 1856 г. (кн. II).

Прибавление "А. Полежаев" впервые опубликовано в книге "Тюрьма и ссылка. Из записок Искандера", Лондон, 1854.

Г л а в а I

Стр. 31. Когда мы в памяти своей... - Отрывок из второй части поэмы Н. П. Огарева "Юмор".

Стр. 34. ...передан в истории барона Фен и в истории Михайловского-Данилевского. - Речь идет о книгах "Manuscrit de mil huit cent douze..." par le Baron Fain, t. deuxieme, Bruxelles, 1827, и "Описание Отечественной войны в 1812 году... сочиненное Михайловским-Данилевским", ч. III, СПб. 1839. .

Стр. 37. ...второе было без французских уланов... я был один., возле меня сидел пьяный жандарм. - Подразумевается отправление Герцена в ссылку в 1835 г. См. гл. XIII (часть II).

...один С. С. Шишков приезжал, по приказанию государя. - Вероятно, А. С. Шишков, в описываемый момент находившийся при Александре I в качестве государственного секретаря.

...старшего брата - П. А. Яковлева.

Стр. 38. ...брат моего отца - Л. А. Яковлев.

Стр. 39. ...участвовал на знаменитом празднике. - Имеется в виду празднество на Марсовом поле в Париже (14 июля 1790 г.) в первую годовщину взятия Бастилии.

Стр. 41. ...у моего отца был другой сын - Е. И. Герцен.

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
У моего отца был еще брат, старший обоих – А. А. Яковлев.

Стр. 43. ...старший племянник моего отца – Д. П. Голохвастов.

Стр. 45. ..."при царе Ереме". – Имеется в виду Жером Бонапарт, брат Наполеона, король Вестфальский. (400)

Глава II

Стр. 50. Родственник наш – А. П. Кучин.

...Алексею Николаевичу – то есть Бахметеву.

Стр. 52. ...с высоты трезвого опьянения патера Метью осуждать пьянство. "Трезвым опьянением" Герцен иронически называет деятельность ирландского священника Т. Матью, проповедовавшего трезвость и занимавшегося с 1833 г. организацией обществ трезвости.

Стр. 56. ...прибегали к гнусному средству "частного дома" – в "частном доме" (полицейском участке) секли крепостных.

Стр. 62. ...французского "Репертуара". – Имеется в виду "Repertoire du theatre francais", 68 vol., P. 1823–1829.

...русского "феатра". – Подразумевается "Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений", 43 тома, СПб. 1786–1794.

Стр. 64. ...le recit de Theramene. – Имеется в виду монолог Те-рамена из трагедии Расина "Федра" (акт V, сцена VI).

Стр. 65. "Je crains Dieu, cher Abner... et ríal point dautre crainte". Слова Иудая из трагедии Расина "Гофолия" (акт I, сцена I).

Стр. 68. Я тогда еще не знал, что каламбур этот принадлежит Беранже. – В стихотворении Беранже "Complainte dune de ces demoiselles a loccasion des affaires du temps" с сатирической целью изменена фамилия Wellington (Веллингтон) на Vilainton (Виллен-тон), что по-французски означает дурной тон (vilain – ton).

Глава III

Стр. 71–72. ...с падением министерства Голицына отдал головой Аракчееву своих прежних "братии о Христе и о внутреннем человеке". – Имеется в виду упразднение в 1824 г., благодаря проискам архимандрита Фотия и Аракчеева, министерства духовных дел и народного просвещения (учреждено в 1817 г.), возглавлявшегося князем А. Н. Голицыным, а также преследование партией Фотия сторонников Голицына, членов "Библейского общества", которому Александр I ранее покровительствовал.

Стр. 73. ...Люсиль Демулен... бродящая возле топора, ожидая свой черед. Жена Камилля Демулена, Люсиль Демулен, протестовала против смертного приговора мужу, вынесенного революционным трибуналом по требованию Робеспьера; была обвинена в соучастии и казнена 13 апреля 1794 г., спустя восемь дней после казни Демулена. (401)

...не могу удержаться, чтоб не сказать несколько слов об одной из этих героических историй. – Следующая за этим история декабриста В. П. Ивашева и его семьи передана Герценом не совсем точно. Подробности этой истории см. в книге: О. К. Буланова "Роман декабриста", М. 1925, где использован семейный архив В. П. Ивашева.

Единственный сын Ивашева. – В. П. Ивашев, сын П. Н. Ивашева.

...не было налицо брата Чернова, убившего на дуэли Новосильцева и убитого им. – Герцен имеет в виду дуэль между В. Д. Новосильцевым и К- П. Черновым, вступившимся за честь своей сестры. В результате дуэли, происходившей 10 сентября 1825 г., оба противника были смертельно ранены.

Отец Ивашева... передал свое имение незаконному сыну. – Подразумевается побочный

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
брат матери В. П. Ивашева – В. А. Ивашевой – А. Е. Головинский, воспитанный ею
вместе с ее детьми.

Стр. 75. ...читая в "Московских ведомостях" страшную новость 14 июля.–Дата казни декабристов–13 июля 1826 г. Правительственные документы о казни декабристов публиковались в "Московских ведомостях" в двадцатых числах июля 1826 г.

...смертная казнь de jure не существовала. – Указом Елизаветы Петровны от 30 сентября 1754 г. смертная казнь (в случае присуждения к ней) заменялась другим наказанием (каторжные работы, клеймение и т. п.). Екатерина II указом от 6 апреля 1775 г. подтверждала законность указа 1754 г., однако он истолковывался как не относящийся к общегосударственным (чрезвычайным) преступлениям (казнь Мировича, Пугачева). Вопрос о смертной казни в Россия был поставлен в 1823 г. в Государственном совете в связи с составлением проекта общего уложения. Некоторые члены совета толковали указ 1754 г. как отменивший смертную казнь за все преступления, в том числе и общегосударственные. Большинство же, ссылаясь на то, что в тексте указа 1754 г. речь шла только об общих преступлениях, и опираясь на практику Екатерины II, высказалось за то, что смертная казнь в отношении к общегосударственным преступлениям имеет юридическую силу. Этим воспользовался впоследствии Николай I при вынесении приговора по делу декабристов.

Стр. 76. Николай ввел смертную казнь... сначала незаконно, а потом привенчал ее к своему своду. – По своду законов, опубликованному в 1832 г., смертная казнь устанавливалась за политические, карантинные и воинские (во время военных походов) преступления. (402)

Стр. 76. В Ватикане есть новая галерея. – Речь идет о Вассио Nuovo, построенной папой Пием VII в 1817–1822 гг.

Стр. 77. До 29 ноября 1830 года. – Дата начала польского восстания 1830–1831 гг.

Стр. 78. "Ода на свободу". – Ода "Вольность" Пушкина.

...я их переписывал тайком.., (а теперь печатаю явно!).-- в "Полярной звезде" на 1856 г., где впервые напечатана первая часть "Былого и дум", были также опубликованы: "Вольность", "Деревня", "Послание в Сибирь", "К Чаадаеву" Пушкина, "Гражданин" Рылеева и некоторые другие стихотворения.

... "развратные и плуты" взяли верх. – Имеется в виду контрреволюционный переворот 9 термидора (27 июля 1794 г.), когда к власти пришла контрреволюционная буржуазия.

Стр. 79. ...внучка старшего брата моего отца. – Т. П. Кучина (Пассек)1.

"Ахиллеса, Пелеева сына". – Цитата из первой строки "Илиады" в переводе Н. И. Гнедича.

Стр. 80. Матери. – Имеется в виду Н. П. Кучина.

Отец – П. И. Кучин.

Сын – А. П. Кучин.

Стр. 81. ...воспитаннице Смольного монастыря. – Подразумевается Ё. М. Тушнева (в замужестве Кучина)\

... "семинаристов в желтой шали". – Из "Евгения Онегина" А. С. Пушкина (глава третья, строфа XXVIII).

Стр. 82. ...Сегюрову всеобщую историю. – Речь идет о книге "Abrege de l'histoire universelle ancienne et moderne, a l'usage de la jeunesse" par M. le comte de Segur, P., 1817 et arm. suiv., 44 vol.

... Анахарсисово путешествие. – Имеется в виду роман Бартеlemi "Путешествие младшего Анахарсиса по Греции...", СПб. 1804–1809.

Стр. 83. "Брут или фабриций". – Герцен цитирует строку из стихотворного памфлета Д. Давыдова "Современная песня".

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru

Стр. 87. ...богемские леса. – Место действия драмы Ф. Шиллера "Разбойники".

В 1829 и 30 годах я писал философскую статью о Шиллеровом Валленштейне. Упоминаемая Герценом статья неизвестна.

Стр. 88. Деревья сада... – Цитата из второй части поэмы Н. П. Огарева "Юмор".

Стр. 89. ...отец продал его. – В 1835 г. имение Васильевское было продано Н. П. Голохвастову.

...мы жили в другой подмосковной – в селе Покровском. (403)

Глава IV

Стр. 91. ...дальнему родственнику моего отца. – То есть П. Б. Огареву.

И вот теперь в вечерний час... – Цитата из второй части поэмы Н. П. Огарева "Юмор". Многоточие заменяет пропущенные четыре с половиной строки.

Стр. 92. от Мёроса. – Греческий герой – тираноборец (по некоторым источникам – Дамон). Легенда о Дамоне и его друге Финтии послужила основой для баллады Ф. Шиллера "Порука". Из нее и приводится строка: "Чтоб город освободить от тирана".

...от Вильгельма Телля, поджидавшего на узкой дорожке в Кюснахте Фогта... – Из драмы Ф. Шиллера "Вильгельм Телль" (действ. IV, сцена III).

Стр. 94. ...присягнули... пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу. – Наиболее вероятная дата клятвы Герцена и Огарева на Воробьевых горах–1827 г.

Александр был тоже искренен, положивши первый камень храма. – Закладка храма Витберга на Воробьевых горах произошла 12 октября 1817 г.

...свихнутая нога Иакова была знамением того, что он боролся ночью с богом. – Имеется в виду библейский рассказ о борьбе Иакова с богом.

Стр. 94–95. "Выехал я... все было так синё, синё, а на душе темно, темно". – Цитата из письма Н. П. Огарева к Герцену от 7 июня 1833 г.

Стр. 95. ...также вдвоем, но не с Ником. – То есть не с Огаревым, а с Н. А. Герцен.

Портрет этот... взяла чужая женщина.– Речь идет об Е. В. Са-лиас де Турнемир.

Стр. 96. "Таков ли был я, расцветая?" – Из "Путешествия Онегина" А. С. Пушкина.

...смешон в тридцатилетнем человеке, как знаменитое "Bettina will schlafen". – Имеется в виду восклицание немецкой писательницы Беттины фон Арним.

Стр. 97. ..."старый дом". – То есть дом И. А. Яковлева (ныне не сохранившийся) в Б. Власьевском переулке в Москве. Здесь Герцен жил с 1824 по 1830 год.

Стр. 97–98. Старый дом, старый друг! посетил я. – Стихотворение Н. П. Огарева "Старый дом". (404)

Г л а в а V

Стр. 100. ...Пушкин, посвятивший ему чудное послание. – Имеется в виду стихотворение "К вельможе".

...Державина за то, что написал оду на смерть его дяди князя Мещерского. Имеется в виду ода Г. Р. Державина "К Степану Васильевичу Перфильеву на смерть князя Александра Ивановича Мещерского".

Стр. 101. ...для женщины, которой волю он сломил... для больного, постоянно лежавшего под ножом оператора, для мальчика, из резвости которого он развил непокорность. – Подразумеваются. Л. И. Гааг, Е. И. Герцен, А. И. Герцен.

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Стр. 103. ...пензенские крестьяне. – Речь идет о крепостных И. А. Яковлева из села Архангельского, Керенского уезда, Пензенской губернии.

Стр. 104. ...графиня Анна Алексеевна – А. А. Орлова-Чесменекая.

...книгу писал des finances. – Имеется в виду сочинение М. Ф. Орлова "О государственном кредите", М. 1833.

...Григория Ивановича – Ключарева.

Стр. 111. ...Шереметевского странноприимного дома. – Речь идет о благотворительном учреждении, состоявшем из богадельни для престарелых и увечных лиц, а также больницы, открытой в Москве графом Н. П. Шереметевым в 1810 г.

...издал "Мысли герцога де Ларошфуко". – Имеется в виду книга "Нравственные рассуждения герцога де да Рошфуко". Перев. с франц. Дм. Пименов, М. 1809.

...трактат "О женской красоте и прелести". – Имеется в виду книга "О сущности красоты и прелести". Перев. с франц. Дм. Пименов, М. 1818.

...Плутарх сравнивает героев. – Речь идет о книге Плутарха "Сравнительные жизнеописания славных мужей" (перев. с греч." ч. 1-13, СПб. 1814-1820).

Стр. 115. ...читал... Бурьенна, "Memorial de S.-te Helene" – Имеются в виду мемуары Бурьенна и книга Лас-Каза "Memorial de S.-te Helene". ("Воспоминания об острове св. Елены").

Г л а в а VI

Стр. 116. "О годы вольных, светлых дум". – Из первой части поэмы Н. П. Огарева "Юмор".

Я подписал бумагу. – Прошение о зачислении в Кремлевскую экспедицию. (405)

Стр. 117. ..."комитетские экзамены". – С 1809 по 1834 г. в университетах России в особых комитетах, состоявших из нескольких профессоров и преподавателей, чиновники, не имевшие высшего образования и желавшие получить чин коллежского асессора, сдавали экзамены по основным дисциплинам, изучавшимся на физико-математическом, словесном и нравственно-политическом (то есть юридическом) факультетах. Успешно сдавшие "комитетские" экзамены получали соответствующий аттестат, в котором указывалось, какие "оказал познания" экзаменовавшийся чиновник. Для подготовки к сдаче такого рода экзаменов при университетах были организованы вечерние курсы.

Начать мою жизнь этими каудинскими фурулами науки – то есть поражением, разгромом. В Кавдинском ущелье в IV в. до н. э. римляне потерпели тяжелое поражение от самнитов.

Секретарь написал, и на другой день я уже сидел в амфитеатре физико-математической аудитории. – Прошение о выдаче свидетельства для поступления в университет Герцен подал в Кремлевскую экспедицию 19 августа 1829 г. 14 октября 1829 г. он был допущен к слушанию лекций.

Стр. 118. ...отдал Полежаева в солдаты за стихи, Костенецкого с товарищами за прозу, уничтожил Критских за бюст. – В приговоре по делу кружка Сунгурова, в пункте, касающемся группы его участников – Костенецкого, Антоновича, Кашевского, Кольрейфа и Кноблоха, – говорилось: "...найлены у трех последних Писанные ими бумаги с дерзкими мыслями противу правительства, а у Кноблоха с дерзкими выражениями против особы к. в. короля Прусского". В докладе следственной комиссии сообщалось: "Кольрейф, Кноблех и Кашевский излагали даже на бумаге дерзкие свои мысли" (см. Б. Эйхенбаум, Тайное общество Сунгурова, "Заветы", 1913 г., No 5, стр. 54, 58). По-видимому, Герцен имеет в виду эти "бумаги", когда упоминает о прозе. В утвержденном Николаем I проекте приговора по делу братьев Критских читаем следующее: "Душников, Петр Критский и Попов произносили к портретам государя императора дерзкие и оскорбительные слова; притом Лушников был ожесточен до такой степени, что дерзнул иа портрете блаженный памяти государя императора выколоть глаза" См. М. Л е м к е, Тайное общество братьев Критских, "Былое", 1906, No 6, стр. 50?. Известно также, что в ноябре 1826 г.

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru был посажен в дом умалишенных юнкер Зубов за то, что "он с другими товарищами рубил бюст государя императора, приговаривая словами: "Так рубить будем тиранов отечества, всех царей русских" , (см. "Красный архив", 1926, No 16, стр. 193, "Отголоски декабрьского восстания 1825 года"). Возможно, что Герцен смешивает дело (406) братьев Критских с делом Зубова, когда пишет не о портрете, а о бюсте.

Стр. 119. ...вместе с законом о пассажах. - Очевидно, речь идет об указах Николая I о паспортах, изданных в 1844 г. и введших дальнейшие ограничения при выдаче паспортов для лиц, выезжающих за границу. Так, на основании указа от 15 марта выдача заграничных паспортов сосредоточивалась в министерстве внутренних дел; заграничные паспорта выдавались только лицам, достигшим двадцатипятилетнего возраста; в случае поездки для лечения требовалось, кроме полицейского разрешения, медицинское свидетельство о болезни и т. п.

...о религиозной нетерпимости. - Герцен имеет в виду мероприятия Николая I, направленные против различных вероисповеданий во имя торжества официального православия: присоединение к официальной церкви униатов (1839), борьбу против старообрядчества, насильственное обращение в христианство волжских, уральских, кавказских и сибирских народностей.

Воспитательные дома... один из лучших памятников екатерининского времени. - По распоряжению Екатерины II в 1763 г. был открыт воспитательный дом в Москве и в 1770 г. - в Петербурге.

...мысль учреждения... воспитательных домов на доли процентов, которые ссудные банки получают от оборотов капиталами.- Воспитательные дома вначале существовали только на благотворительные средства. Впоследствии для содержания их отчислялись незначительные ссуды в виде налога на привозные карты, небольшого процента доходов с театров, зрелищ.

...произвел высшие классы... в обер-офицерский институт. - На основании указа от 1837 г. учебные классы воспитательных домов реформировались в институт для сирот обер-офицерского звания.

...он не велел в губернских заведениях... принимать новорожденных детей. Указом 1828 г. было запрещено содержание воспитательных домов по всей России за исключением Москвы и Петербурга.

Стр. 120. ...медицинское отделение... состояло из семинаристов и немцев. Как правило, на медицинское отделение, где нужно было знать латинский язык, поступали охотнее дети иностранцев, работавших в России преимущественно лекарями, аптекарями, преподавателями иностранных языков. Нехватка врачей (в основном в армии) вызвала ряд правительственных мер по увеличению контингента студентов-медиков. В университет ежегодно присылались воспитанники семинарий, которые целыми партиями зачислялись казеннокоштными студентами медицинского отделения. (407)

Франкёров курс. - Имеется в виду книга Франкёра, Курс чистой математики, перев. с франц., М. 1819.

Стр. 121. Он химик, он ботаник. - Приведены неточно слова княгини Тугоуховской из комедии А. С. Грибоедова "Горе от ума" (действ. III, явл. 21).

Стр. 123. ...речь Кювье о геологических переворотах. - Герцен имеет в виду книгу "Discours sur les revolutions de la surface du globe..> par M. le Baron Guvier. P. 1826 ("Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара", П. 1825).

...Де-Кандолеву растительную орнагографию. - Речь идет о книге "Organographie vegetale" par M-r Aug.-Pyr. de Candolle, tt. 1-2, P. 1827 ("Растительная орнагография" Де-Кандоля).

Меня возмущал его материализм. - Герцен имеет в виду естественно-научный материализм XVIII века, под влиянием которого сложились философские убеждения А. А. Яковлева ("Химика").

Стр. 128. ...тетрадки запрещенных стихов ходили из рук в руки. - На допросе

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru следственной комиссии 24 июля 1834 г. Герцен показал: "лет пять тому назад слышал я и получил стихи Пушкина "Ода на свободу", "кинжал", Полежаева, не помню под каким заглавием от г. Паца, кандидата Московского императорского университета" (МОГИА, ф. 46, оп. I, д. No 142, л. 379).

...о маловской истории. – Маловская история произошла 16 марта 1831 г.

Малое был глупый, грубый и необразованный профессор – Студенты ненавидели Малова не только за грубость и глупость. Они видели в нем апологета самодержавия, рьяно защищавшего в своих лекциях крепостнические порядки.

Стр. 130. ...с попечительством князя Оболенского... оканчивается патриархальный период Московского университета, – А. П. Оболенский был попечителем Московского учебного округа с 1817 по 1825 год (до воцарения Николая I). Описываемый Герценом период впоследствии назывался "патриархальной" эпохой Московского университета.

Стр. 132. ...шесть человек, наказанных по маловскому делу, – Шестой наказанный (кроме называемых Герценом и его самого) – П. П. Каменский.

Стр. 133. ...и там я просидел не восемь дней. – В 1834 г., давая письменные показания следственной комиссии, Герцен удостоверил, что "был под арестом трое суток в 1831 году по известной истории против профессора Малова" (д. No 142, л. 367).

...до Гавриила Мягкова, читавшего самую жесткую науку в мире – тактику. Г. И. Мягков, автор книги "Опыт артиллерийской тактики", преподавал в Московском университете до 1833 г. военные науки. В архиве МГУ сохранилась ведомость успехов студентов физико-математического отделения за 1831-1832 учебный год, слушавших лекции Мягкова. Успехи всех слушателей, в том числе и Герцена, Мягков оценил как посредственные.

Стр. 134. Гумбольдт... был встречен в... заседании общества естествоиспытателей при университете. – Прием Гумбольдту в Московском обществе испытателей природы состоялся 26 октября 1829 г.

...император изволил дать Анну. – А. Гумбольдт был награжден орденом св. Анны первой степени указом от 1 ноября 1829 г.

...приказал не брать с него денег за материал и диплом: – Согласно существовавшим тогда законам, лица, пожалованные орденом, делали единовременный денежный взнос в орденский капитул.

Сан-Суси – дворец в Потсдаме, резиденция Фридриха II.

Стр. 135. ...Гумбольдту хотелось потолковать о наблюдениях над магнитной стрелкой. – В информации "Московских ведомостей" отмечалось, что в своем выступлении 26 октября А. Гумбольдт говорил о магнитных наблюдениях, сделанных им во время путешествия по Уралу.

Стр. 136. ...десять лет спустя, точно так же принимали Листа в московском обществе. – Лист посетил Россию в 1842, а также в 1843 и 1847 гг.

Стр. 136-137. ...воспетый не Глинкою, а самим Пушкиным в послании к Лукуллу, был министр народного просвещения С. С. (еще не граф) Уваров. Герцен имеет в виду стихотворение Пушкина "На выздоровление Лукулла", представляющее собой сатиру на С. С. Уварова. В момент описываемого посещения Москвы Уваров был товарищем министра народного просвещения.

Стр. 137. При Александре он писал либеральные брошюры по-французски. Имеются в виду "Eloge funebre de Moreau", St.-P., 1813, "L'Empereur Alexandre et Buonaparte", St.-P., 1814, и др.

...переписывался с Гёте по-немецки. – Переписка Уварова с Гёте опубликована в статье: G. Schmid "Goethe und Uwarow und ihr Briefwechsel" ("Russische Revue", Bd. XXVIII, 2 Heft, St.-P., 1888, S. 131-174).

Где наш старец Лонжерон. – Неточная цитата из стихотворения В. А. Жуковского

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
"Бородинская годовщина".

Стр. 138. ...декан – П. С. Щепкин.

Стр. 139. ...я представлял "Угара", а жена жандармского полковника "Марфу". – Имеется в виду пьеса А. А. Корсакова (409) "Марфа и Угар, или Лакейская война, комедия в одном действии, переделанная с французского из сочинений Дюбуа" (см. "Российский театр", 5-е собр., т. VI); Марфу играла П. А. Замятнина, жена А. Г. Замятнина.

...явился на польском митинге в Лондоне. – Герцен вспоминает свое выступление на митинге (29 ноября 1853 г.) в честь двадцать третьей годовщины польского восстания.

Стр. 141. ...учить по его катехизису. – Имеется в виду составленный для учебных заведений в 1828 г. на основе "Христианского катехизиса православной католической восточной греко-российской церкви" Филарета (СПб. 1823) краткий катехизис под названием: "Начатки христианского учения, или Краткая священная история и краткий катехизис".

Проповедь Филарета на молебствии по случаю холеры. – Герцен имеет в виду "Слово по освящении храма и по принесении господу богу молитв о предохранении от губительной болезни. Говорено сентября 18 дня 1830 г."

Митрополит... разослал новое слово... в котором пояснял... что Давид – это мы сами, погрязнувшие в грехах. – О рассылке по церквам "нового слова" сведений нет. По-видимому, речь идет о проповеди, произнесенной Филаретом 5 октября 1830 г., когда, обращаясь к царю, митрополит говорил: "Он не причиной нашего бедствия, как некогда был первою причиной бедствия Иерусалима и Израиля Давид".

Стр. 142. Я помню одного студента малороссиянина, кажется Фицхелаурова. Воспитанник гимназии войска Донского в Новочеркасске С. П. Фицхелауров с 1827 г. учился на медицинском факультете, по окончании которого (1831) был оставлен в университете на один год для изучения ветеринарной науки (Архив МГУ, Правление, 1-й стол, 1827, д. No 143, 1831, д. No 87);

Стр. 143. ...русскую царицу немецкого происхождения. – Речь идет о Екатерине II.

Но не пошла Москва моя. – Неточно приведенная цитата из "Евгения Онегина" А. С. Пушкина (глава седьмая, строфа XXXVII).

...фигура Карла X успела скрыться за туманами Голируда. – После Июльской революции Карл X бежал из Франции в Голи-руд – замок в Эдинбурге (Англия)".

...Бельгия вспыхнула. – Речь идет о революции 1830 г. в Бельгии.

...короля-гражданина. – Подразумевается Луи-Филипп Орлеанский, любивший щеголять титулом "короля-гражданина". (410)

Стр. 144. ...описание Гейне, услышавшего на Гельголанде. – Известие об Июльской революции застало Г. Гейне на острове Гельголанде. Герцен говорит о страницах из второй книги "Людвига Берне", где Гейне восторженно приветствует июльские события во Франции,

Nein! Es sind keine leere Traume. – Строка из стихотворения Гёте "Надежда", цитированная не совсем точно.

Стр. 145. В 1832 году пропал поляк. – Как указал ниже Герцен, этот студент "пропал" за несколько месяцев до ареста лиц, привлеченных к так называемому делу Сунгурова (началось в мае 1831 г.), следовательно, указанный поляк мог быть арестован не в 1832, а в 1831 г. Материалы архива Московского университета позволяют сделать предположение, что пропавший поляк – Г. С. Шанявский (род. около 1808) – по окончании Минской гу" бернской гимназии в 1827 г. был принят казеннокоштным студентом на медицинское отделение Московского университета. В июне 1831 г., перед окончанием университета, Шанявский был арестован, а затем сослан в Сибирь.

А где Критские? ...На что их осудили? – О судьбе членов кружка Критских см. М. Л

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
е м к е, Тайное общество братьев критских, "Былое", 1906, No 6, стр. 41-57, а
также Л. И. Насонкина, К вопросу о революционном движении студенчества
Московского университета, "Вестник Московского университета", 1954, No 4, стр.
153-164.

Стр. 146. ...схвачено ночью несколько... студентов - называли Костенецкого,
Кольрейфа, Антоновича и других. - Герцен называет фамилии студентов,
арестованных в числе других лиц по делу кружка Н. П. Сунгурова. Ю. П. Кольрейф и
П. А. Антонович были арестованы 20 июня 1831 г.; Я. И. Костенецкий, находившийся
в отъезде (в подмосковном имении помещика Рахманова, близ г. Дмитрова),
арестован несколько позже.

Все мы... ждали, что с ними будет. - Упомянутые Герценом студенты были сосланы
рядовыми в военные части.

Нас было пятеро сначала - А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. И. Сазонов, Н. М. Сатин
и А. Н. Савич.

Вадим, по наследству, ненавидел... самовластье. - Отец Вадима Лассека, Василий
Васильевич Пассек, был человеком передовых для своего времени убеждений. При
аресте в 1794 г. у него были обнаружены рукописные списки "Путешествия из
Петербурга в Москву", а также ряд его собственных вольнолюбивых,
антимонархических стихотворений, написанных под влиянием А. Н. Радищева, (411)

Стр. 148. ...другие руки и задержали его в Сибири. - Имеется в виду опекун
Василия Васильевича Пассека, П. Б. Пассек, присвоивший его наследство. .

В начале 1826 года Пассеку было разрешено возвратиться в Россию. - Пассек
получил разрешение на возвращение из Сибири Э конце 1824 г. Семья Пассек прибыла
в Центральную Россию в 1825 г.

Стр. 149. В это время Николай праздновал свою коронацию. - Коронование Николая I
в Москве состоялось 22 августа 1826 г.

Две старших сестры - О. В. и З. В. Пассек.

Стр. 150. ...трое... окончили курс в университете - Д.. В. Пассек, В. В. Пассек,
П. В. Пассек.

Старшие - Е. В. и Л. В. Пассек.

...один во флоте, другой в инженерах. - Во флоте - Л. В. Пассек. Д. В. Пассек
служил в это время инженером путей сообщения.

...старушку мать - Е. И. Пассек.

Один - Д., В. Пассек.

Вадим умер в феврале 1843 г. -- Вадим Пассек умер в октябре 1842 г.

Стр. 151. Товарищ попечителя - А. Н. Панин.

Стр. 152. ...это эполеты Полежаева. - Полежаев был произведен в офицеры лишь
перед самой смертью.

...это прощение Кольрейфа. - Кольрейфа возвратили из ссыл-ки незадолго до его
смерти.

Стр. 153. ...уважал его за его исторические изыскания о Москве. - Имеются в
виду: "Описание царства Московского" (Прибавление к "Московским губернским
ведомостям", 1841, No 7-15), "О состоянии Москвин Московской губернии в
царствование Петра Великого" (там же, 1841, No 28) и др.

"Как знал он жизнь" - надпись на надгробном памятнике Д. В. Веневитинова,
является заключительной строкой из его элегии "Поэт и друг".

Стр. 154. Старший брат Вадима - Е. В. Пассек.

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Стр. 155. Имена наши уже были занесены в списки тайной полиции. – Огарев и Сатин с лета 1833 г. находились под секретным полицейским надзором за связь с сунгуровцами. В. декабрь 1833 г. полицейские заметили Огарева с Соколовским, распеваящих "Марсельезу" у подъезда Малого театра. Оболенский состоял под надзором полиции еще с 1832 г.

Стр. 156. ...вероятно, моего имени в письме не было. – лесовский вызывал к себе А. Топорнина, И. Оболенского, Н. Огарева, И. Кольрейфа, Н. Станкевича, Я. Неверова, Н. Сатина, Н. Кетчера и Я- Почеку за переписку с Костенецким. Имя Герцена в (412) письме не было упомянуто (МОГИА, ф. 16г оп. 31, св. 16, д. 49. ШЗЗ).

...Бестужеву дал крест за смерть. – Известие о награждении георгиевским крестом за храбрость, проявленную в боях на Кавказе, не застало А. А. Бестужева-Марлинского в живых.

Глава VII

Стр. 159. Я писал астрономическую диссертацию. – Речь идет о статье Герцена "Аналитическое изложение солнечной системы Коперника" (1833).

...птицы, состоящей при Минерве. – В древнеримской мифологии богиня мудрости Минерва изображалась обычно с совой (сим" вол мудрости) на шлеме или же у ног.

– Поздравляю вас, – сказал он мне, – вы – кандидат. – Выпускные экзамены проходили 22 июня 1833 г. Для получения степени кандидата необходимо было набрать по восьми дисциплинам минимум 28 баллов (при высшей оценке – "4" и низшей – "0"). Герцен набрал 29 баллов: по ботанике, чистой математике, сельскому хозяйству и минералогии, зоологии, химии – "4", по физике, прикладной математике, астрономии – "3".

Стр. 160. "Экзамен кончился... попытка продолжалась от 9 утра до 9 вечера". – Герцен цитирует с незначительными изменениями выдержку из своего письма к Н. А. Захарьиной от 26 июня 1833 г.

"Сегодня акт... не хотел быть вторым при получении медали". – Несколько измененный Герценом текст приписки к его письму, адресованному Н. А. Захарьиной (от 5 или 6 июля 1833 г.).

Стр. 163. Он как-то удачно продал, помнится, рукопись "Хевери". – В. Соколовский собирался печатать тогда не драматическую поэму "Хеверь", а роман "Одна и две, или Любовь поэта". В цензурный комитет отдельные части этого романа относили Огарев, Сатин и Соколов (с 10 октября по 18 декабря 1833 г.). После этого в Москву приехал Соколовский и жил у Сатина до 22 января 1834 г. Таким образом, "праздник", о котором идет речь, был в конце декабря 1833 г, или в январе (до 22) 1834 г.

Стр. 165. ...Николай Михайловичу Кузьме – слуге Н. М. Сатина.

Стр. 170. ...беранжеровскую застольную революцию. – В песнях Беранже 20-х годов в замаскированной шутивно-иронической форме в виде тостов за дружеским столом высказывались революционные, республиканские симпатии, сочетавшиеся с утверждением жизненных наслаждений. Отсюда, очевидно, и происходит выражение Герцена "беранжеровская застольная революция". (413)

Стр. 171. ...несторовской летописи. – Культ Нестора-летописца был распространен среди славянофилов.

...судить по кодексу Наполеона. – Сен-симонистов судили в 1832 г. по статье 291 Уголовного кодекса (введен в действие в 1811 г.), обвиняя в оскорблении общественной морали и нравов. Герцен имеет в виду филистерский, лицемерный характер буржуазного Уголовного кодекса, а также Гражданского кодекса, изданного в 1804 г. и переименованного в 1807 г. в Кодекс Наполеона.

...по орлеанской религии. – Период Июльской (орлеанской) монархии отличался крайней распушенностью нравов правящей финансовой аристократии. Вместе с тем июльские власти обвиняли сен-симонистов, пропагандировавших "новую религию" и равенство полов, в безнравственности и проповеди "общности жен".

Стр. 172. ...завешенную икону после революции 1830 года. – В период июльской монархии из зала суда удалялись распятия Христа, а иконы завешивались зеленым покрывалом.

Стр. 173. ...принялся за "Парашу Сибирячку". – Герцен говорит о переходе Н. А. Полевого в лагерь реакции после закрытия в 1834 г. "Московского телеграфа". "Параша Сибирячка" – одна из пьес, написанных Полевым в этот период.

Прибавление. А. Полежаев

Стр. 174. ... "разить врагов отечества", как Робеспьер после своего Fete-Dieu. – Во время якобинской диктатуры был введен 18 флореаля (7 мая 1794 г.) так называемый культ Верховного существа. Этот культ был объявлен новой "гражданской религией". В честь Верховного существа устраивалось празднество 20 прериала (8 июня 1794 г.), о котором и говорит Герцен. Установление культа Верховного существа сопровождалось усилением террора против внутренних врагов.

Князь Ливен. – Пост министра народного просвещения в то время занимал не К. А. Ливен, а А. С. Шишков."

Стр. 176. Полежаева свезли в лагерь и отдали в солдаты. – 28 июля 1826 г. Полежаев был отправлен унтер-офицером в Бутырский полк.

Прошли три года... он бежал... – Побег из Бутырского полка Полежаев совершил в июне 1827 г.

Военный суд приговорил... прогнать сквозь строй. – За побег из Бутырского полка Полежаев был разжалован в рядовые "с лишением личного дворянства и без выслуги". Осенью 1837 г. за самовольную отлучку из полка Полежаев был наказан розгами. (414)

Без утешений. – Неточная цитата из стихотворения Полежаева "Провидение,".

Полежаева отправили на Кавказ. – В 1829 г. Полежаев был отправлен на Кавказ рядовым Московского пехотного полка.

Стр. 177. Он перепросился в карабинерный полк, стоявший в Москве. – В 1833 г. Московский полк, в котором служил Полежаев, был возвращен с Кавказа и расположен в г. Коврове, Владимирской губернии.

...издали его сочинения... при них хотели приложить его портрет в солдатской шинели. – Герцен имеет в виду издание: "Арфа. Стихотворение Александра Полежаева", М., в типографии В. Кирилова, 1838.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Главы VIII–XVIII впервые опубликованы в книге "Тюрьма и ссылка. Из записок Искандера", Лондон, 1854.

Глава VIII

Стр. 178. ...слушая наши смелые рассказы. – На следствии 1834 г. Герцен рассказывал следующее: "С знакомыми же моими имел разговоры о правительстве, осуждал некоторые учреждения и всего чаще стесненное состояние крестьян помещичьих, доказывая сие произволом налогов со стороны господ... и находя, что сие состояние вредит развитию промышленности" (д. No 142, л. 379).

Стр. 179. Это стоит корнелевского "qu'il mourut". – Эти слова произносит Гораций-отец – персонаж трагедии Корчеля "Гораций" (акт 3, сцена 6).

...забрал бумаги и увез Н. П. – Н. П. Огарев был арестован 9 июля 1834 г. 12 июля – освобожден на поруки отца, а 31 июля арестован вторично.

Стр. 180. ...познакомились мы с В. – Под инициалом В. скрывается В. П. Зубков.

Стр. 181. Лафертово. – Речь идет о Лефортово.

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Стр. 184. ...усиливавшегося сделаться ученым, теоретиком.- 2 сентября 1832 г. М. Ф. Орлов был избран почетным членом Московского общества испытателей природы. Став членом совета общества, он безуспешно добивался изменения устава общества в целях его демократизации, предлагал открыть в зале общества публичные чтения курсов естественных наук и пр. В ноябре 1836 г. в заседании общества Орлов сделал доклад "Некоторые философские мысли о природе". (415)

...умер от ран на Кавказе. - Н. Н. Раевский-сын умер в 1843 г. в имении Красненькое, Воронежской губернии.

Стр. 165. ...пир 24 июня. - См. начало XII главы и примеч. к стр. 208.

...В Люцерне есть удивительный памятник; он сделан Торвальдсеном в дикой скале. - Герцен описывает памятник, воздвигнутый в 1821 г. по проекту Торвальдсена. Этот монумент посвящен памяти швейцарцев, павших во время защиты Тюильри (Париж) в 1792 г.

Стр. 186. Это было девятнадцатого июля 1834. - Герцен описывает встречу с Н. А. Захарьиной, происшедшую 20 июля 1834 г.

Глава IX

Стр. 187. ...вы поедете со мной. - Герцен был арестован ночью 21 июля 1834 г.

Стр. 188. Добросовестный. - Выборное лицо (род старшины), избиравшееся для разбора споров. Здесь идет речь о роли понятого.

Глава X

Стр. 195. Тем и кончился первый допрос. - Первому, допросу Герцен подвергся 24 июня 1834 г. Ему было задано пятнадцать вопросов, на которые он дал письменные ответы.

Стр. 196. нельзя не согласиться с министром, который уверял капитана Копейкина. - Герцен имеет в виду эпизод из "Повести о капитане Ксшейкине" в "Мертвых душах" Н. В. Гоголя (т. I, гл. X).

Стр. 197. ...другой князь Голицын - А. Ф. Голицын.

Стр. 198. "...отчего же мужика и не посечь, мужика иногда надобно посечь!" - Слова Селифана Герцен цитирует не совсем точно (см. Н. В. Гоголь, "Мертвые души", т. I, гл. III).

Глава XI

Стр. 200. ...Крутицкий монастырь, превращенный в жандармские казармы. - В конце XVIII века Крутицкий монастырь был упразднен, а здания его были отведены под казармы.

Стр. 203. ...знаменитой актрисы. - Е. С. Семеновой.

Стр. 206. ...эmissарами.-То есть уполномоченными образованного во время восстания 1830-1831 гг, польского правительства. (416)

Глава XII

Стр. 208. Голицын sen - С. М. Голицын.

Голицын jun - А. Ф. Голицын.

...давал своим приятелям праздник 24 июня 1834 года. - "Праздник" устраивал Е. П. Машковцев. "24 прошедшего месяца, - показал он на следствии 28 июля 1834 г., - узнавши, что я удостоен степени действительного студента, я пригласил к себе некоторых из своих товарищей на завтрак. Они привезли еще некоторых знакомых мне, но коих я не приглашал... Из бывших у меня гостей, кроме Уткина, - Сорокин, Киндяков, Убини, Масленников, Аркадий Машковцев, Оболенский, Иванов, Скаретка, Перемышлевский и еще теперь не припомню, принимал ли кто участие - утвердительно писать не могу" (д. No 142, лл. 317-318). Это подтвердили И. Оболенский и Н.

Былое и думы (часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
убини (там же, лл. 301, 325).

...известную песню Соколовского.--В несколько ином варианте песня В. И. Соколовского приведена в статье М. К- Лемке "Очерки жизни и деятельности Герцена, Огарева, и их друзей" (по неизданным источникам), "Мир божий", 1906, No 2, отд. первый, стр. 121- 122. Из материалов следствия по делу "О лицах, певших в Москве пасквильные песни", видно, что Соколовский не был сочинителем этой песни, а узнал ее по выходе из кадетского корпуса летом 1826 г. А. В. Уткин на следствии показал, что песню "Русский император" он узнал от А. И. Полежаева. Можно предположить, что Полежаев и был автором песни.

Стр. 209. Вечером. Скарятка вдруг вспомнил. - Спровоцированная Скареткой пирушка состоялась не в тот же вечер, а 8 июля 1834 г.

Через две недели арестовали нас. - Лица, упоминаемые Герценом ниже, были арестованы в разные дни. О датах ареста Гер-,цена и Огарева см. в примечаниях к стр. 179 и 187. Соколовский был арестован 19 или 20 июля в Петербурге.

Стр. 212. ...многотомное издание записок герцога Сен-Симона. - Имеется в виду книга "Подлинные воспоминания герцога Сен-Симона о царствовании Людовика XIV и эпохи регентства", ч. 1-21, Париж, 1829-1830, изд. в Париже на франц. языке.

Ведь это он писал о Петре I. - Речь идет о статье Герцена "Двадцать осьмое января" (1833).

Стр. 213. ...между нами четырьмя. - Имеются в виду А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. М. Сатин и И. А. Оболенский. (417)

Стр. 214. Опять история слесарши Пошлепкиной и ее мужа в "Ревизоре". -* Герцен сравнивает слова Шубинского с ханжеским поведением городничего в комедии Н. В. Гоголя "Ревизор" (см. действ. IV, явл. XI).

...собрали... двадцатого марта для слушания приговора. - Приговор был объявлен 31 марта 1835 г.

Стр. 219. Ибаев умер по-своему: он сделался мистиком. - Л. К. Ибаев получил образование в Морской первой артиллерийской бригаде, затем служил офицером в Белгородском уланском полку и, выйдя в отставку, приехал в Москву "для приискания должности и места". Вместе с Соколовским и Уткиным Ибаев был в 1835 г. заключен в Шлиссельбургскую крепость, откуда в 1838 г. был отправлен на службу в Пермь. В 1841 г. в Перми он выпустил небольшую книгу "Анатомический нож, или Взгляд на внутреннего человека", на которую в "Отечественных записках" (1842, т. XX, отд. VI, стр. 70-71), был дан резко отрицательный отзыв за ее мистический характер. Именно в то время в "Отечественных записках" сотрудничали Герцен и Огарев, которые не могли не знать об этой рецензии. Это, по-видимому, и дало основание Герцену назвать Ибаева мистиком.

Стр. 222. ...увиделись... 9 апреля 1835 г. - Это событие Герцен описал во "Второй встрече" (1836).

...Зачем же воспоминание об этом дне... напоминает так много страшного?.. Все прошло!.. - Герцен вспоминает похороны Н. А. Герцен в 1852 г.

Глава XIII

Стр. 223. Per me si va nella citta dolente. - Из "Божественной комедии" Данте ("Ад", песнь третья).

Стр. 227. ...quid timeas? Caesarem vehis! - По преданию, эти слова произнес Цезарь, желая подбодрить кормчего, испугавшегося бури и пытавшегося свернуть судно с ранее намеченного курса.

Стр. 230. ...другой сосланный, назначенный в Вятку. - И. А. Оболенский.

Стр. 231. Янтарь в устах его дымился.- Из поэмы А. С. Пушкина "Бахчисарайский фонтан".

Стр. 233. ...в pendant галереи полководцев 1812 года. - Речь идет о построенной

Былое и думы (часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru в 1826 г. в Зимнем дворце (С.-Петербург) архитектором К. И. Росси "Галерея Отечественной войны 1812 г.". Стены галереи заполняют портреты генералов русской армии, участников Отечественной войны 1812 г. (418)

Глава XIV

Стр. 238. ...секретарем Канкрин. - К. Я. Тюфяев секретарем Канкрин не служил.

Стр. 242. ...Энкеиева комета. - Комета, открытая Пенсом и названная именем немецкого астронома Энке, определившего ее орбиту.

Стр. 243. "La regina en aveva molto!" - у Пушкина: "perche la grande regina aveva molto..." ("потому что великая царица имела много..." г итал.).

Стр. 244. ...князь Е. Грузинский без притона беглых. - Помещик-деспот Е. В. Грузинский укрывал в своем нижегородском имении беглых крепостных, выдавая их за собственных.

Стр. 245. ..."вернулся алеутом", как говорит Грибоедов. - Из монолога Репетилова (см. "Горе от ума", действ. IV, явл. 4).

Стр. 247-248. ...оно велело везде завести комитеты. - На основании указа правительствующего сената и распоряжения министра внутренних дел от 25 января 1835 г. в губерниях образовывались статистические комитеты, на которые был возложен учет государственных имуществ. В Вятке статистический комитет начал работу в мае 1835 г.

Стр. 250. ...saparites, которые хотели ввести при Людовике-Филиппе в выборы. - Герцен имеет в виду проекты избирательной реформы, которые выдвигались во Франции в период 1840-1848 гг. В этих проектах, в частности, содержалось требование о предоставлении избирательного права лицам, имеющим ученую степень.

Стр. 251. С Канарского... поляки... иначе смотрят на русских.- Польский революционер Шимон Конарский стремился к сотрудничеству поляков с русскими в общей борьбе против царизма. Во время заключения Конарского в Виленской тюрьме (1838) тайной организацией русских офицеров во главе с Кузьминым-Караваевым была предпринята попытка его освободить.

Стр. 252. ...его "усердие" точно так же превозмогло бы все. - Герцен имеет в виду надпись на графском гербе, пожалованном Николаем I П. А. Клейнмихелю: "Усердие все превозмогает".

Глава XV

Стр. 256. ...пользуясь отсутствием Александра, бывшего в Вероне или Аахене. - В 1818 г. в немецком городе Аахене и в 1822 г. в Вероне (Италия) происходили конгрессы реакционного "Священного союза".

Стр. 266. В 1835 году святаейший синод счел нужным поапо-стоить в Вятской губернии и обратить черемисов-язычников (419) в православие. Описываемые ниже Герценом события произошли в 1829-1830 гг. Непосредственным поводом для них послужило совершение обряда идолопоклоннического жертвоприношения (в Сернурской волости 3 декабря 1828 г.), на котором присутствовало до трех тысяч крещеных и некрещеных черемис (прежнее название народности мари).

Его звали Курбановским. - Филарет откомандировал миссионером в Вятскую губернию священника Александра Покровского. Герцен смешивает его с протоиереем Николаем Курбановским, который в числе других представителей местного духовенства, посланных по уездам, был миссионером в Яранском уезде.

Стр. 267. Апостолу-татарину правительство прислало владимирский крест. Девлет-Кильдеев был награжден бриллиантовым перстнем.

...департамент государственных имуществ воровал... назначили следственную комиссию, которая разослала ревизоров по губерниям. - В мае 1836 г. по распоряжению Николая I были отправлены чиновники в Московскую, Курскую, Псковскую и Тамбовскую губернии для обревизования государственных имуществ. В Вятской губернии были проведены две ревизии в 1837 г.,: одна (начата в конце мая

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru 1837 г.) – коллежским советником Холодовским; другая – генерал-губернатором А. А. Корниловым по его прибытии в Вятку в августе месяце.

С этого началось введение нового управления государственными крестьянами. – В январе 1837 г. государственные имущества были переданы в ведение временного управления департаментом государственных имуществ во главе с П. Д. Киселевым. В декабре 1837 г. департамент государственных имуществ был упразднен и учреждено министерство государственных имуществ. Министр государственных имуществ П. Д. Киселев провел реформы, в результате которых перестраивалось все управление государственными крестьянами (в том числе и местное). Реформы имели целью укрепление феодальных отношений в государственной деревне, повышение налоговой платежеспособности, дальнейшее "обуздание" государственных крестьян в связи со все усиливавшимися среди них стихийными восстаниями.

Стр. 270. ...о знаменитой истории картофельного бунта. – В Вятской губернии картофельные бунты происходили в 1834 и 1842 гг. Судя по рассказу Герцена (упоминание о распространении бунта не только в Вятской, но и в Казанской губернии, "пушечной картечи и ружейных выстрелах", о поездке графа П. Д. Киселева), в "Былом и думам" речь идет о бунте 1842 г., который по своему размаху был наиболее значительным. (420)

Стр. 271. ...по флигельману. – Согласно уставу, учрежденному Павлом I, флигельман – унтер-офицер, стоявший перед фронтом подразделения, проделывал ружейные приемы, которые солдаты обязаны были в точности повторять.

Крестьяне Казанской и долею Вятской губернии. – Бунт захватил Казанскую, Пермскую и Вятскую губернии. В Вятской губернии крестьянские волнения были в нескольких волостях Нолинского, Слободского, Вятского и Глазовского уездов.

Стр. 272. ...Киселев проезжал по Козьмодемьянску во время суда. – Министр государственных имуществ П. Д. Киселев в 1842 г. совершал поездку по северо-восточным губерниям.

Павел Дмитриевич – П. Д. Киселев.

Стр. 273. ...колчевский полицмейстер. – То есть хромой (от колчить хромать). Вятский полицмейстер был хром.

Глава XVI

Стр. 277. ...Александр издал манифест. – Имеется в виду манифест от 25 декабря 1812 г. "О построении в Москве церкви во имя Христа Спасителя в ознаменование благодарности к промыслу божию за спасение России от врагов".

Стр. 283. ...падение мистического министерства. – См. примеч. к стр. 71–72.

...насильственно отнятого у монастырей Екатериной. – Согласно манифесту Екатерины II, изданному в феврале 1764 г., церковные имения передавались государству. В конце царствования Екатерина II раздавала секуляризованные церковные земли своим фаворитам.

Лабзин сослан в Вологду. – Лабзин был сослан в 1822 г. в г. Сенгилей, Симбирской губернии. В 1823 г. ему было разрешено поселиться в г. Симбирске.

Стр. 288. ...религиозная экзальтация писем. – От Н. А. Захарьиной.

...чувство раскаяния. – Герцен намекает на свое увлеченно П. П. Медведевой (см. "Былое и думы", часть III, гл. XXI).

Стр. 288. "В идее потерянного рая... история человечества!" – Герцен неточно цитирует письмо Н. П. Огарева от 7 июня 1833 г. (см. "Литературное наследство", т. 61, стр. 714).

...написал в социально-религиозном духе исторические сцены, которые тогда принимал за драмы. – Герцен говорит о своих драматических опытах "Из римских сцен" и "Вильям Пен", созданных в 1838–1839 гг. (421)

...всякий может писать пятистопным, ямбом без рифм, если сам Погодин писал им. –

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Нерифмованным пятистопным ямбом написана трагедия М. Погодина "Марфа, посадница новгородская".

В 1841 Белинский поместил в "Отечественных записках" длинный разговор о литературе. - Имеется в виду статья В. Г. Белинского "Русская литература в 1841 году", напечатанная в "Отечественных записках" за 1842 г., No 1.

Стр. 289. ...юноша - А. Е. Скворцов.

Глава XVII

Стр. 295. ...книгу Токвиля о демократии в Америке. - Имеется в виду "De la democratic en Amerique", par A. de Tocqueville, tt. 1-2, p., 1835.

Глава XVIII

Стр. 301. ...гостинице... с своей курицей "с рысью"... уксусом вместо бордо. - См. повесть "Тарантас" В. А. Соллогуба (гл. V).

...поручил мне с одним учителем гимназии заведовать "Губернскими ведомостями". - Герцен был редактором "Прибавлений" к "Владимирским губернским ведомостям". Учитель, о котором говорит Герцен, - Д. В. Небаба, был его соредактором.

...в Вятке поставил на ноги неофициальную часть "Ведомостей"... поместил... статейку... - "Вятские губернские ведомости" начали выходить в январе 1838 г. В это время Герцен уже находился во Владимире. Герцен напечатал в "Прибавлениях" к "Вятским губернским ведомостям" несколько заметок.

Стр. 302. "Губернские ведомости" были введены в 1837 году. - "Губернские ведомости" начали издаваться в 1838 г. в сорока двух губерниях России.

Блулов, известный... как сочинитель "Доклада следственной комиссии" после 14 декабря. - Д. Н. Блулов был назначен Николаем I в 1826 г. делопроизводителем Верховной следственной комиссии по делу декабристов.

...выслужившиеся "арзамасские гуси". - То есть бывшие члены литературного общества "Арзамас" (1815-1818).

Стр. 303. ...заменил земских заседателей становыми приставами. - На основании Положения о земской полиции, утвержденного в 1837 г., выборные должности земских заседателей упразднились, вместо них был введен институт становых приставов. Становой пристав назначался губернатором и ведал станом (частью уезда). (422)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Главы XIX-XXIV впервые опубликованы в "Полярной звезде" на 1857 г. (кн. III).

Глава XIX

Стр. 306. "Не ждите от меня длинных повествований... буду говорить... редко, редко, касаясь намеком или словом заповедных тайн своих". - Эпиграф взят Герценом из последней главы части II "Былого и дум" в издании 1854 г. ("Тюрьма и ссылка. Из записок Искандера", Лондон). В эпиграфе в несколько измененном и сокращенном виде приведены три заключительных абзаца этой главы.

Стр. 307. ...выдала замуж их сестер. - Подразумеваются М. А. Яковлева (в замужестве Хованская) и Е. А. Яковлева (в замужестве Голохвастова).

Стр. 309. две дочери - Н. Ф. и Е. Ф. Хованские.

Стр. 312. последней дочери. - Имеется в виду Н. Ф. Хованская (в замужестве Насакина).

..."компаньонка" - М. С. Макашина.

Стр. 313. ...Старая француженка - m-me Matthey.

Глава XX

В главах XX и XXI Герцен приводит большое количество писем Н. А. Захарьиной, ныне хранящихся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Стр. 314. Ребенок – Н. А. Захарьина.

Стр. 316. "Вот тайна: дней моих весною" – из поэмы И. Козлова "Чернец" (ч. IV).

Стр. 318. ...сын какой-то вдовы-попадья. – Речь идет о П. С. Ключареве и Т. И. Ключаревой.

Стр. 319. ...Сашей – Вырлиной.

Стр. 321. ...сохранилось несколько писем Саши. – Оригиналы цитируемых Герценом писем Саши Вырлиной нам неизвестны. В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина хранятся шесть писем Саши Вырлиной, адресованных Н. А. Герцен и относящихся к 1838–1839 гг.

Стр. 322. ...русскую девушку – Э. М. Аксберг.

Стр. 324. ..."деву чужбины" Шиллера. – См. стихотворение Шиллера "дева чужбины".

Это было в тюрьме. – Речь идет о свидании 9 апреля 1835 г. (423)

"...не в отеческом законе". – Из поэмы А. С. Пушкина "Граф Нулин".

Стр. 325. ...молодая девушка – Л. В. Пассек.

Стр. 327. "кузина, помнишь Грандисона?" – цитата из "Евгения Онегина" А. С. Пушкина (глава седьмая, строфа XLI).

Г л а в а XXI

Стр. 331. Р.– П. П. Медведева.

Стр. 340. ...портрет. – Речь идет о портрете А. И. Герцена, написанном А. Л. Витбергом в конце сентября – начале октября 1836 г. Портрет был заказан А. И. Герценом ко дню рождения Н. А. Захарьиной и вручен ей его отцом 22 октября 1836 г.

...о браслете. – В своем письме к Н. А. Захарьиной от 3 марта 1837 г. Герцен сообщает, что получил от нее браслет.

Стр. 341. Паулина – Тромпетер.

...по делу филаретов. – Название польского тайного студенческого общества при Виленском университете в первой четверти XIX века. В 1822–1823 гг. молодежь, принадлежавшая к обществу, была арестована. Многие были посажены в тюрьмы, сосланы, отданы в солдаты.

Стр. 343. ..."-Das Madchen aus der Fremde". – Стихотворение Шиллера "дева чужбины".

Стр. 345. Повесть вышла плоха. – Имеется в виду неоконченная повесть "Елена", которую Герцен писал в 1836–1838 гг.

Глава XXII

Стр. 345. ...двоюродный брат. – С. Л. Львов-Львицкий.

Стр. 348. С. – в оригинале письма Натальи Александровны – Свечина.

З. – А. И. Снаксарев.

...душа ее, живущая одним горем. – Намек на разрыв между Э. М. Аксберг и Н. М. Сатиным.

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
Стр. 352. ...к брату – А. А. Яковлеву ("Химику").

Стр. 354. Пускай себе поплачет – не совсем точная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова "Завещание".

...более Мара – Марата.

...с примесью чего-то патфайндерского. – Имеется в виду герой романа Ф. Купера "Следопыт" ("The Pathfinder"). (424)

Глава XXIII

Стр. 355. Третье марта. – Дата первого свидания А. И. Герцена и Н. А. Захарьиной после разлуки.

...девятое мая. – Дата венчания Н. А. Захарьиной и А. И. Герцена.

Стр. 360. Один из друзей – Н. И. Астраков.

Стр. 361. Чаадаев... посвятивший ей свое знаменитое письмо о России.
"Философическое письмо" Чаадаева посвящено С. Д. Пановой.

Глава XXIV

Стр. 373. 13 июня 1839 года. – День рождения первого сына Герцена Александра.

Стр. 375. В римских элегиях, в "Ткачихе". – Речь идет о цикле стихов Гёте "Римские элегии", а также стихотворения "Пряха", по памяти названном Герценом "Ткачиха".

...в Гретхен и ее отчаянной молитве. – См. "Фауст" Гёте (часть 1, сцена 18).

Стр. 378. Прасковья Андреевна – Эрн.

Стр. 380. Was hat man dir, du armes Kind, getan? – См. стихотворение Гёте "Миньона". Этим стихотворением открывается первая глава третьей книги произведения Гёте "Годы учения Вильгельма Мейстера".

Стр. 382. 15 августа 1832. – Дата неверна: записка писана 22 октября 1833 г.

Стр. 383. Е. И. – Е. И. Герцен.

Эмилия Михайловна – Аксберг.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Братьям на Руси

"Братьям на Руси" – самый ранний из известных нам текстов, связанных с "Былым и думами" – было написано как предисловие к мемуарам. Затем Герцен отказался от своего намерения, и этот текст при его жизни не был напечатан. "Братьям на Руси" впервые опубликовано в издании М. К- Лемке, т. VII, стр. 154-156.

Стр. 388. ...если б смерть не переехала мне дорогу. – Имеется в виду смерть Н. А. Герцен.

Стр. 389. Мы расстались с вами... 21 января 1847 года. – Гер-, цен с семьей выехал за границу 19 января 1847 г. (425)

...написал... воспоминания. – Имеется в виду ранняя редакция "Записок одного молодого человека" – автобиографическая повесть "О себе".

...il veder dinanzi era tolto. – Неточная цитата из "Божествен" ной комедии" Данте ("Ад", песнь XX).

К первой части <Предисловие>

Печатается по тексту "Полярной звезды" на 1856 год (кн. II), где было

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru опубликовано впервые.

Ко второй части Введение <к первому изданию "Тюрьмы и ссылки">

Печатается по тексту "Тюрьмы и ссылки", Лондон, 1854. Предисловие (к англ. изданию "Тюрьмы и ссылки").

Английский текст предисловия был впервые напечатан в изда нии "My Exile in Siberia", London, 1855. Русский перевод был впервые опубликован в издании М. К-Лемке, т. VIII, стр. 586-587. В настоящем издании печатается новый перевод.

Ко второму изданию <"Тюрьмы и ссылки">

Печатается по тексту второго издания "Тюрьмы и ссылки", Лондон, 1858, где было впервые опубликовано.

К третьей части <Предисловие>

Печатается по тексту "Полярной звезды" на 1857 год (кн. III}, где было впервые опубликовано.

Первые три части печатаются по изданию Герцен А.И. Былое и думы. Части 1 3. - М.: ГИХЛ, 1958.

Назад в Мою библиотеку

В формате word 97

1 вольнодумцев (франц.).

2 грузчиком (от франц. debardeur).

3 кое-как {франц.).

4 плеврит (от франц. pteuresie).

5 В бумагах моих сохранились несколько писем Саши, писанных между 35 и 36 годами. Саша оставалась в Москве, а подруга ее была в деревне с княгиней; я не могу читать этого простого и восторженного лепета сердца без глубокого чувства. ""Неужели это правда, - пишет она, - что вы приедете? Ах, если б вы в самом .деле приехали, я не знаю, что со мною бы было. Ведь вы не. поверите, чтоб я так часто об вас думала, почти все мои желания, все мои мысли, все, все, все, в вас... Ах, Наталья Александровна, ведь как вы прекрасны, как милы, как высоки, как - но не могу уж выразить. Право, это не выученные слова, прямо из сердца..."

В другом письме она благодарит за то, что "барышня" часто пишет ей. "Это уж слишком, - говорит она, - впрочем, ведь это вы, вы", и заключает письмо словами: "Все мешают, обнимаю вас, мой ангел, со всею истинной, безмерной любовью. Благословите меня!" (Прим. А. И. Герцена.).

6 приказчицы (франц.).

7 налета (франц.).

8 Я очень хорошо знаю, сколько аффектации в французском переводе имен, но как быть - имя дело традиционное, как же его менять? К тому же все неславянские имена у нас как-то усечены, и менее звучны, - мы, воспитанные отчасти "не в отеческом законе", в нашу молодость "романизировали" имена, предержавшие власти "славянизируют" их. С производством в чины и с приобретением силы при дворе меняются буквы в имени; так, например, граф Строгонов остался до конца дней Сергей Григорьевичем, но князь Голицын всегда назывался Сергей Михайлович. Последний пример производства по этой части мы заметили в известном по 14 декабрю генерале Ростовцове: во все царствование Николая Павловича он был яков, так, как Яков Долгорукий, но с воцарения Александра II он сделался Иаков, так, как брат божий! (Прим. А. И.. Герцена.).

Былое и думы (часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
9 собственного понятия о чести (франц.).

10 пепельного цвета (франц.).

11 желания нравиться (франц.).

12 из самого источника (лат.).

13 старался всячески угодить (франц.).

14 возбужден, взвинчен (от франц. *etre monte*).

15 Слишком поздно (итал.).

16 Разница между слогом писем Natalie и моим очень велика, особенно в начале переписки; потом он уравнивается и впоследствии делается сходен. В моих письмах рядом с истинным чувством – ломаные выражения, изысканные, эффектные слова, явное влияние школы Гюго и новых французских романистов. Ничего подобного в ее письмах, язык ее прост, поэтичен, истинен, на нем заметно одно влияние, влияние евангелия. Тогда я все еще старался писать свысока и писал дурно, потому что это не был мой язык. Жизнь в непрактических сферах и излишнее чтение долго не позволяют юноше естественно и просто говорить и писать; умственное совершеннолетие начинается для человека только тогда, когда его слог установли-вается и принимает свой последний склад. (Прим. А. И. Герцена.).

17 Зато "просвещенное" начальство определило в той же вятской гимназии известного ориенталиста, товарища Ковалевского и Мицкевича – Берниковского, сосланного по делу филаретов, учителем французского языка. (Прим. А. И. Герцена.).

18 прохладительным напитком (от нем. *kalte Schale*).

19 "дева чужой страны" (нем.).

20 салатом с селедкой (от нем. *Hering-Salat*).

21 госпожи аптекарши (нем.).

22 аспида (от франц. *aspic*).

23 Какое сердце ты предал! (итал.)

24 семейный оратор (франц.).

25 сестра (франц.).

26 невмешательство (франц.).

27 сделанного не воротишь! (итал.)

28 постановкой (франц.).

29 различаю, провожу различие (лат.).

30 ярко, как днем (итал.).

31 всегда в движении (лат.).

32 "Альманах для женщин" (франц.).

33 что с тобою сделали, бедное дитя? (нем.)

34 Слишком поздно, святой отец, вы всегда, всегда опаздываете! (итал.)

35 Записочки эти сохранились у Natalie, на многих написано ею несколько слов карандашом. Ни одного письма из писанных ею в тюрьму не могло у меня уцелеть. Я их должен был тотчас уничтожить. (Прим. А. Я. Герцена.)

Былое и думы (Часть 3). Александр Иванович Герцен herzenalexander.ru
36 восторженный, тон (франц.).

37 На днях я пробежал в памяти всю свою жизнь. Счастье, которое меня никогда не обманывало, – это твоя дружба. Из всех моих страстей единственная, которая осталась неизменной, это моя дружба к тебе, ибо моя дружба – страсть (франц.).

38 Пропускаю его. (Прим. А. И. Герцена.)

39 не дано было смотреть вперед (итал.).

40 Рассказ о "Тюрьме и ссылке" составляет вторую часть записок. В нем всего меньше речи обо мне, он мне показался именно потому занимательнее для публики. (Прим. А. И. Герцена.).

41 с сути дела (лат.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://herzenalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!